

ЕЛЕНА ДОЛГОВА

Сфера Маальфаса ~ Маги и мошенники ~ Волчий остров

БОЕВОЕ ФЭНТЕЗИ

Елена Долгова

**Сфера Маальфаса. Маги
и мошенники. Волчий
остров. Боевое фэнтези**

«Издательские решения»

Долгова Е.

Сфера Маальфаса. Маги и мошенники. Волчий остров. Боевое фэнтези / Е. Долгова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937223-9

Сфера Маальфаса — артефакт невиданной мощи, который после жестокой битвы попал в руки императора Церена. Разгадать тайну магического талисмана, научиться управлять его силой поручают бывшему инквизитору Людвигу фон Фирхофу. Маги и Мошенники — история о том, как звенят мечи, бунты потрясают могучую Империю, и горят города, а по дорогам идет человек, умеющий писать и переписывать Историю. Волчий остров — рассказ-приквел, написанный в жанре готического фэнтези. Публикуется впервые. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-937223-9

© Долгова Е.

© Издательские решения

Содержание

СФЕРА МААЛЬФАСА	6
Пролог	6
Глава 1. Опасны одинокие прогулки в холмах	7
Глава 2. Несомненный вред историков и менестрелей	13
Глава 3. Инквизиторы не спят, малефики бодрствуют	21
Глава 4. Два кинжала	27
Глава 5. Веселый город	35
Глава 6. Поле камней	39
Глава 7. Под землей	44
Глава 8. Сомнения тех и этих	48
Глава 9. Пришедшие	53
Глава 10. Враги, союзники и дипломаты	59
Глава 11. В различии – сходство	63
Глава 12. Одного письма бывает недостаточно	69
Глава 13. Воды озера Эвельси	72
Глава 14. Поражение	78
Глава 15. Бегство	82
Глава 16. Сфера Маальфаса	87
Глава 17. Голуби войны	94
Глава 18. Ястребы мира	98
Глава 19. Мятеж	105
Глава 20. Возвращение	110
Глава 21. Шарфенбергская охота	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Сфера Маальфаса. Маги и мошенники. Волчий остров Боевое фэнтези

Елена Долгова

© Елена Долгова, 2018

ISBN 978-5-4493-7223-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СФЕРА МААЛЬФАСА

Пролог

В гулком пространстве полутемного зала тревожно отдавался каждый звук. Трещали, выбрасывая яркие искры, сосновые бревна, пылающие в огромном камине. За дубовым столом, неподалеку от камина, склоняясь над исчерченным пергаментом, сидели трое мужчин. Советник императора Билвиц, полный, пожилой, веснушчатый, с неровным лицом, озабоченно сдвинув рыжие брови, расправил на столе карту, искусно нарисованную на тонко выделанной коже. Расположившийся рядом Дитмар, граф Рогендорфский, высокий, широкоплечий, не двигался, обратив задумчивый взгляд узких темных глаз куда-то в сумрачную пустоту зала. Третий – крепкий, с черными волосами, кое-где высветленными сединой, кареглазый, с короткой бородкой, скрывающей нижнюю часть широкого лица, – сам император Священной Империи Гизельгер. Оплывали свечи. Трое за столом молчали.

– Раз нам нужна помощь – почему бы не отправить послов на запад, государь? – прервал молчание Дитмар.

– Помощь может более обременить Империю, чем причина, побудившая ее просить, – коротко и обманчиво флегматично обронил Билвиц. Глаза его, полуприкрытые тяжелыми веками, скрывались в тени.

– Стража!

Гулко отозвались под сводом шаги Кунца Лохнера, капитана гвардии, поспешившего на зов императора.

– Введите его, – приказал Гизельгер.

Жарко пылал камин, но человек, одетый в изодранную рясу, ежился, как будто мерз под порывами пронизывающего насквозь ледяного ветра. Монах попытался припасть к ногам императора, гвардейцы подхватили благочестивого под руки, заставляя держаться на пристойном расстоянии от Гизельгера. Обиженный монах почесал голову, всю в сосульках грязных волос, сердито одернул рясу, прикрыв исцарапанные ноги в грубых сандалиях.

– Как тебя звать? – спокойно спросил император, заранее зная ответ.

– Филипп. Брат Филипп, государь.

– Встань... – император с едва скрываемой досадой махнул рукой, приказывая подняться все-таки рухнувшему на колени монаху. – Расскажи нам все, что ты видел и запомнил.

Бесцветный голос монаха, казалось, шуршал, как сухая солома.

Он рассказал.

Глава 1. Опасны одинокие прогулки в холмах

Империя, 26 сентября 6999 года от Сотворения Мира

Над северной равниной свистел ветер. Кроны часто стоящих деревьев колыхались сплошным ковром, мешая темно-зеленую хвою с ядовито-медной листвой.

Между мокрыми порыжевшими осинами, осторожно ставя копыта на кочки, покрытые чахлой осенней травой, шли вереницей три верховые лошади. Серые тяжелые плащи скрывали силуэты, делая всадников неотличимыми друг от друга, капли воды стекали по лошадиным гривам, тихо позвякивало железо на конской сбруе. Угрюмое, пропитанное водой небо, казалось, придавило и редкий лес, и животных, и путников.

Первый из всадников – если судить по форме сумок, лесничий – придержал толстую пегую лошадь.

– Устали, хозяйка? Потерпите. Сейчас на юг, видите, дерево со старыми гнездами? Потом свернем – и вдоль длинного холма. Скоро покажутся башни Виттенштайна.

Девушка на гнедом иноходце откинула капюшон, открыв свежее озорное личико и поток прямых волос цвета светлого каштана. С седельного ремня свисал маленький охотничий арбалет, инкрустированный перламутром. Возле копыт лошади трусила, часто перебирая короткими лапами, низкорослая уродливая собачка в серебряном ошейнике – длинноухая, с гладким, как хлыст, хвостом. Девушка выпрямилась в седле.

– Отец ждет нас. Он пошлет людей на поиски. Нужно торопиться. Какой был барсук, Шенк! Ты не забыл шкуру?!

– Здесь она, в сумке.

– Я вижу, ты не забыл облезлую шкуру. А вот дорогу ты хорошо помнишь, любезный? – вмешался третий путник. Насмешливый голос, доносившийся из-под опущенного капюшона, принадлежал элегантному молодому мужчине.

– Конечно. Десять лет тут землю бью. Пешим и на коне, каждый кустик знаю, каждый камешек. Стежки-дорожки, тропы и пни. С чего бы мне дорогу забывать?

Лесничий Шенк, знаток тропинок через болота, обиженно замолчал. Трое охотников прищипорили лошадей. Черные топи остались на севере. В таких местах сквозь бездонную толщу воды лениво поднимаются болотные пузыри. В молодых, зыбких болотах, под обманчивым ярко-зеленым покрывалом растительности лениво колыхнется трясина, способная в минуту проглотить всадника вместе с конем. Но немного на юг – и появляются плоские травяные кочки. Меж ними пробиваются низкие кустики трав, осень усеивает их пестрой россыпью диких ягод, похожих на крупный цветной бисер, и горят меж кочек долгими осенними вечерами призрачные белесые огни...

Заболоченная низина, поросшая редким осинником, протянулась на юго-восток, к своей южной оконечности постепенно повышаясь, чахлое редколесье сменилось густым ельником, чтобы, наконец, уступить место траве, можжевельнику и полянам дикой клубники. Тропа обогнула торфяники по самому краю, постепенно становясь суше и шире. Впереди лежали холмы, рассеченные узкой, как порез, ложиной.

Трое всадников ехали шагом, каждый думал о своем, еще не подозревая о той роли, которую приуготовила каждому история.

Девушка отпустила повод красной кожи. Хмурые холмы медленно надвигались, заслоняя печальное небо.

Алиенора представляла лицо отца – щеки, заросшие рыжей щетиной, низко нависшие брови, скрывающие светлые, почти белесые глаза с крошечными темными точками у зрачка, косой шрам, задевший бровь и стянувший висок. Она искренне восхищалась отцом – военная биография и отчаянная репутация барона давали к этому множество поводов. Шестнадца-

тилетний Виттенштайн шел в первых рядах армии, посланной дедом нынешнего императора в невероятно отчаянный поход на юг. Тогда сверкали глаза, лилось вино, гремели гимны, произносились речи, легко взлетали к небу поспешно выхваченные из ножен мечи...

Предприятие правителя оказалось безумным с самого начала – галеры уходили от свай южных портов, чтобы, переплыв море, причалить к сухим пескам пустыни. Сезон штормов начался раньше обычного, и половина армии канула на дно, так и не увидев вожаемого берега. По иронии судьбы оставшаяся половина, изнемогая от жажды, дралась с кочевниками, засевшими в неприступных крепостях-оазисах – дралась уже не за тусклое зеленоватое золото южных копей, а лишь за возможность опустить ладони и лицо в стылую, тугую, такую прекрасную воду...

Из южного похода вернулся только каждый десятый. Среди них был и «бешеный Виттенштайн».

Теперь постаревший рубака, участник пяти войн при двух императорах, супруг, схоронивший двух нестарых жен, отец, потерявший старшую дочь и младенца-сына, безумно любил последнего ребенка. Любил, одновременно и восторгаясь ее строптивым нравом, и искренне проклиная судьбу, ведь дочь – не сын. Возможно, время и оседлая жизнь что-то надломил в старом головорезе.

Законы и обычаи Церенской Империи стары. Некоторые более, некоторые менее – эти насчитывают пару-тройку сотен лет. Веселый озорной обычай – ежегодный выбор наместника нищих – уважаем ничуть не менее чем имперские законы против магии, подлога и воровства. Избранный голодранцами эфемерный бургомистр царит в предместье столицы всего три дня – но зато каких! – столица взрывается безумием праздника, бредут ритуальные шествия пьяниц, балаганы актеров и бродячие певцы стекаются в города.

Другие обычаи не столь веселы. Монахи столицы каждый год мечут Жребий, выбирая одного-единственного жителя Церена. Конечно, и речи нет о том, чтобы переписать и снабдить костяными бирками всех бесчисленных подданных Гизельгера. Первый Жребий падает на провинцию. Второй – на округ. Третий отбирает именитое семейство. Избранный родными навсегда оставит семью и уйдет в обитель со строгим уставом, в общем-то, честь немалая – хотя добровольцев почему-то никогда не находится. Молитвы считаются необходимым дополнением к мощи имперских мечей.

Год назад выбор пал на семейство Виттенштайнов. Молча ярящийся барон поставил точку в череде жребиев – оглядел бледных, трясущихся дочерей, вынул и опрокинул побитый стакан с игральными костями... Нечет! Хильду забрали монахи.

Алиенора вновь ощутила слабое эхо прежнего ужаса, малодушного душевного облегчения – жребий миновал ее, Нору! – и мгновенно обрушившегося отчаянного горя. Платья сестры до сих пор хранятся в доме, ее ручного дрозда Алиенора сама выпустила из клетки – птица долго не хотела улетать, стуча клювом в свинцовую раму окна.

Девушка устала, мешал промокший отяжелевший плащ, сдвинулась шитая золотом шапочка, густые волосы падали на глаза, усталость постепенно вытеснила тревогу и печаль.

...Проводник держался первым, тщательно скрывая тревогу. Он больше не оборачивался к хозяйке, внимательно рассматривая тропу в поисках понятных только ему примет. Опасные трясины далеко на севере и востоке, местность не обещала всадникам особых испытаний. Трава, деревья, тропинка – все выглядело как обычно, но что-то – он сам не знал что – не нравилось Шенку. Лесничий едва заметно покосился на боевой меч на поясе у рыцаря – дьявол понес его с таким клинком на охоту, но Элеран фон Шарфенберг привык поступать по-своему.

...Элеран фон Шарфенберг устроил поудобнее разряженный на охоте арбалет, поправил пояс с мечом и оглядел мокнувший под дождем лес, припоминая подходящее к случаю лэ Якоба Виссерона, но так ничего и не вспомнил. Жеребец осторожно ставил копыта на хруст-

кие шишки, неровные кочки и кустики лесных трав. Всадник старался уклониться от потоков брызг, которые то и дело сыпались с потревоженных путниками деревьев.

О, небеса! Дела государства в последние годы пришли в немалый беспорядок. Взять хотя бы банды бродячих альвисов на дорогах – вот и теперь пришлось сделать немалый крюк, оставив удобный тракт, меся под дождем размокшую глину и давя копытами лошадей сорные травы болот. Откуда берется этот сброд? Шайки их ютятся в глухих местах, появляются то здесь, то там, слоняются по дорогам и ценят лишь одно – чужое имущество. Засада, молниеносный удар, быстрый грабеж, десяток брошенных тел. Случались баталии и покрупнее – сожженные деревни, убитые, зачем-то даже выпотрошенные солдаты. Они так и лежали – беззащитные в смерти куклы – тела отдельно, внутренности, аккуратной кучкой, – отдельно.

Шарфенберг передернул плечами – его снова обдал поток холодных брызг, вода уже насквозь пропитала плащ.

Эти кровавые дела мало волнуют центральные власти – справляйтесь как хотите, теряйте лучших людей в стычках. Императорское правосудие спит, пока оси колесницы закона не подмазаны золотым маслом. Император велик – кто спорит, все церенские императоры такие, – но что за мысли витают в многомудрой государевой голове? С тех пор, как два поколения назад прервался прямой род церенских императоров и на престол сел дед Гизельгера, желающий сосчитать покушения на правителей мог и сбиться со счета. Пусть подушка трона и жестковата, но среди полудесятка знатнейших семей нередко находился тот, кого осеняла простая, как яблоко, мысль: «Небесный гром! А почему бы не я?» Тем более что топор палача не тронет знатнейшие шеи Империи. Конечно! Потому что головы высших на эшафоте сносят исключительно мечом. В таких орудиях правосудия мастера замуровывают специальные полости, заполненные ртутью, чтобы удар получался чистым и быстрым...

Элеран рассмеялся собственным странным мыслям и, опомнившись, пустил жеребца легкой рысью вдогонку маленькой кавалькаде. Он держался последним, охраняя тыл маленькой компании – конечно, это не лучшее место для рыцаря, однако нельзя позволить, чтобы Нора незаметно отстала.

Шарфенберг мысленно поморщился, хотя его раздражение никак не отражалось на утонченном, породистом лице. Воля семьи. Девушка недурна собой, хорошего рода, единственная наследница и отлично воспитана. Такая невеста – неплохое приобретение, способное упрочить его положение и украсить дом. Но – рыжая, небесный гром – она же рыжая, как его вернейская гончая! Ладно. Да будет так... В конце концов, солнечный цвет – цвет золота, и разве не любили древние поэты золотоволосых женщин? Элеран улыбнулся, слегка трогая шпорами скакуна.

...Неизвестный, засевший в холмах, еще раз внимательно осмотрелся. Мокрые валуны. Над головой, в серой, набрякшей влагой вышине, медленно кружит стервятник. Неподалеку начинается редколесье. Пока между деревьями никого не видно. Но там в конце концов появятся те, кого он ждет. Они обязательно появятся – терпение хищника побеждает осторожность добычи. И тогда неизбежно свершится то, что совершается уже давно. И будет короткая опасность боя, месть и возвращение с добычей. Это правильно и хорошо, потому что нет другого способа жить и – выжить...

Дождь прекратился, редколесье осталось позади. На открытом пространстве вольный ветер высушил конские гривы, придвинулись стены холмов, их склоны испещрили пятнышки серых валунов, кружит гриф в небе, наверное, отслеживает зайца, спрятавшегося в редком кустарнике. Чуть проглянуло сквозь облака солнце, на минуты оживив, раскрасив и согрев мокрые холмы. Сквозь кучи облаков засиял лоскут светло-голубого, как глаза северянки, неба.

Нора распахнула плащ, Элеран откинул капюшон, подъехал и остановил свою лошадь рядом – стремя к стремени. Ветер на миг взметнул и перепутал их волосы.

Шенк огляделся – осторожность лишний раз не повредит. Тревожное место, но лесничий два дня назад не нашел здесь ничего опасного. Пусто, трава не смята, тракт далеко в сто-

роне... Лопухая собачка хозяйки суежилась среди разбросанных там и сям валунов, что-то вынюхивая.

– Мышка, ко мне!

Едва заметная тропа вилась по дну оврага, здесь трава, защищенная от ветра, несмотря на осень, оставалась зеленой. Это почему-то внушало надежду. Кусты можжевельника усеивали мелкие шишечки, колючие и синеватые.

– Можно трогаться, госпожа. Все чисто.

Лошади медленно шли по тропе. Холмы закрыли уже половину неба...

Дальнейшие события последовали молниеносно, застав маленький отряд врасплох. Элеран не испугался – молва не лгала насчет смелости Шарфенберга. Медленно, будто в сонном видении, запрокинулся назад, на круп лошади, Шенк, лошадь вскинулась на дыбы, выбросила раненого из седла, арбалетный болт торчал из левого плеча лесничего. Освободившийся от седока конь шарахнулся в сторону, насколько это позволила тесная лощина. Такса в серебряном ошейнике, отброшенная в сторону случайным ударом копыта, скуля, покатила по земле и тут же утихла, уткнувшись острой мордочкой в мокрую глину.

– Засада! Назад, Нора!

Элеран бросил бесполезный арбалет и, стиснув рукоять меча, огляделся. Двое противников перекрыли тропу, один, коренастый седой оборванец, как раз мелкими шажками двигался в сторону раненого Шенка, явно собираясь докончить дело ножом. Второй, долговязый, поджарый, как борзая, с обмотанной тряпкой головой и хорошим, имперского образца клинком, принял боевую стойку, перекрыв путь в глубь холмов. Третий враг, едва различимый, отбросив разряженный арбалет, возился на вершине холма – об этом можно было забыть на время – тем более, четвертый грабитель был уже рядом и заносил для удара топор. Элеран рванул повод, разворачивая скакуна в тесном проходе, меч со свистом вышел из ножен. Бродяга даже и не пытался пробить кольчужные поножи всадника – он самым грубым образом метил в незащитные конские ноги. Шарфенберг, не тратя времени, наотмашь полоснул по спутанным волосам.

– Доброго пути на тот свет, оборванец.

Шенк, шатаясь, поднялся с земли, по его кольчуге, пробитой арбалетным болтом, стекала неправдоподобно яркая кровь. Стрела не убила его – лишь застряла в мякоти левой руки чуть повыше локтя. Лесничий почти пришел в себя – он кривился от боли и судорожно дергал ножны, пытаясь вытащить короткий клинок.

Элеран спрыгнул с седла, примериваясь к долговязому, с имперским мечом. Тот гибко ушел от удара и сделал молниеносный – лишь зазвенел рассекаемый воздух – выпад. Фехтовал он отлично – слишком хорошо для альвисианского бандита, – Элерану понадобилось все его умение, чтобы вскользь отразить этот удар, сталь блеснула почти у самых глаз, задела завиток волос на виске, просвистела возле уха.

Шарфенберг немного отступил назад, перевел дыхание, теперь противники описывали на растерзанной траве полукруг. Стычка затягивалась. Элеран пожалел, что на нем лишь мягкая шапочка вместо шлема. Рискнуть все же стоило – он широко замахнулся, открывшись, левый бок пониже сердца ощутил мгновенный укол. Лезвие болезненно ткнуло в ребра, скрипуче чиркнуло по скрытой под расшитой курткой кольчуге. В следующий миг клинок Шарфенберга опустился на незащищенное плечо противника. Долговязый слишком поздно понял свою ошибку – когда его левая рука, отделившись от туловища, полетела на траву.

Элеран перешагнул через тело, мимоходом заметив восковую бледность, разом потемневшие веснушки и ставшие черными из-за расширившихся зрачков глаза дочери Виттенштайна. Оцепенев от испуга, она не повернула лошадь назад и сейчас смотрела на схватку, прижимая ладонь к губам. К счастью, гнедой иноходец стоял почти спокойно, и девушка не выпала из седла.

Раненый Шенк все еще отмахивался от противника. Левая, искалеченная рука бессильно повисла. Оба противника довольно неуклюже топтались на месте, но лесничий, получив еще полдюжину мелких порезов, двигался вяло, теряя силы вместе с кровью. Элеран попросту ткнул мечом в незащищенный живот наседающего коренастого, поймал повод своего жеребца и вскочил на конскую спину.

– Отходим. В седло. Живо.

Спасенный Шенк, не в силах говорить, благодарно кивнул. Этот жест оказался последним – второй болт, прилетевший с вершины холма, ударил слугу прямо в ямку между ключиц.

«Проклятье, – подумал Шарфенберг, – склон почти отвесный, глина мокрая. Я ошибся – я забыл о враге, это худшая из ошибок. Как он попал туда? Наверное, обошел с запада, по полному склону. Придется спешиться и лезть, и то – получится ли. Пока я буду пытаться добраться до трижды проклятого ублюдка, он четырежды успеет убить меня. Три жизни взято за одного мертвого слугу – вполне достаточно. Надо уходить...»

– Нора, держись за мной!

Элеран ударил жеребца шпорами и еще успел увидеть краем глаза, что девушка, сбросив оцепенение, тоже пытается повернуть коня.

– Быстро! К лесу!

Мелькнуло темное пятно – заранее подкопанный и приготовленный грабителем камень отделился от верхушки холма и покатился вниз. «Боже мой, – подумал Шарфенберг, – эта глыба сейчас перекроет нам путь назад, единственную тропу к спасению». Страх он все еще не испытывал. Ближе, еще ближе...

«Удастся или нет?» – подумал Элеран почти с любопытством. Глухой удар за спиной сотряс тропу, камень запечатал проход. Вперед, прочь от предательских холмов! Темно-зеленая масса спасительного леса стремительно приближалась. Внезапно хлынул ливень. Порыв ветра бросил в лицо тугие струи. Все это время Элерану казалось, что гнедой Алиеноры скачет следом.

...Тяжело рухнул камень. Тонко, почти человеческим голосом, закричал гнедой, раненый в шею стрелой, и Алиенора упала с конской спины на мягкую глину, свалился плащ, дорожное платье намокло и порвалось. Она вскочила так быстро, как только сумела, и тут же замерла, парализованная страхом. Умиравшая лошадь билась в двух шагах от нее, ржание заглушило все иные звуки. Поэтому бандит, пронзенный мечом Элерана, умирал неподалеку совершенно беззвучно.

Ошеломленная девушка смотрела, как он пытался придержать выпавшие из распоротого живота внутренности – засовывал их обратно: вместе с грязью, сломанными сухими травинками и мелкими камешками. Широкоскулое лицо посерело, спутанные волосы скрывали верхнюю половину лица, белые, крепкие зубы обнажились в оскале.

Лошадиный крик пронзительно взвился и внезапно оборвался. Сверху посыпалась земля, последний, четвертый, альвис в лавине земли, камешков и сломанных веток наполовину спустился, наполовину скатился вниз. Его одежду и даже лицо сплошь залепила мокрая глина.

Жертва стояла, не двигаясь. Благородные дамы Церенской Империи никогда не сражались с оружием в руках, их дело – хранить очаг, таков обычай, почти что закон, освященный временем. Исключения, конечно, случались, но все больше из тех, что отлично подтверждают правила – когда-то пиратствующими у северных берегов оборванцами и впрямь верховодила, наводя ужас своей жестокостью, какая-то полусумасшедшая опальная баронесса.

Альвис сделал шаг в сторону девушки.

– И-и-и!

Метнулось эхо в теснине холмов, Нора выхватила и метнула изящный охотничий кинжал. Получилось гораздо хуже, чем у прославленной в знаменитых песнях Якоба Виссерона пиратки – лезвие перевернулось и белая костяная рукоять безвредно ударила врага под бровь.

Альвис лишь резко отшатнулся, на мгновение потеряв самообладание от острой боли. Возможно, вмешался случай или головорез не привык получать пусть даже безобидные тычки в глаз, но мокрая земля под ногами хлюпнула, и враг, не удержав равновесия, поскользнулся.

Благородная девица Алиенора фон Виттенштайн, отбросив досадные помехи – плащ, шапочку и вуаль, пустилась бежать не хуже дочери простого виллана. Она хваталась за колючие ветви кустов, ноги в остроносых туфельках скользили по глине и мелким камням. Сзади тяжело дышал настигающий ее враг.

Сначала Нора не думала о том, куда бежит, стремясь к одному – вырваться из теснины, подняться на вершину холма, как будто там ее ожидало спасение.

С противоположной стороны холм обрывался почти отвесно прямо в овраг, заросший травой и кустами, за ним маячила еще одна вершина. Девушка, обезумев от страха, бежала все дальше. Склоны становились круче. Она уже не столько спускалась, сколько катилась вниз. Твердая грань камня под рукой. Между двумя валунами дыра – пещера? Тьма показалась спасительной, Нора юркнула внутрь, пальцы вытянутых рук встретили сухую поверхность известняка. Девушка сжалась и замерла, забившись в углубление камня, образовавшее подобие ниши.

Зашуршала, осыпаясь, земля, на фоне светлого пятна входа появилось другое пятно, темное, – преследователь. Наверняка ему, пришедшему с яркого света, чернота карстового грота казалась непроглядной. Жертва перестала дышать. Фигура охотника на несколько бесконечных минут отстранилась от входа. И тут же появилась снова – с самодельным факелом в руке.

Глава 2. Несомненный вред историков и менестрелей ***Империя, 27 сентября 6999 года от Сотворения Мира***

Если от земли Виттенштайн повернуть на северо-запад и провести две недели в пути, попадешь в насквозь продуваемую морскими ветрами столицу Империи, город Эберталь. Говорят, в прежние времена портовый городок стоял на самом берегу и лестницу у городской площади лизали соленые морские волны. Однако пиратские набеги за двести лет опустошили все побережье – не раз и не два горожане, собрав остатки скарба, уходили подальше от злого берега, похоронив тела родных и бросив морскому ветру стылый пепел домов.

Город отстраивали, но все дальше и дальше от опасного моря, в конце концов оно совсем скрылось из глаз. Жители Эберталя перестали считать себя моряками, но порт остался, корабли заходили в устье Лары, чтобы подняться к мирным речным пристаням столицы. Прежние пираты давным-давно окончили свою карьеру. Иногда – туго набив кошельки и став вследствие этого честными людьми, но чаще по заслугам – под свист и улюлюканье толпы на скользком от крови эшафоте. На безопасном морском берегу был выстроен новый замок императоров – грозный Лангерташ.

«Во времена, предшествующие седьмой тысяче лет от Сотворения Мира Господом нашим, Священная Империя достигла такого величия, что несметными своими богатствами, роскошью нарядов, беззаботностью своих обитателей далеко превосходила другие страны.

Твердой рукой держит Гизельгер Великий бразды правления, и зрим символ его власти – императорский замок, что стоит у моря, в двух часах конной езды от имперской столицы. Незыблема Священная Империя, и с Высшего благословения пребудет она вовек...»

Гизельгер воспетой историком твердой рукой отбросил переплетенную в белую кожу книгу. Жалобно захрустели смятые листы. Императору захотелось поддать брошенную книгу ногой, но он сдержался.

Придворный хронист – высокопарный пустобрех. Стиль его тяжел, к тому же скучно, нет в изложении занимательности. Прогнать историка? – но заменить его нечем, любая другая ученая знаменитость станет копией опального сочинителя. Наверное, именно так и должно писать хроники.

Правитель устроился у распахнутого окна, между свинцовыми переплетами которого рука мастера вставила цветные кусочки стекла. Внизу, под скалой, на которой возведен замок Лангерташ, бились о камень волны. Волны тоже напоминали стекло, зеленое, жидкое и волшебным образом живое. В этой цитадели император Гизельгер, чье правление столь же богато победами, сколь и мятежами, чувствовал себя в безопасности.

Лангерташ выстроил дед нынешнего императора. Цитадель красива, на расстоянии она кажется изящной игрушкой, но стоит подъехать поближе – и грубая тяжесть тесаного камня нависает над головой путника, заставляя его остро почувствовать собственное ничтожество. Внешний бастион поднимается на двадцать локтей в высоту, выступы толстых стен, сложенных из огромных каменных блоков, венчают маленькие башни с остроконечными кровлями. Внутренний двор окружает зубчатая стена вдвое выше наружной. Скалу, на которой дед нынешнего императора, едва не убитый восставшими горожанами, выстроил неприступный Лангерташ, опоясывает ров, сообщающийся с морем. Во внутреннем дворе вырыт колодец, дающий свежую воду, подвалы заполнены съестными припасами – все, что нужно на случай осады. У одного из узких окон, пробитых во внутренней стене, и стоял сейчас задумчивый Гизельгер.

Мейзенского монаха, брата Филиппа, уже увели. Как оказалось, он знал немного. Однако после рассказа благочестивого беда перестала быть страшной. Теперь она невольно представлялась императору осязаемо и обыденно мерзкой. Гизельгер вспоминал.

Hortus Alvis... Альвисы. Старая, неизлечимая болезнь Империи. Дьявол знает, откуда взялся этот странный народ, ютящийся в пещерах, которых повсюду много в Империи. Хронист Дезидериус Многоречивый, двести лет назад заполняя убористым почерком пергамент, впервые упомянул о многочисленных против обычного разбойничьих шайках, наводивших ужас на путников чрезмерно холодной зимой 6799 года. Шайки бандитов наводнили тогда леса и холмы северо-востока, и в сумятице нарождавшегося мятежа, когда сотни людей замерзли прямо на улицах столицы, а целые провинции голодали, никто не допрашивал разбойников и не вслушивался в их предсмертные крики – имперская стража без лишних слов волокла арестованных на виселицы. Январский ветер свистел, раскачивая обильно развешанные прямо на деревьях тела, промерзшие разбойники стучали, как деревяшки, и число желающих грабить близ дорог сильно поубавилось. Запуганные люди вздохнули чуть посвободнее.

Ошибка стражи выяснилась позднее. Тогда, когда уже никто не мог сказать – сколько среди повешенных профессиональных грабителей, сколько отчаявшихся неудачников и бродяг, а сколько – их, тех, кто пришел из-под земли.

За последующие две сотни лет пришельцы ниоткуда умножились числом, обзавелись именем, данным, должно быть, каким-то ученым шутником¹, и постепенно стали серьезной докукой для имперских властей.

Опасные бродяги этого сорта держались обособленно даже от подонков Империи, не жили нигде, кроме карьеров, глухих мест и пещер, пользовались собственным языком и считались людьми вне закона. Никто не видел их в храмах. Про их изобретательные расправы с ограбленными путниками рассказывали шепотом. Альвисы, случалось, грабили деревни и беззащитные города поменьше, угоняли скот, иногда уводили с собой двух-трех пойманных имперцев, порой неизвестно зачем жгли созревшие для жатвы поля. Стычки эти казались сродни набегам извне, только враг приходил не от границ, а из самой тверди земли Церена. Изредка пойманных пленников без суда вешала имперская стража.

Имперцы привыкли считать – альвисы жестоки с жертвами до полной беспощадности, не очень многочисленны, впрочем, их никто не считал, и ничтожны по сути своей. С этим беспокойством вполне справлялись владельцы земель без вмешательства центральных властей. Пока два года назад не произошло это... То, что перевернуло устоявшийся ход обычных бед и поставило Империю на грань последнего бедствия.

Гизельгер усмехнулся, вспомнив, как нервно почесывался перепуганный брат Филипп. Монах глуп, подумал император, но как же порою в ущерб героям везет простецам!

*Рассказ брата Филиппа, инока мейзенской обители,
записанный с его собственных слов 20 сентября 6999 года от Сотворения Мира*

Я, Флориант Бек, принявший в монашестве имя Филиппа, со смирением выслушав заданные мне вопросы, показал следующее. Город Мейзен, где во славу Господа воздвигнута обитель наша, невелик, однако обнесен стенами.

Обитель стара и стоит не менее трех сотен лет с тех пор, как рука ее основателя, Антона Грасси, положила первый камень стен. Монастырь выстроен внутри городских укреплений, таким образом, что святые реликвии хранит двойное кольцо стен – городских и монастырских. В Мейзене всегда в изобилии стоят солдаты, так что жизнь обители спокойна. Однако настоятель наш, отец Дениз, вдохновленный свыше, а также имея великое попечение о безопасности святых реликвий, равно как ковчежцев, святых символов и статуй

¹ Альвис – мифологический карлик-цверг, очень мудрый, от слова «многознающий».

угодников, искусной работы и драгоценно изукрашенных, велел сохранить в обители пристойный запас луков, мечей и стрел, что и было исполнено со всею тщательностью. Попечение настоятеля, каковое казалось излишним нам, инокам, принужденным чистить острые клинки и запасать стальные жала, не иначе как было подсказано святыми покровителями нашими, мучениками Коломаном и Дезидериусом.

Мудрости настоятеля ныне обязан я жизнью своею, но в отдаленные те дни иные монахи роптали, хоть и не решались на дерзость открытого противуречия. Однако мечи все ж были куплены и прибраны в сухой погреб, в котором до той поры хранилось вино, употребляемое при священных обрядах...

...на иные же вопросы, заданные мне духовным трибуналом, показываю я чистосердечно, что в день 13 июля, когда враги веры и Господа нашего, именуемые альвисами, подступили под самые стены города, я в числе прочей братии присутствовал после положенных молитв на утренней трапезе. Мы, монахи, хоть и болели душой за правое дело, однако не имели большого беспокойства, поскольку, как я уже показал, число солдат в городе было велико, а командовал ими храбрый капитан Конрад Роггенбергер, за премногие подвиги прозванный Шрамом.

В тот тревожный час добрые горожане мужского полу собрались на стенах, вооружившись пристойно, дрова же под котлами со смолой на крайний случай были запалены, и смрадный дым витал над Мейзенем.

Время в тревожном ожидании шло, но враг все еще держался в некотором отдалении, по-видимому, собираясь отступить, из-за чего, соскучась ожиданием, я покинул свой пост у стены и вернулся в обитель, ведомый рвением передать отцу Денизу добрую весть. Однако настоятель встретил меня не по заслугам сурово и, грозя заслушание водворением *in pace*, повелел спуститься в погреб, дабы вынести наверх луки и мечи.

...Так, спускаясь по крутым ступеням в бедный погреб наш, не знал я, что тем самым спасаю и жизнь свою, и, быть может, саму душу, однако в то время было сердце мое полно противоречия.

Подобрав удобную связку мечей, собрался я вернуться, как подобает, однако сердце мое дрогнуло, замерев, и, как думал я тогда, остановилось.

Я, трезвый и постящийся, испытал под ребрами боль, которой мучить положено лишь чревоугодников и пьяниц. Затем тело мое словно бы покрылось грязью, что облепляет ободья колес и телег, тронувшихся в путь после большого дождя. Члены мои перестали слушаться от ужаса, и, сомкнув взоры, увидел я глазами души, как шевелится неподалеку зло, словно зверь, разбуженный охотниками в берлоге.

И плакала моя душа, ожидая гибели вечной, там где смрад и холод с одной стороны и адский жар с другой. И рыдал я, упав на колени, и хотел произнести молитву, но не слушались мои уста.

...а потом кончилось все, и ушло прочь большое зло, как уходит туча презренная, не пролив ни капли дождя. Тогда, поднявшись было, упал я на колени вновь, дабы воспеть священный гимн. Однако, закончив молитву, поднялся наверх, все ж прихватив мечи, которые были надобны настоятелю.

Каково же было мое горе, когда увидел я, что отец Дениз и вся братия лежат бездыханны.

...И плакал я, и трогал их тела, и звал, но молчание было мне ответом, и вышел я за ворота обители и узрел, что добрые горожане, и матери семейств, и дети, и солдаты, и сам капитан Конрад Шрам, остались там, где застала их неведомая смерть. В тот час печали был я единственным живым дыханьем в Мейзене. И в скорби моей не устаю благодарить я святого Коломана, покровителя нашего, за то, что хранил жизнь мою, дабы рассказал

я о виденном и слышанном... ...в свидетели правдивости рассказа моего призываю Господа нашего я, Флориант Бек...

Гизельгер, скрестив руки на груди, размышлял, глядя, как ленивые зеленые волны медленно лижут серый песок.

Два года – четыре разом опустевших под ударом зла города. Десять тысяч мертвых, один уцелевший чудом.

Рассказ выжившего монаха не прояснял главного – природы случившегося. Да, какое-то сильное колдовство, но альвисы – всего лишь грязный сброд, твари, нечто среднее между человеком и животным, да – грабят и убивают, но кто поверил бы, что они искусные колдуны?

Грубый демонический ритуал при желании доступен любому – не без риска, конечно. В Империи было все. Промышляли колдуны, за сходную плату обещавшие без лишнего шума отправить к праотцам наскучившего врага. Подпольная торговля амулетами процветала. В ход шли истыканные иглами восковые куклы и яд, извлекаемый из бурых жаб, приворотные зелья из мандрагоры, сомнительные афродизиаки, части тел казненных, превращенные в пепел, кости, смолотые в порошок. Аристократические дьяволопоклонники столицы отправляли черную мессу на обнаженных животах собственных сестер и жен. Невежественные крестьяне южных провинций до сих пор истово молились луне и каменным идолам мертвых лжебогов. Страх перед инквизицией, костром и удавкой не останавливал дураков, ищущих легких путей к желаемому. Император презрительно усмехнулся. Как будто бывают легкие пути. Даже тропа к смерти не всегда легка и безболезненна.

Впрочем, настоящее, тонкое и сильное колдовство, сурово порицаемое церковью, запрещенное и гонимое имперской инквизицией, но неистребимое, все равно оставалось сомнительной привилегией – уделом образованных, способных к познанию абстракции слова или владеющих золотом. Дьявольские эликсиры стоили дьявольски дорого. Только за золото можно было купить редкие фолианты и редкие ингредиенты для запретных опытов.

Император убрал свиток с рассказом Флорианта Бека в лакированный ларец и с треском захлопнул инкрустированную крышку. Витой ключ легко повернулся в вычурном замке, надежно запирая тайну.

Что ж, сброд умудрился превзойти изощренных в тайном познании. «Привилегия» не просто нарушена – то, что сотворили в Мейзене, было чересчур даже по меркам ритуалов самых мерзких сект. Раз так – не станет привычных набегов, окажутся бесполезны стены, гарнизоны и оружие.

Дальнозоркий Гизельгер, перегнувшись через подоконник, наблюдал, как крупные чайки суетливо возятся над добычей у самой кромки воды. Одна из чаек повернулась в сторону императора и непочтительно уставилась на него характерным для этих птиц почти осмысленно суровым взглядом.

Что ж, случившееся случилось, и сейчас не стоит ломать голову над причинами. Для их исследования найдется время потом, когда непосредственная опасность минует, будет отражена, а иначе нет смысла в ходе вещей, а великая Империя – не более чем кучка песка на пустынном берегу, смываемая приливом.

Горели факелы. Праздник, устраиваемый накануне дня святого Регинвальда при дворе супруги императора, был в самом разгаре.

Красноватый свет огня еще смешивался с последними, мягкими отблесками солнца, клонящегося к закату.

Толстые стены наглухо отгородили стильное осеннее море. Лангерташ, такой суровый с виду, внутри местами был роскошен. Матово блестящее дерево полов в пиршественной зале, стрельчатые окна пропускали достаточно розоватого вечернего света, в отделке стен, нарядах тоже преобладали красноватые тона. По периметру зала расставили длинные столы, покрыли

их вышитыми белыми скатертями. На возвышении восседала императрица Ютта, в пурпурном платье, горностаях и шапочке из золотой парчи. Жена императора давно утратила девичью стройность стана, зато приобрела двойной подбородок, оплывшее тело и едва заметную одышку, которая год от года усиливалась. Лишь кожа лба и плеч Ютты по-прежнему оставалась бледно-розовой и нежной, как воск.

На балконе, почти под сводом зала, устроились музыканты с трубами, резкие, пронзительные звуки заставляли дрожать огоньки свечей. Гости еще пытались сохранять относительно благопристойный вид, но уже успели достаточно захмелеть – остроты так и сыпались градом. Мужчины не слишком стеснялись дам, а дам не смущали долетающие до их нежных ушек откровенные шутки. Приглашенные на императорский пир обязаны одеваться со всей доступной высшему сословию Империи роскошью. Посреди нагретого каминами зала женщины задыхались в туго зашнурованных платьях с высокой талией, с высоких шапочек спускались, трепеща, бесценные, почти невидимые вуали, рыцари щеголяли остроконечными башмаками и роскошными жакетами. Слуги разносили еду на чеканных золотых блюдах – наглядная демонстрация неоскудения имперской казны. Стайка лилипутов перебрасывалась погремушками и фехтовала на деревянных мечах.

Традиционная драка шутов быстро закончилась – кто-то из высокопоставленных гостей, получив гулкий удар бычьим пузырем по затылку, втихомолку дал старшему лакею монету, и визгливую ватагу вытолкали за двери.

Императрица, полуопустив отекающие веки, не обращала внимания на эти суетные развлечения, лишь иногда коротко обращаясь к первой придворной даме. Щеки Ютты разругались более обычного.

Этикет не был суров – переевшие и перепившие гости без смущения вставали, выходили, возвращались, таким образом, беспорядок к концу вечера постепенно, но неуклонно возрастал. В суете никто не обращал внимания на двух мужчин, уединившихся в нише, полускрытой свисавшими со стен гобеленами. Впрочем, причиной уединения были отнюдь не осуждаемые церковью порочные наклонности. Беседовали двое высших – сановник Империи, член императорского совета, граф Дитмар Рогендорф и принц Гаген, сын императора Гизельгера. Наследник короны Церена – близорукий полноватый юноша добродушного вида – недавно отпраздновал свое шестнадцатилетие.

– Подумайте, принц, десять, двадцать лет – большой срок.

– Мой прадед ждал дольше.

– Ждал – небесный гром, он мог ждать! А помните, что он получил? Трехлетнее правление на склоне лет.

В узких глазах Дитмара блеснул то ли огонек насмешки, то ли отблеск факела.

– Но тогда были спокойные времена, не то что сейчас. Десять тысяч ваших подданных погибло, заметьте, мой принц, не в бою, не от недорода или чумы, которые как приходят по воле Бога, так и уходят, когда иссякнет высший гнев. От колдовства – вида магии наиболее мерзкой и противной человеческому разуму и чувству. И это колдовство пришло не от тайных еретиков столицы, не от дьявольских сект и не от демонических ритуалов, которые еще практикуются иногда темными вилланами приграничных баронств. От отбросов Империи, сброда, нелюдей.

– Я знаю, Дитмар. – Гаген тряхнул доходящими до плеч каштановыми волосами. И, слегка нахмурившись, добавил: – Что же ты хочешь предложить?

– То, что нужно было сделать нашим отцам – выкурить это гнездо, Hortus Alvis, потомство дьявола, которому нет места на священной имперской земле.

– Думаю, отцу будет не так-то просто найти тех, кто оставит псовую охоту, турниры и полезет в тесные пещеры, где даже боевое копьё поднять невозможно.

Дитмар едва заметно улыбнулся, непонятно было, задело ли его замечание царственного друга.

– Лезть под землю? Но в этом нет надобности! В конце концов, туда можно послать наемных солдат. Наших собственных или западных. Принц Уэстока готов дать их. Имеет ли смысл отказываться от помощи, если платить за нее придется куда меньше, чем потеряем мы, не приняв ее?

– И ты опять про то же самое, друг мой. Отец никогда не пустит армию уэстеров на землю Империи. Он никогда не согласится...

В глазах графа опять мелькнули и погасли золотистые искорки:

– Ни один император не может вечно оставаться императором.

Легко на помине! Громче заиграли притихшие было музыканты. Дверь пиршественного зала распахнулась перед императором, и в зале появился сам Гизельгер. Рядом вперевалку шагал невысокий, круглолицый, похожий на ходячий шар барон Эркенбальдом, старый советник церенского правителя. Гизельгер, против ожидания, был весел. Громкий голос повелителя, казалось, заполнил все пространство. Гаген махнул рукой собеседнику, призывая его задержаться в нише, и шагнул на свет факелов, направляясь навстречу отцу и повелителю.

– Я ждал, когда ты придешь, государь. Что решено?

– Готовься. Нужны надежные слуги, небольшой отряд отборных солдат и хорошие лошади. Мы едем по делам Империи как частные лица. – Император беззаботно улыбнулся, казалось, преднамеренно ничего не объясняя и забавляясь растерянностью своего наследника.

Их окружила свита, Гизельгер поднялся на возвышение и сел рядом с императрицей Юттой в высокое резное дубовое кресло, потянулся к блюду с мясом. Трещали факелы, шумели гости, неистово заскакали вновь пробравшиеся в распахнутую дверь шуты. В углу зала тихо вышел из-за гобелена и направился к выходу Дитмар.

Через два часа, когда последний свет вечера уже перестал сочиться сквозь мелкие стекла окон, шум наполовину утих и гости погрузились в ту странную задумчивость, которой иногда кончаются веселые застолья. По обычаю присутствующие на пиру императорские борзые, с густой волнистой шерстью, изящно изогнутые, насытившись щедрыми подачками, лежали в углу зала, рассматривая веселящийся цвет знати красивыми грустными глазами. Расступились слуги, вперед вышел менестрель, поклонился императорской чете и запел, сопровождая пение заунывной игрой на лютне:

Я шел дорогою чужой
В далекой стороне.
В ночи без звезд твои глаза
Как солнце были мне.
Зеленых в небе нет светил,
Но трудною порой
Свет изумрудных глаз твоих
Хранил мой путь домой.
И если спросят у меня —
Уйдет ли мир во тьму
Иль смерть погасит изумруд —
Я мира не приму.
Пусть гаснут звезды и луна
И камень станет — прах.
Милее света высших сфер
Огонь в твоих глазах.

Прогудел и оборвался последний аккорд. Несколько мгновений, пока магия песни не рассеялась, молчали, задумавшись, рыцари и дамы. Красивая песня, но есть в ней едва заметный

оттенок ереси. Страхнув мимолетную грусть, подняли кубки, рассмеялись, кто-то, изменив голос, громко выкрикнул рискованную шутку. Худошавая бледная дама в туго затянутом платье возмущенно подняла тонко выщипанную бровь. На ее бледных скулах внезапно выступил кирпичный румянец. Смех усилился. Через минуту всеобщее внимание уже занимал пожилой рыцарь, усыпленный то ли вином, то ли песней менестреля. Герой раскатисто храпел. Кое-кто немедленно побожился, что этот престарелый воин служил еще деду Гизельгера.

Праздник продолжался, и ничего не предвещало нарушения обычного хода событий. Неподалеку, но и не очень близко от императорского кресла, за столом, уставленном кубками, пристроилось двое молодых людей – едва ли хоть один из них миновал порог двадцатилетия. Они невесело переговаривались вполголоса, не обращая внимания на грубые шутки, время от времени разговор, казалось, собирался перейти в ссору. Не замеченный никем спор утих, сменившись угрюмым молчанием. Еще через минуту младший из собеседников внезапно выкрикнул что-то сорвавшимся голосом, вскочил из-за стола и бросился в сторону императорского кресла.

Никто не успел поднять руки. Блеснул мгновенно выхваченный из складок одежды кинжал. В ту же секунду на плечах товарища, пытаясь перехватить вооруженную руку, повис сосед по столу, чуть постарше.

– Тиран! Мучитель! Убью!

Лицо младшего, нежное, покрытое юношеским пушком, скривилось от боли. Старший ухватил наконец кисть противника и попытался выкрутить ее, но задел пальцами лезвие – рукав голубого жакета мгновенно набряк алым.

– Заткнись, дурак, ты пьян!

Младший, почти вырвавшись, смотрел теперь прямо и открыто в лицо Гизельгера. Опыание почти исчезло, сметенное ненавистью.

– Ты убил ее! Когда насытишься человеческими жизнями, изверг!

Четверо личных телохранителей императора, тесно сомкнувшись, преградили путь к патрону. Гизельгер встал с кресла, нахмурился, сжимая кулаки. Замерла, придвинувшись к супругу, королева Ютта. Отекшие щеки женщины мгновенно посинели, глаза расширились, она захрипела, царапая шею, и откинулась назад, беспомощно-грустно оседая.

Сосед юноши, воспользовавшись паузой, опять попытался перехватить руку с кинжалом.

– Алекс, молчи! Безумец, ты губишь не только себя!

Алекс, не оборачиваясь, крепко ударил приятеля локтем. Вмешавшийся некстати коротко охнул и почти согнулся пополам, но тут же выпрямился и попытался обхватить шею товарища. Двое сцепились, зазвенели свалившиеся со стола кубки, растеклось вишневой лужей пролитое вино. Наконец опомнившись, тонко взвизгнули сидящие рядом дамы. Рыцари шагнули вперед, прикрывая женщин от мелькающего в воздухе острого лезвия и тщетно ощупывая пустые пояса – мечи по обычаю оставили за пределами зала. Возникла сумятица. Одни отбрасывали прочь соседей, стремясь выбраться из зала и вернуть свое оружие, другие торопились скрыться и в панике расталкивали толпу, третьи пробивались поближе, не желая упустить интересное зрелище. Мерный шум беседы сменился давкой, гневными криками и испуганными возгласами. Кое-кто потерял равновесие и рухнул на пол, собаки и лилипуты с визгом метались под ногами, худошавая баронесса с выщипанными бровями упала в обморок.

Наконец загремело железо, по плитам пола зашаркала грубая обувь – в распахнутые двери ворвалась замковая стража. Гвардейцы без сантиментов разметали толпу и окружили дерущихся. Разоруженный Алекс, обмякнув, утих. Его держали под руки, багровые пятна на щеках неудачника померкли, уступив место восковой бледности.

Его приятель уже отступил назад, попытался юркнуть в толпу – это не удалось, – и теперь он стоял, не поднимая глаз, едва сдерживая нервную дрожь. Кунц Лохнер, махнул рукой – Алекса тут же увели, – затем повернулся к Гизельгеру, выразительно показав глазами на того,

второго, постарше. Император едва заметно кивнул. По знаку капитана стража окружила второго арестованного.

Так они, статисты нашей истории, и ушли – в тюрьму или во тьму – значения не имеет. На залитом вином полу, между опрокинутым блюдом, лужей вина и раздавленным ногой драгоценным кубком, остался лежать брошенный кинжал.

...Свет изумрудных глаз твоих...

Свет, знаете ли, освещает порой очень любопытные предметы!

Глава 3. Инквизиторы не спят, малефики бодрствуют *Империя, 29 сентября 6999 года от Сотворения Мира*

За окном замка Лангерташ, со стороны моря, нехотя занимался пасмурный ветреный рассвет. Ветер с моря дул всю ночь, завывая в зубцах угловых башен, упрямые штормовые волны, тяжелые, темно-серые и длинные, раз за разом гнали к берегу гряду белой пены, тяжело ударяя в источенное водой основание скалы. Молот моря, казалось, сотрясал внешнее кольцо стен, заставляя часовых время от времени выглядывать через узкие прорези бойниц. Очередной любопытный, посмотрев на волны, качал головой и торопливо прятался под каменными сводами, укрывая лицо от струй дождя и соленых морских брызг. Ветер срывал с волн хлопья пены, усеивая белыми ключьями узкую полосу песка и потемневший, растрескавшийся камень.

Несмотря на ранний час, замок не спал. Тяжелый занавес, скрывавший дверь кабинета императора, скрадывал звуки, он не мог полностью заглушить ни гул и грохот шторма, ни грубые голоса гвардейцев и стук сапог в галерее.

Гаген задумчиво повертел в руках кинжал убийцы. Рукоять оружейник сделал в виде тела рыси, голова животного образовывала навершие кинжала, вместо глаз врезали грубо граненные рубины.

– Странная работа.

Император Церена рассеянно кивнул сыну, погруженный в свои мысли.

На крышке резного стола, занявшего собою угол кабинета, остались небрежно брошенные вещи – все, что нашли при обыске в домах посягнувших на жизнь Гизельгера. Этим утром находки перенесли в личный кабинет императора. Книга, переплетенная в кожу – тяжелая, с коваными застежками в виде птичьих лап, когтистые лапы хищно охватывали замусоленный переплет, края листов немного крошились. Гаген посмотрел на императора – тот понимающе кивнул: «Черный дракон. Искусство управлять небесными, воздушными и подземными духами», книга, безоговорочно запрещенная в Империи. Рядом валялись два флакона, один прозрачный, удлиненный, играющий гранями – жидкость в нем слабо опалесцировала, второй черный, грубой керамики, горло флакона тщательно запечатано и залито воском. Прикасаться к пробке почему-то не хотелось. Гаген взял со стола смутно знакомый портрет черноволосой девушки с раскосыми зелеными глазами в резной раме из орехового дерева.

Незнакомка мягко улыбалась с портрета, но только губами – глаза оставались холодны. Кажется, он ее видел раньше. Где? Когда?

«Свет изумрудных глаз твоих

Хранил мой путь домой...»

Гаген осторожно положил портрет, брезгливо избегая дотрагиваться до книги и флаконов. Поднять нож на императора – преступление. Держать у себя заклинательную книгу – преступление против Бога. За первое в Империи полагалось торжественное шествие, высокие ступени эшафота, палач с парадным мечом, рев толпы, в котором сочувствие причудливо переплеталось с глумлением, траурная мантия, небрежно брошенная на обезглавленное тело очередного смутьяна, и посмертная, пусть сомнительная, слава. За второе – позор, неизвестность и полные тоскливого страха дни и холодные ночи в секретной тюрьме инквизиции.

Сын императора не выспался и теперь безуспешно боролся с оцепенением, мысли оставались ясными, но тело не желало слушаться, отчаянно прося покоя.

Прошедшей ночью принц впервые увидел людей, подвергнутых пытке и допросу. Под утро император сухо приказал сыну следовать за ним и без смущения спустился по стертým бесчисленными ногами ступеням подземной тюрьмы. Арестованные – и незадачливый убийца, и его неосторожный друг – оказались уже сломлены. Гаген со страхом и жалостью вспомнил бледные, искаженные лица, запах застенка, гнет безысходности и страдания. Руководивший

допросом чиновник был сух, деловит и спокоен. Его лицо в знак уважения к венценосным персонам оставалось открытым – допросчик заранее снял традиционную черную маску. Бледная сухая кожа щек, усталые глаза в сетке мелких сосудов. Почтительно протянутые инквизитором свитки покрывали аккуратные строки – записи показаний.

– Кто?

– Отрицающие, государь.

Слово отдавало металлическим привкусом страха. Отрицающими называли тайную секту, которая, кроме набора обычных грехов демономанов, упорно отрицала одну из основ духовной защиты Империи: обычай Жребия. Гаген почти удивился, когда отец равнодушно кивнул и указал на портрет в ореховой раме – а это кто?

– Девица из семьи Корн, государь. Была выбрана Жребием два года назад.

– Месть? Возможно. Второе семейство?

– Десен, западное побережье.

– Откуда все это? – император указал на книгу и флаконы.

– Они практиковали запрещенную магию.

– Ну не просто же так. Цели?

– Простите. Их цель – убить вас, государь.

– Неоригинально. Это все?

– Напасть на Молящихся.

– Молящихся в обители? Избранников Жребия? Ну, это и впрямь что-то новенькое.

– Преступники показали, что их цель – освободить Молящихся, но, государь, кто поверит им? Ни один из Молящихся не пожелал бы покинуть Обитель, пока он жив. – Инквизитор слегка опустил толстые воспаленные веки, побитое оспой лицо оставалось непроницаемым.

– Понятно. Кто еще участвовал в этой глупости?

Следователь подал Гизельгеру еще один лист пергамента. Император внимательно прочитал, грубо выругался, смял и бросил лист в огонь.

— Протоколы я забираю. Преступников казнить сегодня же, не выводя на площадь.

Инквизитор почтительно, но с достоинством склонил голову.

Гаген отошел в сторону. В углу застенка, на полу, лежали узники. Принц нагнулся над одним из осужденных. Тот был еще жив. Глаза человека, полные слез, оставались открытыми, он попытался что-то сказать, но слова остались неразборчивыми, по подбородку стекла струйка крови. Гаген отшатнулся и, повернувшись, побежал вслед за уходящим отцом.

Сейчас, вспоминая события ночи, принц не удержался и задал государю вопрос:

– Отец, почему Отрицающие хотят уничтожить Жребий?

– Сказать по чести, сын, – от глупости. Ты знаешь, сколько у нас подданных?

– Полной переписи сословий не было уже пятьдесят лет.

– Но наши люди платят налоги – кое-какие вещи нам известны. Так сколько?

– ...?

– Пятьдесят миллионов. Один человек из пятидесяти миллионов раз в год отправляется в Обитель. Тем самым лишается возможности делать глупости и начинает, пусть против собственного желания, вести праведную жизнь.

– Но...

– Подумай – редкий солдат доживает до сорока. Женщины умирают в родах, дети – от сыпной заразы. Знаешь городок Эльзен на юге? Нет? Десять лет назад, когда пришла чума, там выжили десятеро – разбойники, запертые в тюрьме. А тут – один, только один бездельник вынужден поступиться даже не жизнью – привычкой грешить и легко находит сочувствующих.

– Глупцы опасны.

– Они неглупы. Вот ненавидят правящую династию – это истинная правда. То есть нас ненавидят. Мы для них наполовину узурпаторы. Во всяком случае, наш род имеет лишь чуть больше прав на престол, чем еще полдесятка родов Империи.

– Отец, твои враги не хотят божественной милости для Империи? Желают высшего, абсолютного зла?

Гизельгер досадливо махнул рукой.

– Не все так просто. Есть вещи, которые нельзя оспаривать, они полезны, они освящены обычаем, они – основа. Если отменить Жребий, то самым худшим будет не потустороннее зло. Ты видел когда-нибудь абсолютное зло? Знаешь, что это такое?

– Нет, но его никто не видит. Демоны незримы, но они всюду, изначальное зло опутывает наш мир, и демоны стерегут каждый наш шаг...

Гизельгер басисто захохотал и, утирая глаза, произнес:

– Я давно забросил учение, но кое-что все еще помню. То, что ты говоришь, это самая обычная ересь. Тебе повезло, что ты мой сын. – Император хмыкнул. – Иначе я бы не поручился за твои добрые отношения с церковью... Ладно, ладно, не пугайся... Добро существует – это жизнь. Мир, добр он или зол, все равно прекрасен и благ, в нем есть чем владеть и чему радоваться. Земли, реки, это море, уголья, которые приносят нам доход, дворцы, которые возводят наши зодчие, – разве это не стоит одобрения? Ни чтимые во всем государстве за праведную жизнь и дар проповеди священники, ни высокопоставленные отцы церкви – никто из них не может сказать, что видел в мире этом воистину абсолютное зло, от которого невозможно спастись. Абсолютного зла нет, но есть абсолютное добро – на небесах, конечно. Зло же земное лишь в отклонении от естественного порядка вещей. Зло в неправильных поступках человека. В тот день, когда найдется человек, что скажет: «Моя воля, мои желания и моя земля превыше интересов Церена» и будет иметь силы поступать так, как задумает, – в тот день мы увидим большое зло, и я молю Бога, чтобы ни я, ни ты, ни наши потомки никогда не встретили утро такого дня.

– Уходящие не выбирают своей участи. Но говорят, Жребий – это честь...

– Да. Конечно, сынок. Это большая честь. Но это также возможность для скрытого врага Империи с честью уйти из жизни и подальше от Церена. Минуя эшафот. Ему в этом помогут.

– То есть... ты хочешь сказать...

– Да.

Гаген долго молчал. Потом осторожно спросил:

– Отец, те, кто уходит в Обитель, когда-нибудь возвращаются?

– Не знаю. При мне такого не было, когда правил мой дед – тоже. За человеком закрывается дверь – и все.

– Мне можно увидеть их?

– Нет. Все, что им нужно для жизни, передают туда монахи. Просто опускают в отверстие в стене.

Гаген молчал, безотчетно борясь с непривычным состоянием сомнения.

– Что было в том списке, который ты бросил в огонь? Гизельгер насмешливо посмотрел на наследника.

– Что там было? Имена. Я наизусть знаю имена врагов – к чему носить с собой пергамент? Два часа пополуночи – глухое и слепое время ночи.

Река Лара разделяет Эберталь, оставляя на правом берегу четверть домов столицы. Клинок русла разрушает город на неравные части: «верхнюю» и «нижнюю» – предместье.

Справа по течению Лары, в верхнем городе, тьма застилает окна дворцов знати и домов высших чиновников Церенской Империи. Сумрак небесного свода, пронизанный звездами, перевернутой чашей накрывает красивейшие храмы и дворцы столицы. Молчит древняя Оби-

тель Молящихся, пусто и на чистых, мощеных улицах, безмолвно уходят в небо спящие стрельчатые арки.

Жизнь в нижнем городе никогда не замирает полностью. Но и там к этому часу стихает гомон речной пристани, замыкают двери лавки, пустеют рынки. Лишь припозднившиеся гуляки нарушают тишину пьяными песнями да желтые облезлые псы роются в отбросах.

Этой ночью ломкий рисунок созвездий исчез – туман, пришедший с моря, поднялся по устью Лары, опутал срубленные из лиственниц сваи пристани, оставил холодные капли на крутых бортах спящих кораблей, добрался до кромки стены, перевалил через нее и мутным холодным облаком укутал шпили и ажурные башни.

За полночь верхний город покидали люди. Они выходили через ворота поодиночке, отворачивая лица. Стражи ворот, что по ночам ограждают верхний город от воровских шаек предместий, не обращали ни малейшего внимания на тех, кто вышел, а не вошел. Сержант дозора, прекрасно знавший нравы окраины (он там родился), равнодушно отвернулся. Что ж, молодые аристократы решили развлечься – будет им развлечение.

Однако полупризрачные в тумане силуэты обошли стороной веселый квартал, не задержались они и в какой-нибудь из бесчисленных пустых и темных подворотен. Остался за спящей лабиринт улиц великого города. Темнота, молчание и туман оплели пустырь за северной стеной столицы. Луну заволокла белая пелена – светило неуверенно тлело, так свеча мерцает сквозь промасленную бумагу. Люди торопились и не запалили огня. Редкая цепочка путников шла в серой мгле, аккуратно обходя вылизанные ветром камни. Низкое, приземистое строение, заброшенный сарай, даже в тумане зияло черной дырой входа.

Дощатую дверь закрыли и заложили толстым брусом, наконец вспыхнул огонь, ночные прищельцы – мужчины и женщины – откинули капюшоны, сбросили плащи. Женщины были молоды – некоторые почти девочки, роскошно одеты и почти все – красивы: тонкие, грациозные южанки с блестящими черными глазами, пышные пепельноволосые прелестницы северного побережья. Матово светились полуобнаженные плечи. На мужчинах лежал тот едва заметный отпечаток, который дает привычка даже не считать – нет, чувствовать себя высшим.

Разобрали из корзины темные свечи. Меж отростками высокого угольно-черного подсвечника-двузубца горел дрожащим пламенем светильник – от него запалили фитили. Черный воск горячо оплывал на пальцы.

Легким упругим шагом вошел человек в маске, манеры неуловимо выдавали в нем предводителя. Люди, отступив к стенам, образовали круг. Разлили напиток по чашам – из пузатого кувшина наливала женщина с распущенными до пояса волосами. Ее склоненный затылок отливало упругим блеском вороньего пера. Протягивая фиал предводителю, она улыбнулась с манящей застенчивой порочностью – блеснули влажные мелкие зубки.

Пили – запрокидывая головы, пили – до дна, до последней капли. Терпеливо сносили полынную горечь жидкости. Медленно сгущались по углам тени.

Двое людей, укрывшись за спинами, в углу, осторожно роняли короткие фразы.

– Что с твоим братом, Корн?

Спрошенный, казалось, полностью погрузился в обволакивающее действие наркотического напитка и ответил не сразу.

– Вчера казнили.

– Будешь мстить?

Человек равнодушно пожал плечами. Товарищ вцепился ему в плечи, решительно встряхнул и сердито прошептал:

– Да очнись ты! Размазня! Послушай, ты узнал что-нибудь о Сфере? Ты нашел ее?

– Пусти, Лозье. Не трогай меня, отстань.

Лозье вместо ответа ловко и незаметно ткнул товарища кулаком в ребра. Тот дернулся, сбрасывая оцепенение, и нехотя ответил:

– Быть может, сестра куда-то спрятала ее... Я даже копать пробовал в саду, конечно, не нашел ничего. Сестру теперь не спросишь – она два года как в Обители.

– Безумец, так ты хочешь сказать...

Человек повернул лицо к свету, неестественно расширившиеся зрачки блеснули красным.

– Ну да. Эту вещь Алиса держала у себя. Монахи Жребия забрали мою сестру! Забрали! Я ничего не знаю! Сферы у меня больше нет!

– погоди. Не отступай так просто! Эта вещица нужна нам. Слушай – попробуй все сначала. Попробуй снова заклясть Маальфаса...

Корн вздрогнул.

– Нет. Во второй раз не смогу. Демон, он... он капризен.

– Ты боишься. Трус.

– Да, я боюсь! Все оказалось бесполезно. Но мне придется заплатить ему, и я не знаю – чем. Понимаешь, почему-то мне хочется жить. Желаете вызывать и заклинать демонов – пробуй! Кричи-кричи, может, дозовешься! Бегай за призрачным огоньком, храбрец. Лови удачу – вдруг демон не оставит тебе вместо Сферы преобладающую кучу отменного дерьма. Но все это без меня.

– Шут. Ладно, я разрешаю тебе пошутить. Но это ты у нас знаток всякого ученого хлама, а не я. Ты нашел заклятье, а не я. Ты воспользовался им один раз, сможешь и второй. Подумай – это была удивительная вещь. Жаль ее потерять.

– Нет.

– Ты был трусом, им и остался – жалею, что с тобой связался. Постарайся хотя бы справиться с собою – иначе нам обоим конец. Проклятье! Да держись же ты прямо! Не показывай слабости, сопляк, размазня! Сейчас придет Он.

– Рене... Ночью мне почти все время страшно...

– Отстань! Я не приду. Твои наклонности не в моем вкусе.

– Да что ты! Я не прикоснусь к тебе. Ты просто будь рядом, я боюсь зова демона...

А люди...

– Тише! Вот Он.

Двое мгновенно замолчали, приняв непринужденный вид.

Ритуал начался.

Положенные слова всем, кроме участников, показались бы бессмысленными, резкими восклицаниями.

– Пей из тамбурина!

– Ешь из цимбал!

– Я посвящен в обряд!

– Свобода и знание!

– Милосердие – удел рабов!

– Да здравствуют проклятые!

Они еще кричали что-то. Бросили на землю почти догоревшие свечи, мужчины выхватили кинжалы из ножен и протянули их к центру круга, сжимая рукояти – изогнутые тела кошек служили ими. Теперь помещение освещал только огонек в рогатом подсвечнике, на обнаженных клинках дрожали красноватые отблески.

– Проклятье тирану на небе и на земле!

Кинжалы убрали в ножны. Люди потянулись друг к другу, хватая руки, плечи, одежду оказавшихся поблизости. Белозубая девушка с распущенными волосами, отставив в сторону кувшин, положила узкую ладонь на плечо предводителя, прильнула к нему, прикасаясь обнаженными плечами к черной ткани камзола. Казалось, всех коснулось горячее дуновение безумия. Светильник трещал, он почти погас и едва светился красноватой точкой. Возможно,

подействовал напиток или казалось растущее напряжение – по углам комнаты клубилась, принимая причудливые формы, темнота, струйки тумана, пробившегося в щели лачуги, сгустились, вылепили точеных очертаний худощавое существо – черные полы плаща сливались с туманом, красными точками светились глаза. Изящная мощь и изысканная утонченность древнего зла чувствовалась в этой фигуре. Или нет – она была грузной, черной, как оживший камень... Черный человек с белыми глазами... Летучая мышь, приподнявшаяся на лапах...

Призрачный пришелец не двигался с места, лишь менял очертания, со скептическим интересом наблюдая иступленное, телесное и душевное безумие людей. Субстанция, слагающая существо, вяло перетекала мутными струями, но не блестела, а, напротив, поглощала сполохи огня.

Ближе к утру погас свет в щелях сарая, тихо, не скрипя, открылась дверь, исчезли, растворились в поредевшем тумане безликие серые силуэты.

«Однажды юный ученик спросил своего почтенного учителя, лучшего (в те времена) хрониста Церена, Агриппу Грамматика: верит ли тот в реальность шабаша? Хронист (будучи мучим жесточайшим из похмелий, доступных ученым) ответил – верю. Спрошенный же повторно – без лишних слов ударил вопрошающего перстом в лоб. Позже, оставшись в одиночестве, записал (не для других – для себя): «Люди порочные либо легкомысленные охотно верят в существование дьявола. Ибо тот охотно соглашается с любым деянием, приписываемым ему».

(Из уцелевшего фрагмента «Иронических анналов», рукописи неизвестного автора)

Глава 4. Два кинжала

Империя, Пещеры, 30 сентября – 3 октября 6999 года от Сотворения Мира

Нора Виттенштайн, девица благородной баронской крови, рассматривала потолок. Потолок был любопытный, не деревянный и не окрашенный, без изящных росписей, но и не похожий на прокопченные дубовые балки. Он был серый, неровный и потрескавшийся, с пятнами копоти, сделанный, по-видимому, из единого камня. Голова болела, поворачивать ее было мучительно, все вокруг покрывала сероватая дымка. Алиенора не помнила, как попала сюда, смутно, как кошмар, помнила бой на тропе меж холмов, бегство, укрытие в пещере, приближение врага, собственную панику и ужас, и больше ничего.

Комната, в которой она лежала, была полутемной, окон не оказалось, сумрак слегка рассеивал свет, похожий на свет масляной лампы. Лампа стояла где-то неподалеку, но повернуть голову так, чтобы увидеть ее, не получалось. Спину сквозь дыру в порванном платье царапала жесткая подстилка, кажется, сплетенная из камыша. Алиенора попыталась встать, опираясь на онемевшие руки, но тут же упала обратно, сердце отчаянно заколотилось от страха. Руки оказались связанными за спиной. Она чуть-чуть повернулась на бок, ножен от кинжала на поясе не было, хотя чем бы ей помогли пустые ножны? Ужас увеличился многократно, когда Алиенора припомнила, где остался ее охотничий кинжал. Враги наверняка обозлены гибелью сообщников, ее оставили в живых, чтобы не торопясь предать особо утонченным страданиям, и ждать теперь больше нечего, кроме бесчестия, мучений и невероятно жестокой смерти.

Время шло медленно, было тихо, только изредка доносился слабый шум шагов, но шаги каждый раз сначала приближались, а потом удалялись, ничья рука не отодвигала грубой льняной занавеси, за которой, видимо, скрывался выход из комнаты.

В тот момент, когда Алиенора уже перестала ждать, устав прислушиваться и погрузившись в равнодушное оцепенение, занавеска оказалась отброшенной в сторону. Лежа на полу, можно было рассмотреть только короткие сапоги, сделанные из твердой кожи, наподобие тех, что носили солдаты гарнизона в Виттенштайне. Вошедший подошел ближе и наклонился над ней, девушка изо всех сил зажмурила глаза и постаралась притвориться если не мертвой, то хотя бы потерявшей сознание. Однако уловка, по-видимому, оказалась бесполезной.

– Ого! Птичка проснулась. Сейчас посмотрим, кто попался в сети к нам...

Голос незнакомца произнес эти слова на имперском языке, правильно, только чуть замедленно и со странным, незнакомым акцентом. Носок сапога, поддев ее за плечо, перевернул на живот, потом по пальцам скользнуло холодное лезвие, перерезавшее веревки на руках.

Весь страх, все отчаяние, скопившиеся в душе Алиеноры за долгие часы ожидания, выплеснулись разом. К чему осторожность, нечего терять и нечего больше ждать. Она, лишь слегка пошатнувшись, вскочила на ноги, разом преодолев оцепенение в онемевшем за долгие часы лежания на камнях теле, и с отчаянным визгом бросилась на врага, нацелясь в сторону его глаз заостренными полировкой ногтями, однако промазала и только чиркнула его по щеке.

Несколько ошарашенный противник успел уклониться, ловко перехватил ее руку, развернул нападшую и влепил ей пониже спины такой увесистый шлепок, которого хватило на то, чтобы отброшенная Алиенора отлетела до самой стены. Задохнувшись от боли и унижения, девушка несколько секунд потрясение молчала, а потом выплеснула свою ненависть прямо в лицо врагу:

– Не смей прикасаться ко мне, нечистая тварь, проклятая богом! Только попробуй! Я... я себе голову о камни разобью! Я умру с незапятнанной честью!

Она умолкла, приготовившись к отчаянному сопротивлению, и вздрогнула от неожиданности, когда ее враг разразился неистовым хохотом.

– О! Силы подземные, дайте мне выжить! Ты посмотри на себя, девица. Ты грязна и безобразна, как дохлая кошка, лежащая в придорожной канаве. Нет уж, спасибо за предложение, но свою невинность лучше оставь при себе.

Алиенора онемела. Так ее никто еще не оскорблял. Несколько минут она переживала унижение, только теперь рассмотрев противника как следует. Он был широк в плечах, но не особенно высокого роста, всего на ширину ладони выше ее. Черные жесткие волосы его, зачесанные назад, доходили до плеч. Лицо с высокими скулами ничем особенным не отличалось от лица имперца, разве что бледностью: не было загара. Это был альвис. Это был человек. Одет этот человек был в брюки и куртку из мягкой кожи, на поясе с серебряными пряжками висел кривой меч. Альвис развел руками с насмешливой вежливостью и добавил:

– У меня, ммм... добрая девица, не было выбора, лишать тебя чести или не лишать. У меня был выбор перерезать тебе глотку сразу там, на холмах, милая, или подождать, а вдруг твой отец или кто-нибудь еще вспомнит о тебе и согласится получить обратно такую драгоценность на вполне разумных условиях. Теперь я уже сомневаюсь, не зря ли всю дорогу тащил на спине лишнюю тяжесть.

Алиенора подавленно молчала. Платье на ней было в грязи, порвано во время безумного бега по холмам, волосы свалились. Она попробовала отыскать в кармане гребень и коробочку со шпильками и булавами, но карман был пуст.

– Где мои вещи? – через силу выдавила она вопрос. Альвис усмехнулся.

– Раз ты... гм... в некотором смысле моя, значит, и вещи твои тоже мои, и у меня они будут сохраннее. А пока снимешь свои грязные лохмотья, девица, и наденешь вот это. – Он носком сапога небрежно толкнул в сторону Алиеноры сверток, перевязанный веревкой.

– Мерзавец и хам. Отвернись!

– У меня нет желания рассматривать твои мощи, киска.

Альвис беспечно повернулся спиной.

Алиенора в нерешительности рассматривала предложенное. Ее собственная одежда действительно превратилась в кучу грязных тряпок, один из сапожков потерялся. Взамен ей пришлось надеть широкую юбку из грубой коричневой ткани, кофту из плохо отбеленного холста, сандалии на деревянной подошве. Облачившись, она попыталась расчесать пятерней спутанные волосы, но ей это плохо удалось.

Альвис осмотрел ее как неодушевленный предмет, одобрительно кивнул и вынес приговор:

– Сойдет. Не так уж безнадежно. Может быть, дети, встретив тебя в коридоре, не слишком испугаются. Как тебя зовут, девица?

– Баронесса Алиенора!

– Имя твое длинно и неудобопроизносимо. Впредь будешь зваться просто Нора. А это надень на шею. – Альвис протянул ей шлифованную квадратную пластинку из обсидиана с какими-то знаками, подвешенную на цепочке. – Это чтобы все знали, что ты моя собственность, и не отправили тебя на тот свет по неосторожности, добрая Нора. Особенно если ты не спрячешь подальше свои коготки, кошечка.

Альвис поднял занавеску и вышел, больше не оборачиваясь.

Когда шаги затихли в отдалении и Нора осталась одна, она заплакала.

«Любой, покушающийся на честь дамы незаурядной в отваге и добродетели, подвергает свое здоровье известному риску. Однако ж тот, кто открыто выказывает ей пренебрежение, рискует вдвойне».

(Из уцелевшего фрагмента «Иронических анналов». Глава «Афоризмы»)

Рано утром со скрипом поднялась решетка ворот замка Лангерташ, тяжело упал подъемный мост, пропуская кавалькаду. Взорвался золотой императорский штандарт. Стальным клином проскакали два десятка тяжело вооруженных всадников, блестели на солнце их шлемы, покачивались копья. Следом появились рыцари в дорогих, тщательно сработанных кольчугах-хаубергах, им отсалютовала внимательная охрана. Громыхая, выкатились повозки. Обоз охраняли лучники, посаженные на коней. Отряд если и не летел на крыльях, то по крайней мере не слишком мешкал, задерживаясь без толку. Дорога, казалось, сотрясалась под ударами могучих копыт. В испуге разбежались псы, копавшиеся в придорожной канаве. Насупившаяся твердыня быстро скрылась за горизонтом.

День занимался не по-осеннему теплый. Нежаркое, ласковое солнце согрело просторные, опустевшие поля, помеченные осенними красками рощи. Мир казался чудесным и безопасным, а покой – естественным состоянием человека.

Впрочем, отряд, покинувший Лангерташ, едва ли направлялся на поиски мира и покоя. На развилке, близ расщепленного временем или грозой дуба, всадники не свернули в сторону Эберталя, миновали пастбищную пустошь, не обратив ни малейшего внимания на невзрачный сарай, всего лишь несколько часов назад покинутый уже известными нам ночными визитерами.

Сумей кто-нибудь как следует взглянуть в лица, полускрытые шлемами, то любопытный с удивлением опознал бы в баронах, путешествующих инкогнито, самого императора, его сына, а также графа Рогендорфа и имперского советника Билвица. Граф Дитмар слегка отстал и разговаривал с молодым мужчиной из свиты, держащимся в седле с элегантно-непринужденностью. Щеки собеседника пошли алым, хотя голос, напротив, оставался ледяным. На физиономии графа, напротив, изображалось пристальное внимание, живейшее сочувствие и глубокая личная печаль.

– Я слышал о вашем несчастье, Элеран. Скорблю вместе с вами, мой друг. Позвольте спросить о подробностях?

– Засада, проклятье! Их было слишком много, а я один, слугу тут же убили. Я отправил в ад четверых, но арбалетная стрела пронзила сердце моей невесты. Они отступили, унося своих мертвых и ее бездыханное тело. Я даже не смогу прийти к могиле моей звезды... Ужасна сама мысль о том, что эти грязные животные делают с телами...

– Успокойтесь, мой друг. Ваше мужество удивительно, и вы славно отомстили за ее смерть. А скоро будет возможность отомстить еще, вы мне поверьте...

– Они, граф, не очень-то торопятся подставить свои шкуры под мой меч.

– Не отчаивайтесь, Элеран, – мягко сказал Дитмар. – Император, безусловно, примет лучшее из возможных решений...

– Сколько можно ждать?! – в голосе Шарфенберга звенела ярость – такая ярость сметает доводы разума и рамки осторожности. – Сколько можно терпеть это поношение здравому смыслу, этих ублюдков, сколько можно терпеть прочие безумства императора, расплачиваться нашими родственниками, отправляя в монахи тех, кто мог стать славой рода?!!

– Оставьте, Элеран, вы же знаете, есть высшие соображения.

– Да, я знаю, – перешел на шепот Шарфенберг, – я знаю, что права, которые были еще у моего деда, отняты у меня, я не могу сам повесить даже придорожного попрошайку за кражу кошелька. Я не могу держать в своих отрядах столько людей, сколько бы мне хотелось, я не могу...

– Тихо, тихо, мой друг. Мы обсудим это чуть попозже, путь долог, время у нас есть. Кстати, вы хорошо знакомы с принцем?

Двое ехали бок о бок, соприкасаясь стремянами, и тихо переговаривались, сблизив покрытые шлемами головы.

Гаген, на личность которого возлагали некоторые надежды предыдущие собеседники, не слышал этих слов. Он с наслаждением вдыхал свежий осенний ветерок, не утомляло даже однообразие пути – трудности путешествия гораздо лучше, чем последние недели и месяцы, проведенные в столице, в резиденции короны. Пусть отдохнут богословские и исторические сочинения. Долой придворный этикет! Занятия с наставниками, а особенно принудительное участие в делах отца, которого требовал Гизельгер, – все это утомило принца. Кто посмеет усомниться? – преступник, покусившийся на жизнь отца, достоин самого сурового наказания. Но Гаген не мог без отвращения вспоминать расправу в застенке...

В настоящий момент наследник Империи бездумно развлекался – рассматривал тусклое золото стволов и темную зелень соснового леса. Строй деревьев напоминал колонны Храма в Эбертале. В соборе устраивали особо торжественные богослужения – там избранных Жребия проводили в Обитель.

Гагену уже приходилось видеть ритуал. Со временем ко всему привыкаешь – но в первый раз, два года назад, действо произвело на него изрядное впечатление. Люди с утра заполнили площадь перед Храмом, пестрое море голов и плеч колыхалось, разговоры в толпе слились в один нестройный, мощный, хотя и мирный гул. Кое-где в тесных рядах зияли пустые пятки – горожане внимали проповеди троих затесавшихся в их ряды монахов мейзенского монастыря.

– ...осознаем прегре-ше-ния, брати-а-а!

Святые странствующие отцы не мылись из какого-то малопонятного непосвященным теологического принципа, поэтому внушали эбертальцам особое почтение – толпа, боязливо и восторженно сторонясь, тарасилась на заношенные коричневые рясы, увешанные настоящими, толщиной в три пальца, стальными цепями. Монахи почесывались, звенели веригами и протяжным, заунывным криком склоняли к покаянию. Толпа подпевала псалмам и исправно пополняла огромную медную кружку с прорезью, похожей на обличающий грешников рот.

Под своды Храма пускали лишь избранных, тем не менее, просторный чертог с куполом, пронизанным лучами света, оказался почти полон. Вельможи Империи разительно отличались от буйной толпы на площади, благопристойно молчали, ничем не выдавая нетерпения. Немошный примас Империи вершил службу не торопясь. Многочасовое стояние на ногах утомило собравшихся аристократов, по лицам иных, особенно престарелых, увечных или тучных, было заметно, что они не прочь улизнуть, однако никто и не помышлял открыто демонстрировать нелояльность императору по такой ничтожной причине, как гудящие от усталости ноги и боль в пояснице. Гизельгер невозмутимо, как скала, стоял в первых рядах, лицом к примасу, обратив могучую спину к собравшимся, однако вида императорской спины достаточно – никто не смел даже метнуть беспокойный взгляд в сторону архитектурного чуда – арки выхода.

Главный собор столицы отличался от прочих храмов строгой красотой, даже в яркий, солнечный день под его сводами сохранялась прохлада. Там помещалась усыпальница императоров – ее покой хранили скорбные каменные фигуры с опущенными лицами и руками, скрещенными на рукоятках мечей. Роскошные витражи застилали окна, сияли, слагаясь в аллегорические сцены, мелкие золотистые и бирюзово-голубые стекла.

Собор славился искусно-незаметной роскошью. Разительно отличалась лишь сама Обитель, примыкающая к собору – приземистое здание без окон, с мощными, сложенными из неподъемных каменных блоков стенами, она походила на крепость, какие устраивали в давние времена, гораздо раньше, чем возвели изысканные колонны главного храма столицы. Странное сооружение – ни на что не похожее. Подобных зданий нет больше нигде в Империи.

Молящейся оказалась девица – возможно, та самая, из мятежных баронов, о которых Гагену рассказывал отец – гибкая легкая фигурка в белом саване и покрывале из тонкого, дорогого шелка. Балахон мешал рассмотреть ее как следует, однако принцу девушка показалась хорошенькой: печальный, золотисто-смуглый ангел.

Песнопения и молитвы сменяли друг друга неспешно, отражаясь от сводов, потоки желтого и бирюзового цвета ласковым светом заливали чертог. Все земные тревоги – ненависть и вождение, корысть и честолюбие – постепенно таяли, исчезали – земное ничтожно по сравнению с вечным.

В конце концов, после того, как все положенные молитвы были прочитаны, двери собора распахнулись и девушка шагнула из прохладной полутьмы под ослепительные лучи солнечного дня – последнего дня ее прежней жизни. В одной руке Избранница держала свечу, в другой – узелок. Немного вещей, которые дозволено взять с собой – неизбежная уступка человеческой слабости.

Тогда Гаген на миг удивился – ему показалось, что круглый сверток тяжел. Очень тяжел. На странно неангельской, худой напряженной руке девушки проступили синие вены. Она уходит, чтобы жили мы – подумал принц. Щедрое ликование солнца оттеняло яростное ликование толпы. Люди, соскучась ожиданием, бросили попрошайек-монахов и хлынули навстречу процессии. Стража едва удерживала прорезавший человеческую массу коридор, позволяя высшим спокойно шествовать к Обители. Крики экстаза слились в гул, потрясший стены Храма.

– Святая!

– Избранница!

Дети смотрели на праздник, широко раскрыв глаза. Многие женщины плакали. Лепестки белых роз сыпались на шелковый саван девушки, ее полуопущенную голову, усеивали пыль под ногами. Передние ряды людей, подталкиваемые толпой, теснились все ближе, втапывая цветы в пыль.

Но в тот момент Гаген почти верил, что метель белых лепестков под июльским солнцем будет длиться вечно. Оно так неизъяснимо прекрасно. Шествие остановилось, пройдя двести шагов. Циклопическое здание Обители нависло над головами. Девушка вышла вперед и ступила на выбеленный временем камень порога. В тот же миг бронзовые створки ворот дрогнули, расходясь, черная щель расколола пополам древний священный символ – треугольник, вписанный в круг. Трещина становилась все шире и шире, пока не открылся зев прохода. В солнечный день пахнуло холодом, потянуло слабым, влажным ветерком и запахом погребя: пыль и плесень. Внутренность Обители оставалась темной и, казалось, была пустой – никто не спешил навстречу.

Впрочем, как следует рассмотреть внутреннюю часть портала Гаген не успел – произошло нечто ужасно неуместное. Девушка подошла вплотную к порогу и сделала первый робкий шаг. Остановилась и обернулась. Худая рука, швырнув свечу оземь, сорвала с головы покрывало. Открылись растрепанные черные космы, дерзкое юное с высокими скулами лицо, в раскосых зеленых глазах стояли слезы – не веры, не восторга и даже не страха – ненависти загнанного, маленького, еще сильного и совершенного, но уже обреченного на гибель хищного зверька. Стоящие рядом невольно отшатнулись.

Конечно, вздумай девушка кричать – вопли бессильно заглохли бы под пение и рев толпы. Она и не кричала. Голос Избранницы не долетел до исступленно молящихся людей в последних рядах, зато прощальное пожелание прекрасно расслышало семейство императора. Она сказала почти спокойно, но так, словно плюнула в лицо:

– Хотите откупиться мною? Думаете жить вечно? Не выйдет – сдохнете как все. Свиньи. Труссы. Будьте вы прокляты.

Бронзовые створки ворот гулко захлопнулись.

Принц вздрогнул, возвратившись к действительности. Ну и ну. Это воспоминание тоже не из приятных. К тому же он отстал от кавалькады – пора догонять. И Гаген, отмахнувшись от забот, пришпорил лошадь.

Спутники Гизельгера провели в седлах большую часть дня, торопясь засветло добраться до Нусбаума. В арьергарде, подальше от императора, кто-то из лучников завел разухабистую

песню «Поскачем – треснет дорога». Хор охрипших на ветру голосов охотно подхватил слова на грубом восточном диалекте Империи.

Через полчаса отряд остановился. Капитан лучников, нарушая этикет, обогнал императора и пустил жеребца вперед – в таких местах неожиданное препятствие внушает тревогу. На дороге, уткнувшись лицом в пыль, лежал подросток лет четырнадцати, в аккуратной, хоть и небогатой одежде, затылок оказался раздроблен ударом, кровь еще не успела уйти в песок. Капитан пробормотал короткую молитву и вернулся назад.

– Государь, нашли тело, лошадиных следов и тележной колеи нет. Похоже, мальчишка бежал сюда от самого Нусбаума. Те, кто его прикончил, пришли оттуда же. Видать, в Нусбауме неладно... Прикажете вернуться?

– Что скажешь, Рогендорф?

– Я бы вернулся за подкреплением, государь.

– А вы, мой наследник?

– Там могут быть беззащитные люди, отец. Может быть, если мы поспешим туда, то спасем их...

– Ответ хорош для рыцаря, сын мой, но плох для правителя. Государю следует избегать пустого риска, не стоит самому сражаться там, где прекрасно справится простой сержант... Но сейчас мы сделаем по-твоему. Тебе нужно знание – вот и получим его! Командуйте двигаться, капитан...

Кортеж, перестроившись, рысью двинулся вперед. Теперь императора прикрывала не только стальная стена латников, но и развернувшийся за нею отряд стрелков. Спешившись, такой лучник выпускает до двадцати стрел в минуту.

Нусбаум окутал отряд горьким дымом пожара. Горел тот самый знаменитый трактир, в котором собиралась остановиться свита императора.

Полусорванная створка ворот болталась на одной петле. Раненая лошадь с перебитой ногой с трудом подняла голову на точеной шее – каштановая шелковая грива смешалась с желтой пылью. Кто-то из солдат тут же милосердно перерезал животному горло. У самых ворот скорчился мертвый старик, руки застыли на черенке вошедшей между ребер стрелы. Неподалеку осталось еще несколько тел, пронзенных арбалетными болтами. В углу двора, у полованной лошадиной кормушки, сидела, поджав ноги и прикрываясь изодраным платьем, полная женщина средних лет – трактирщица Петра. На голых плечах и шее запеклись глубокие, рваные царапины. Глаза женщины были безумны, она то ли плакала, то ли пыталась кричать сорванным голосом, но лишь тянула на одной ноте:

– И-и-и...

С дымом смешался пронзительный запах горелой шерсти и паленых перьев.

– Что здесь было, женщина?

Сержант попытался встряхнуть трактирщицу за плечо. Она лишь съежилась сильнее.

– Оставь ее, Вил, – вмешался кто-то из лучников, – видишь, тетка помешалась, мальчишка на дороге ее сын. Не хватило шайке одной стрелы. Парень, видно, убежать сорвался, да настигли и добили шестопером. Другие ребята, похоже, в доме дожариваются.

– Альвисы?

– Их работенка. Видно по болтам от арбалетов...

На улице за трактиром скорчилось еще с полдюжину неподвижных тел – жители, застигнутые набегом врасплох. Дома в Нусбауме уцелели – появление отряда Гизельгера заставило грабителей поспешно скрыться. Перепуганные люди, заперев двери и завалив их изнутри скарбом, не спешили навстречу избавителям – неслышанная невежливость. Солдаты разбрелись по тесным улочкам и, растерянно переругиваясь, без особого успеха колотили в двери.

Гаген ясно представил себе, как метался по улицам, тщетно стучась в глухие и слепые дома, загнанный подросток – сын трактирщицы, как, отчаявшись найти убежище, бежал он

по дороге прочь от поселка, слыша за собою топот погони, не смея оглянуться и до конца надеясь на спасение...

Толстый юноша, наследник империи, не отрывал карих глаз от мутной спирали дыма и словно сжавшихся от страха домов. «*Когда* я стану императором, я не допущу, чтобы подобное творилось в моих землях», – поклялся в душе принц Церена. И сам не заметил, что мысленно произнес не неуверенное «если», а твердое «когда».

...Через десять лет, сидя в деревянном кресле, спиной к бойнице, за которой вечно шепчет, поет или грохочет прибой, он с грустью посмотрит в непроницаемо-гордое лицо самого прославленного преступника Империи и в бессилии вспомнит эти произнесенные слова.

А пока – пока скрипнула и отворилась дверь ближнего дома, за нею нехотя отворилась вторая. Перепуганные подданные выходили приветствовать церенского императора...

* * *

Ближе к вечеру третьего дня пути кавалькада Гизельгера остановилась прямо на большой ровной лужайке у дороги. С трех сторон лужайку огораживал заслон дубового леса, опушка поросла орешником. Солнце клонилось к закату, лучшего места для лагеря рядом не оказалось.

Вскоре засуетились слуги, ставя палатки, задымили костры, поджаривая мясо для высокородных путешественников. Хмурый император уединился за пологом личного шатра, на пороге немедленно устроился Кунц Лохнер. Бдительный капитан гвардейцев без сантиментов пресекал любые попытки помешать отдыху повелителя Церена.

Суета лагеря накрыла поляну, а лагерь, в свою очередь, накрыла стая поздних, крупных осенних комаров, которые тут же облепили и людей, и разгоряченных животных. Поход командой армии увенчался полным разгромом противника – вскоре императорские спутники проклинали судьбу и безрезультатно зывали к святым покровителям Империи.

Зловредные насекомые не делали разницы между вельможами и простолюдинами, кусали всех подряд, забивались в прорези шлемов, под доспехи, голодно гудели и ретиво бились о полотно палаток.

Раздосадованный граф Рогендорфский попытался сопротивляться, раздавил нескольких особо наглых кровососов, потом, оставив в палатке бесполезные шлем и хауберт, соскучась ждать трапезу, пошел к опушке, раздвинул ветви кустов и двинулся в глубь чащи.

В осеннем лесу было тихо, комаров, к великой радости графа, вовсе не оказалось, на земле лежали бронзовые листья вперемешку с пятнами света, предзакатные лучи острыми стрелами пробивали кроны деревьев. Чуть в стороне шмыгнула белка, Дитмар проследил за ней взглядом и замер, заметив в гуще зарослей неопределенное пятно, чуть более темное, чем яркая листва.

Пятно слегка шевельнулось. Зверь или человек?

Графа захватил охотничий азарт. Кольчуга и меч остались в палатке, на рыцарском поясе висел только «кинжал милосердия». Если Дитмар вернется, неизвестный скорее всего успеет скрыться. Небрежно посвистывая и преднамеренно загибая ногами шуршащую листву, охотник за человеком удалился от замеченного им пятна на пять сотен локтей, а потом, сменив шаг на мягкий и быстрый, повернул обратно, обходя затаившегося в кустах противника с другой стороны.

Последнюю полусотню локтей сиятельный граф проделал неблагородно – ползком по влажной траве.

За тонкой преградой редкого орешника, прямо перед ним, всего в нескольких шагах, на подстилке из листьев устроился человек. Он сидел на корточках и напряженно всматривался сквозь сетку ветвей в суету лагеря на поляне. Со стороны затылка нельзя было в точности сказать, сколько лет незнакомцу, но, кажется, не более двадцати.

Дитмар приготовил кинжал и одним прыжком настиг добычу, жестко перехватил чужую руку, метнувшуюся к поясу, и прижал лезвие к сонной артерии противника:

– Не сопротивляться! Иначе смерть!

Пленник попытался поизвиваться, но не смог справиться с кошачьей ловкостью графа и затих. Почему-то он так и не закричал. Дитмар перевернул человека на спину и с удовлетворением увидел молодое лицо и испуганные глаза.

– Кого я вижу? По-моему, мы с вами где-то встречались, любезный... И что же вы делаете в такой романтической обстановке? Попробую угадать. Поджидаете какую-нибудь не в меру шаловливую дочь эльфов?

Добыча издала неопределенный звук и безуспешно попыталась пнуть мучителя.

– Ох нет! Не угадал. Разумеется, рыцарь не входит к даме с оружием... О! Какой интересный кинжал у вас на поясе... Замечательная кошка, где-то я такую видел...

Пленник бешено рванулся, но его тут же остановил недвусмысленный укол в шею.

– Ну к чему так биться, друг мой, поверьте, барон, э... ну, не важно, какой, у меня нет намерения причинить вам вред. Так зачем вам кинжал с такой любопытной зверюшкой?

Пойманный больше не бился, он угрюмо молчал. Тогда Дитмар отбросил свой клинок в сторону, крепко ухватил пленника за отвороты, грубо потряхнул его, используя свою недюжинную силу, и, притянув лицо юноши вплотную к своему лицу, прошипел:

– Щенок!

«Щенок» молча ощерился.

– Ты собрался убить императора? Верно? Мало таких, как ты, сгорело на поле камней, подвывая, сдохло под клещами палача? Думал, ты будешь удачливее? Ничтожеству свойственно заблуждаться. Но я не трону тебя и промолчу о том, в каких делах замешан отпрыск Тассельгорнов. С одним условием – твой хозяин, тот, кто послал тебя, сам явится ко мне. Через два месяца, день в день. Пусть покажет эту вещь...

Охотник сдернул с пальца и протянул настороженной добыче перстень – темно-синий лазурит в тяжелой оправе. Потом выпустил ворот изрядно помятого пленника, подобрал оба кинжала и, беззаботно напевая кургуазную песенку, отправился в сторону лагеря.

Глава 5. Веселый город

Империя, 8 октября 6999 года от Сотворения Мира

Улицы города Фробурга кипели. Весть о прибытии Гизельгера достигла ратуши в седле гонца и мгновенно облетела город, не забыв самых кривых, узких и невзрачных закоулков.

Земли на берегу озера Эвельси всегда принадлежали короне – отстроенный здесь город по праву признавали одним из пяти крупных центров торговли Церена. Делами заправлял утверждаемый императором совет пятнадцати, составленный из лояльных короне состоятельных магистратов, имперские налоги оставались умеренными, беспокойные восточные границы были далеко, дела процветали. Обитатели заповедника благополучия не без оснований любили императора, и ликование толпы в тот день казалось вполне искренним.

На улицы высыпали любопытные горожане, их принарядившиеся в полосатые юбки жены и дети с чисто умытыми ради такого случая мордашками. В распахнутые окна нарядных домов выглядывали супруги городской денежной элиты во главе с бургомистршей – эти дамы не без основания опасались попасть в давку. Толпа внизу, на улицах, беззаботно ликовала в предвкушении редкого зрелища, в то время как юркие тощие подростки – подмастерья гильдии воров – под шумок облегчали карманы верноподданных разинь. Славные девушки, склонные к общению с неприжимистыми мужчинами, щеголяли завитыми париками и вызывающе пестрыми декольтированными нарядами, под благовидным предлогом покинув отведенный им квартал.

Магистраты почтительно выбрались за пределы стен и теперь, надвинув шапочки и запахнув плащи, стойко зябли на свежем ветерке – ожидание затягивалось. Отряд городской стражи еще несколько часов назад собрал с улиц самых неприглядных попрошайек: тех, у кого отряженный для этой цели эскулап цепким взором отметил открытые язвы или паршу (брезгливость императора к подобным болезням уже попала в строго запрещенные сатирические куплеты). Запертым в пустующем складе нищebroдам выдали из казны по три медных марки – с точки зрения бургомистра более чем достойная компенсация за нанесенную обиду.

Сейчас стражи древками алебард изо всех сил старались придержать ликующую людскую массу; усилия не пропали даром – главная улица, проложенная от ворот прямо к ратуше, оставалась почти свободной.

В полдень хриплой медью взвыли трубы. Императорский кортеж ворвался в город под приветственные крики, громяхая железом и трепеща вымпелами. Жители, теснясь в ответвлениях боковых улиц, старались разглядеть всадников, удивлялись росту и красоте рыцарских коней, мастерски сделанным доспехам, гордой осанке баронов. Кавалькада перестроилась, обоз сразу за городскими воротами незаметно свернул в сторону складов, часть солдат – к казармам, теперь сам император с ближними советниками и внимательной охраной возглавлял отряд.

– Вот он! Вот! – жители таращились на немолодого крепкого бородача в простом хауберте без украшений. Рядом с ним, лишь чуть отстав, как того требовал этикет, ехали трое: толстый юноша добродушного вида с каштановыми волосами, высокий вельможа, пренебрежительно оглядывающий толпу узкими черными глазами, и веснушчатый средних лет коренастый человек, который вообще не носил видимой глазу брони. На этого, третьего, толпа взирала с недоумением – слишком неказист был вид всадника, так не похожего на вельможу. Мало кто из горожан узнал Билвица – ближайшего советника императора и главу политической разведки Церена.

Женщины бросали цветы под ноги императорского вороного жеребца. Шум нарастал, как грохот урагана:

– Долгие лета императору! Слава!

– Слава! Слава!

Оглушенные бароны растерянно вертели «железными» головами. Кавалькада наконец-то добралась до ратуши, государь полуобернулся к народу – однако громовой голос Гизельгера уже не сумел перекрыть вой толпы. Давка, не столько уменьшаемая, сколько усугубляемая толчками стражников, не позволяла ни разобрать смысла приветственных речей, ни подобраться поближе.

Недовольные и обиженные, те, кто за несколько часов до прибытия императора второпях строчили свои прошения, надеясь передать пергаменты если не в руки «самого», так хотя бы вручить кому-нибудь из приближенных, теперь разочарованно вздыхали. Людская масса на площади гудела, как гигантский улей, и колыхалась полем несжатых колосьев. Из распахнутых окон, с балконов, крыш открывался величественный вид на бурное море голов. Правда, хладнокровных ценителей величия нашлось немного: приветственные крики уже вовсю перемежались жалобами полужадавленных людей.

Наконец за свитой правителя громыкнули кованые двери старой ратуши. Восторг утомленных горожан пошел на убыль, толпа нехотя разбредалась, горожане раздраженно толкались, некоторые успели обнаружить пропажу срезанных ворами кошельков и теперь отчаянно богохульствовали – там и сям вольно поминались имена святых Иоанна, Регинвальда и Никлауса, официальных покровителей Империи. Плотный поток верноподданных тел постепенно распался на юркие ручейки, ручейки растеклись по улицам, улочкам и дворам. Приверженцы великого императора вернулись к своим обыденным занятиям. Осенние дни кончаются быстро. Сигнал трубача – гасить свечи – не заставил себя ждать. И только в стрельчатых окнах ратуши мерцал допоздна тревожный свет.

Господин Файль, старшина цеха оружейников, член городского совета, не на шутку разволновался. Честь личной беседы с государем лишила фробургского бургомистра изрядной доли душевного равновесия. Возможность оказать империи услугу замерцала теплым, заманчивым светом – сродни зыбкому, но соблазнительному мираклю.

Невысокий, плотный, лысоватый, господин бургомистр не был героем, не выглядел героем и не желал становиться героем. Власти в городе, достатка в доме и уважения горожан вполне достаточно для добропорядочного человека. Когда-то, лет этак сорок назад, жизнерадостный юный Петер, сын оружейного мастера Файля и его супруги госпожи Хельги, был иным – он мечтал о возможности не только изготавливать отличные клинки, но и лично пустить такой клинок в дело, приобщившись к одной из пограничных войн Империи. Разумеется, со славой и немалой выгодой.

Тогда и приключилось событие, на благоприятнейшие последствия которого теперь все-речь надеялся пожилой бургомистр. Недаром он ждал годы, не доверяя сведения канцелярии короны: нередко письма и прошения подданных Гизельгера исчезали в недрах канцелярии столь же бесследно, как пропадают смачно проглоченные болотом путники.

Впрочем, если не кривить душой, когда-то драгоценные сведения и не казались господину Файлю столь уж важными, он почти забыл о них. Теперь – другое дело. Теперь – самое то...

Сорок лет назад пятнадцатилетний непутевый Петер беззаботно проводил в холмах один их летних воскресных вечеров, отправившись туда, как только закончилась обязательная церковная служба. Он любил холмы. Блестела озерная вода под неяркими вечерними лучами, сплошной кустарник скрывал пологие склоны, примыкавшие к озеру. Особенно густыми были заросли в ложбине между двумя холмами. В кустах что-то возилось, подросток раздвинул ветви – в сторону метнулась птица – птенец перепелки, отставший от выводка. Добыча ловко увернулась, брошенный камень бесполезно улетел в бурьян, птенец ловко шмыгнул в траву. Одежда цеплялась за ветви, и сын оружейника, утыканный колючками шиповника и обожженный крапивой, с трудом продирался сквозь кусты.

В конце концов башмак Файля зацепился за какую-то колдобину, и незадачливый птицелов упал, взметнув серое облако легкого цветочного пуха. Птенец скрылся в траве и затих. Юный оружейник попытался освободить ногу, отгреб в сторону почву вместе со слоем листвы, толстыми червяками, жирными перепутанными корнями и обнаружил дырку в земле.

Не то чтобы подобные отверстия в земле были чем-то удивительны. Там, на противоположной стороне Эвельси, в крутом каменистом склоне, имелась настоящая просторная пещера, пещера с недоброй славой, о которой любили поговорить длинными зимними вечерами. В пещере, по старому варианту легенды, обитали горячащие воображение бесы, а по новому – останавливались для дележа добычи бродячие альвисы.

Но это узкое отверстие открылось прямо под ногами, низко, в ложбине между холмов. Петер, обломав ногти, расширил дырку, поджег ветку огнивом, просунул руку с импровизированным факелом внутрь и попробовал оглядеть находку.

Это была не пещера, а глубокий – не видно дна – колодец, который угрюмо уходил в таинственную темноту. Глубже чем на восемь локтей под поверхностью земли лежит ад – так учила святая церковь, а в ад, как известно, никто не торопится по доброй воле, Файль благоразумно отступил. Впрочем, в колодце все равно не было ступеней – по такой крутизне не спуститься, не подняться никому, исключение мог составить разве что бесплотный дух зла. Петер замаскировал отверстие ветвями и не стал болтать о находке.

Теперь старое полузабытое приключение юности могло обернуться немалой выгодой, но и грозило немалым риском.

О том, что альвисы живут где-то под холмами, знали все. Знал об этом и Файль – и тогда знал, и теперь: пропадал скот, исчезали одинокие путники. Впрочем, на Фробург разбойники не нападали – на штурм хорошо укрепленного города им явно не хватало ни сил, ни мужества.

Господин Петер Файль, бургомистр, напрочь потерявший за прошедшие годы тягу к прогулкам в холмах, не считал нужным отряжать городских арбалетчиков в карательные походы – разыскивать вход в подземный ад представлялось весьма неблагоразумным деянием, коль скоро сама преисподняя не особенно беспокоит добрых горожан. Не держали охрану и у подзрительных пещер – однажды городской магистрат на свою беду все же решился на этот шаг.

Стража у «недоброй» пещеры за несколько месяцев не увидела и тени альвиса, ничего, кроме голых каменных стен. Скучающие солдаты через несколько недель уже неистово резались в кости под сводами этой же пещеры, через пару месяцев крепкие башмаки городских шлюх протоптали туда сухую широкую тропу, а отправку в охранение арбалетки дружно называли «съездить в столицу». Особенно восторгался административной идеей магистратов негласный цех воров и нищелюбов – стража на улицах Фробурга заметно поредела.

Запоздало спохватившись, господин Файль твердой рукой прекратил соблазн. Охранный отряд сняли и приставили к полезному делу внутри городских стен, а дальняя пещера осталась мирно зарастать шиповником и крапивой.

Прошли годы – кто бы мог подумать, что так все обернется? Теперь бургомистр лишь пожимал тучными плечами. Впрочем, погибшие в нежданно начавшейся войне с альвисами города стояли довольно далеко от Фробурга.

Головная боль императора и канцелярии короны открывала городу и господину бургомистру возможность... Чего возможность? Потерять покой и благосостояние, коль скоро война придет сюда? Или, может быть, сохранить жизнь и имущество, раз уж военная сила Церена соберется здесь? Купить городу еще большее благоволение императора за тайные сведения? Получить лично для себя, Петера Файля, награду за преданность? Или, может быть, честно и без задних мыслей выполнить долг перед Империей, которой, как ни крути, обязан город своим процветанием?

Впрочем, жребий уже брошен, и не в силах господина Файля помешать ослиным скачкам истории. Но долго, очень долго не мог этой ночью заснуть почтенный бургомистр Фробурга...

– Государь, насколько все же я могу пойти навстречу требованиям уэстеров? – Билвиц принимал последние наставления, почтительно стоя перед императором.

– В отношении компенсации их расходов на помощь – на любые требования... в разумных пределах, друг мой. Ты сам знаешь разумные пределы, за что я тебя и люблю. В отношении спорных территорий – нет, ни лоскутка, этот пирог не для их гнилых зубов. Но и не отказывай окончательно, выиграй время, пока разберешься, что за дела там происходят. Я не буду учить тебя, ты хитер, как старый лис, Билвиц, используй свои возможности и своих людей. Возьми почтовых голубей, отсылай все новости немедленно. Мне не нравятся признания, вырванные у той пары Отрицающих. Мне не нравится подозрительная возня в баронствах западных окраин, близких к Уэстоку. И помни – для нас очень важна помощь уэстеров в войне с альвисами, но в конце концов Империя может обойтись и без нее.

– Государь, вы решили-таки использовать то, о чем рассказал вам этот боязливый бургомистр?

– Мой верноподданный бургомистр, Билвиц... – Император укоризненно улыбнулся. – То, что он поведал, довольно интересно. Смотри сюда... Вот тут, на карте... Разными красками окрашены места, в которых более-менее часто случались нападения за последние несколько лет. Красным цветом – четыре погибших города. Ты ничего не замечаешь?..

– Почти правильный круг. Вокруг Фробурга более-менее спокойно. Чем дальше, тем чаще стычки, больше убитых...

– А тем не менее здесь есть пещеры, должны быть и альвисы. Должны быть, но их почти не видно и не слышно. За последние три года – ни одного убитого солдата в гарнизоне, всего несколько ограблений довольно темного происхождения. Ты понимаешь?

– Если бы я хотел спрятать то, что важнее всего, я бы положил это нечто на видное место, как безобидный предмет, и больше не трогал, мой император.

– Ты прав и понял правильно. Здесь их гнездо. Доказательств нет, но мы оба – оба! – чувствуем, что это так. Мне понадобится четыре-пять месяцев, чтобы предположения стали уверенностью. Тогда начнется наша война. А пока – разреши для меня вопрос с уэстерами, старый друг. Отсутствие вестей – хорошие вести, если дело обернется плохо – воспользуйся голубиной почтой. И запомни, не записывая...

Император медленно перечислил имена – те самые, которые не доверяют бумаге. Советник молча слушал.

Глава 6. Поле камней

Империя, Пещеры, осень 6999 года от Сотворения Мира

Нора Виттенштайн как следует поплакала, потом заснула, а когда проснулась, не сумела понять, сколько же времени прошло – мешало отсутствие дневного света.

Она осторожно осмотрелась, комната оставалась пустой, но в ней оказалось два выхода, один, прикрытый занавесью из пестрой грубой льняной ткани, был тем самым, которым пользовался альвис, второй, узкий лаз, скрывался за прикрепленной к стене плетеной из камыша циновкой. Нора отодвинула препятствие и осторожно заглянула в отверстие. В пещерной темноте горел очаг, дым от него поднимался вверх по трубе, сделанной из глиняных кирпичей и переходящей в каменный дымоход, который, в свою очередь, исчезал в скальном потолке.

Алиенора тихо проскользнула в дверь, и ее тут же остановил резкий окрик. Девушка обернулась – источником крика оказался странного вида старик. Его неровные седые волосы, видимо, были просто обрезаны ножом, темную сухую кожу на круглом, одутловатом безбородом лице прорезали бесчисленные морщины, круглые заплывшие глаза глядели упрямо и злобно.

У твари не было кисти правой руки. Сделав обрубком руки неопределенный жест, который можно было истолковать как приглашение садиться на плетеную подстилку, старик изрек нечто, оказавшееся фразой на исковерканном имперском языке:

– Сатись. Пить хочешь?

Потом ловко, одной рукой извлек откуда-то вторую кружку, наполнил ее молочно-белой жидкостью из аккуратного кувшинчика и подал ее Норе. Непрозрачная жидкость ничем не пахла. Нора попробовала сделать вид, что отхлебнула, слегка смочила жидкостью губы. Бесцветные глаза старика заметили ее маневр, лицо сморщилось в злой гримасе, обнажились прекрасно сохранившиеся острые зубы. Растерявшись, она зажмурилась и сделала большой глоток. То, что на вид было так похоже на молоко, на вкус напоминало нечто среднее между жидким огнем и простоквашей – сочетание омерзительное. Глядя на кашляющую девицу, старик хрипло захохотал, будто пролаял, и показал еще один образец высокого имперского слога:

– Мой сын место полесных вещей таскат сюда клупых бап.

Он был зол и раздражен и доволен подвернувшимся развлечением. На этот раз Нора лучше уловила смысл сказанного, встала и поспешно вышла обратно в первую комнату, оставив мерзкого старика наслаждаться выпивкой в одиночестве.

Странно, за ней никто не следил и никто не помешал ей откинуть пестрый тканый полог и выйти наружу. Там оказался коридор: неровные стены, угловатый излом камня над головой и тесная тропинка под ногами. В «коридоре» стояла бы крошечная тьма, не проникай туда свет из «комнаты». Норе пришлось вернуться обратно за лампой. Ход был очень странным, не похожим на обычные, естественные пещеры, все-таки относительно ровный пол, наверняка обработанные рукой каменотеса стены. Стены терялись в темноте, потолок, как оказалось, совсем не был низким. Дочь Виттенштайнов никогда не задумывалась, как возводят стены бургов, прокладывают прочные дороги, какими трудами поднимают стены столичных храмов.

Но тут она поневоле прикинула, сколько усилий потрачено на то, чтобы высечь в камне такой длинный проход. Получилось – очень, очень много.

По обеим сторонам коридора на неравном расстоянии друг от друга были устроены неправильной формы проходы, занавешенные изнутри плетеными из камыша циновками или грубой тканью. Девушка осторожно отодвинула одну из циновок, за ней открылась комната, почти такая же, как та, из которой вышла сама Нора. Неровные каменные стены, неправильной формы потолок, рухлядь на полу, глиняная посуда. В углу комнаты что-то притулилось, то ли гряда тряпья, то ли скорчившаяся фигура, фигура чуть шевельнулась, когда на нее упал свет –

это была женщина лет тридцати, очень худая и изможденная, спутанные грязные волосы наполовину скрывали лицо. Женщина сидела на корточках, уперев подбородок в стиснутые поверх колен руки, и смотрела неподвижными глазами в темный угол. Алиенора ощутила инстинктивное родство людей, погруженных в несчастье, и осторожно дотронулась до плеча незнакомки:

– Ты кто?

Женщина подняла на нее расширенные безумием глаза, зрачки сузились, взгляд стал более осмысленным, и незнакомка, пружинисто распрямившись, куницей бросилась на девушку, стараясь ухватить ее за шею. Женщина что-то кричала на непонятном языке, в ее словах билась боль и ненависть. Нора вырвалась, оставив клочок волос в чужих цепких пальцах, выскочила в коридор и бросилась обратно – туда, где взяла лампу. К счастью, лампа не разбилась, и в слабом свете было заметно, что странная женщина не пытается пуститься вдогонку.

Прежняя комната оказалась уже занятой – в углу сидели двое детей, мальчик лет восьми и трехлетняя девочка. Мальчишка был черноволос и чем-то походил на альвиса, которого Нора совсем недавно пыталась победить в честном бою. Девочка с потоком волос морковного цвета держала за ошейник и гладила любимую собаку Виттенштайнов – Мышку. Наверное, девчонка сделалась бы вороватой конопатой дрянью, если бы жила на солнце, подумала Нора. Но малышка казалась очень бледной, худенькой и смотрела испуганно. Кожа на тонкой детской руке, вцепившейся в серебряный ошейник, была белой почти до синевы. Такса, узнав хозяйку, одобрительно взвизгнула, перевернулась на толстый бок и завиляла хлыстиком хвоста.

– Эге. Девица Нора, похоже, проиграла битву с Иланой.

Нора резко обернулась, за спиной обнаружился ее главный враг, тот самый альвис-оскорбитель.

– Не лезь к ней, понятно? Вообще туда не ходи. Илана не в себе. Она тебя порвет на части, чужачка, а я не собираюсь повсюду ходить за девицей Норой и спасать ее от заслуженной трепки после каждой устроенной глупости.

Обстоятельства не располагали к продолжению словесной битвы – дочь Виттенштайнов решила, что ради истины стоит проигнорировать наглость негодяя.

– А что случилось с Иланой?

– Тебе все еще не ясно? Илана сумасшедшая.

– Почему?

– То, что твои братья там, наверху, сделали с ее родными, вполне достаточная причина.

Если ты так любопытна – их сожгли. На медленном огне.

Альвис повернулся, чтобы уйти.

– Подожди!

– Чего тебе еще надо? Ты не у себя в поместье, девица.

– Как тебя зовут?

– Дайгал.

– Как долго я пробуду в этих подземельях, Дайгал?

– Что, не нравится? – альвис обернулся, уходя. – Мы проводим здесь всю свою жизнь.

* * *

Теплым днем ласковой ранней осени жители Эберталя собрались на обширном пастбищном пустыре близ городской стены, чтобы увидеть зрелище, ставшее в последние годы не таким уж редким, но еще не вполне им прискучившее. Праздник устраивала инквизиция.

Наименее занимательной разновидностью подобного зрелища считалось торжественное отречение от сатаны старух-колдуний, пойманных на порче скота и тому подобных прегрешениях. Старухи, как правило, охотно отрекались и отделялись надеванием позорного бала-

хона и чтением внушительного списка молитв, которые по неграмотности приходилось твердить вслед за измученным священником трибунала – перечницы дьявола нередко глуховаты.

Заметное оживление у зрителей вызывала публичная экзекуция авторов сатирических виршей, нецеломудренно прикоснувшихся к легендам о праведницах и мученицах Империи. Писаки терпели тщательную порку с мужеством, прямо пропорциональным поэтическому дару, а крамольные рукописи продавались потом из-под полы по утроенной цене.

На этом символические наказания заканчивались. За повторное отступничество полагался костер, поэтому более всего страдали несчастные, которые ради заработка стойко промышляли магическими афродизиаками на заказ: пышнотелая ведьма-алхимичка, на костре, в широченной покаянной робе, сплошь покрытой стилизованными изображениями вызванных ею прегрешений, по замыслу святых отцов являла собою чрезвычайно поучительный символ.

Случалось, казнили родовитого, просвещенного поклонника Сатаны. Таких просто боялись, и страх уничтожал самую возможность сочувствия.

В тот день предстояло зрелище пятого рода, и люди, удобно и без лишней толчеи расположившиеся на просторном пастбище, деловито переговаривались.

– А почему жгут, а не вешают?

– Дурак, если бы они были заговорщики из знатных, им бы головы срубили, если бы бандиты-разбойники – повесили, фальшивомонетчики – сварили в масле, а с альвисами что еще делать, если не жечь?

– А разве они не бандиты?

– Бандиты, конечно, но не совсем. Вот Мартин, брат жены моего дядюшки, – настоящий был бандит, правильный. Двадцать душ погубил, но под землю не спускался, с дьяволом не знался и десятую часть добычи в церковную кружку опускал. Во всяком правильном бандите своя малая правда имеется. Правда, когда Мартина поймали, не помог ему святой Никлаус, все равно повесили.

– А альвисы в бога не верят...

– У них вместо бога дьявол! Говорят, они трупы своих жрут!

– Нет, они нас жрут!

– Твои мозги, похоже, уже сожрали.

– Иди ты... в пещеру.

– Сам туда проваливай.

Звуки ссоры заглушила крикливая торговка свежими булочками. Наконец, подъехала открытая повозка с осужденными – в сопровождении конной стражи, под надзором секретаря трибунала в аккуратной маленькой двуколке. Приговоренные разочаровали – бледные, покалеченные, оборванные, они едва держались на ногах.

– Ну и чучела.

– Может, что-нибудь интересное покричат, пока их жечь будут. Вот два года назад колдуна жгли, так он на костре о конце мира пророчествовал.

– Они нашего языка не знают.

– Глупости.

Повозка накренилась, ткнувшись о камень, и встала. Стража оттеснила пропащую четверку к столбам. Казнимых огнем обычно приковывали цепью, что и было немедленно проделано. Подмастерья мэтра-исполнителя подвинули поближе вязанки хвороста, на топливо брызнули жидкого масла.

– А почему им священника из обители для исповеди не прислали?

– Ты добряк, а все же тупая голова. Если бы им священники были нужны, так это были бы не альвисы, а просто бандиты, их бы повесили, а не сожгли.

– Так что, если разбойник в храм ходить перестанет – он альвисом станет?

– Эй-эй! Молчи. Ишь, чего удумал, длинноязыкий! А ты тоже хорош – соблазняешь мужа моего на греховные слова...

– Тебе везде сугубые грехи мерещатся, Марта. С чего бы это? Эге.

Марта густо покраснела.

Казнь не начиналась – опаздывал император. Разговоры перешли в сумбурные выкрики, толпа теряла терпение. Преступники безмолвно ждали – двое в полубессознательном состоянии почти повисли на цепях, двое других, придерживаемые железом, переминались у столбов, опустив головы.

Один из них поднял помеченное свежим синяком круглое лицо и что-то негромко сказал соседу. Расстояние от столба до столба позволило приговоренным обменяться несколькими фразами. Если бы жители Эберталя понимали чужое наречие, они бы услышали следующее:

– Что ты сказал этим отступникам в черных масках, брат? Тем, что знают наш язык?

– Ничего.

– А те двое?

– Они мало знали.

– Значит, сказали.

– Они долго молчали, у каждого есть предел терпения. Осуждаешь?

– Скоро это все кончится?

– Не знаю. Наверное, ждут своего вождя. Потерпи еще немного. И прощай.

– Прощай, брат. Легкой тебе дороги за последнюю черту.

Подъехала карета Гизельгера – массивный закрытый экипаж, запряженный шестеркой белых лошадей.

Глашатай читал приговор, голос гас на обширном, распахнутом навстречу небу пространстве, половина слов потерялась.

– ...вступив в преступный сговор с дьяволом... покусились на целостность... и покой подданных ее...

Видимое ничтожество осужденных не вязалось со столь внушительным перечнем. Толпа насмешливо гудела.

– На чего там целенькое они покусились?

– ...не признавая святого авторитета... виновны в грабежах, убийствах и осквернении...

– Эй, парень, а чего они осквернили-то? – опять раздался чей-то непочтительный выкрик.

– ...приговариваются к казни без пролития крови... Правитель Церена не вышел из экипажа – махнул рукой в окно, приказывая палачу начинать. Вспыхнул промасленный хворост, взвилось пламя, ахнула толпа. Смех утих, сменившись растерянным ропотом. Дрожал раскаленный воздух, но людям показалось, что стало холоднее. Быть может, в этот момент поле камней осенила своим крылом невидимая птица истины или попросту усталость изменила настроение – многих эберталцев коснулось странное чувство душевного родства с осужденными. Люди молчали. Ревел огонь, трещал хворост, сноп жирного дыма, подсвеченный оранжевыми искрами, уходил в небо.

Низкое слоистое облако с лиловым дном затянуло небосвод, погасив теплый свет дня. На враз осунувшиеся лица, на глазницы и щеки, легли глубокие серые тени, резко, пронзительно повеяло сухим холодом – стелющийся кругами по полю ветер примял редкую траву, сорвал с голов легкие цветные шапочки, поднял в лет тучу колючей пыли и бешено крутящимся смерчем налетел на костер. Приток воздуха раздул пламя – огонь вокруг четырех столбов взревел, слился в единую бешено клубящуюся стену и нестерпимым жаром отеснил прочь оробевшего мэтра-исполнителя. Церемония оказалась безнадежно испорченной.

Взмыла вверх стая жалящих искр – зрителей осыпало мелкими брызгами пламени и горячими головешками. Послышались испуганные крики. Растерянные люди заметались, увора-

чиваясь от ожогов. Ревел костер, испуганно причитали женщины, заходила криком потерявшаяся в суматохе девочка.

Пылающий град застучал по крыше императорского возка, кучер без приказа хлестнул лошадей, разворачивая карету. Гизельгер откинулся на сиденье кареты, отметил про себя поблевшие губы и печальное лицо сына и наследника.

– Ты хотел поговорить со мной?

– Что на самом деле сделали эти четверо?

– Ты слышал – грабежи, убийства, сношения с дьяволом.

– Я хотел знать – на самом деле.

Карету подбросило, лошади повернули влево, выбираясь на тракт.

– Эти бродяги, если так можно сказать, саранча государственной нивы.

– Почему тогда их сожгли, отец? Грабителей даже вешают не всегда.

Возок прибавил ход – копыта лошадей неистово били пыль, отряд Кунца Лохнера на скаку окружил карету государя.

– Сын мой, не пытайся быть добрее Бога. Это по сути не имперские подданные. Они чужие, к тому же вообще ничьи не подданные. После того, как из них выжали то небольшое, что они знали, эти люди больше не нужны. Куда ты предлагаешь их пристроить? Поместить в имперскую тюрьму и кормить на налоги моих добрых церенцев?

– Они грабители, возможно, убийцы. Но они же не дьяволопоклонники.

– Кто-то из подобных им, пусть всего один, – несомненно и в высокой степени таковым и является. Маг или маги – сильные и опасные, с неясными пока целями – это хуже всего. Вспомни четыре мертвых города – Мейзен, Амбрас, Артен, Гайа. С меня довольно. В Церене с лихвой хватает титулованных адептов дьявола. Их я, к сожалению, не могу казнить всех и сразу – у этой гидры много шей, а не одна. Костер – в том числе острастка иным.

– Это несправедливо.

– Молчи! Ты! – голос Гизельгера перерос в рык. – Я тебе приказываю – молчать. Слушай меня и пытайся понять. Нет справедливости на земле, место ей на небе, среди святых праведников. Зато на земле есть благо Церена. Это моя справедливость. Она должна быть и твоей, если ты не хочешь разрушить то, что создавалось предками.

– Но...

– Потом... Я еще буду говорить с тобой, нам есть о чем поговорить. А пока помолчи. День был слишком труден...

– Прости, отец.

Толстый упрямый мальчишка, сын великого императора, отвернулся, глядя, как удаляются прочь стены столицы – властелин Церена спешно возвращался в Лангерташ.

Глава 7. Под землей

Империя, Пещеры, осень 6999 года от Сотворения Мира

В пещерах нет ни дня, ни ночи. Время суток сменяется под распахнутым небом, оставляя подземелью вечные сумерки.

Не приди сюда люди – была бы вечная ночь.

Бесконечно долго согретая солнцем вода уходила в почву, капля за каплей растворяла мягкий камень, залегающий ниже кустов шиповника, земли и трав. Теперь глубоко под землей струится холодная чистая река, и каждая капля продолжает уносить невидимую частичку тверди.

Выше реки лабиринт – покинутое ушедшими вглубь водами русло – слепок прежних слоев известняка, сделанный из черной пустоты.

Люди прибавили к творению воды плоды собственных усилий – и в пещерах появился свет.

Иногда свет падает из узких отверстий в потолке пещер, порой теплится огоньком лампы или полыхает тревожным отблеском факела. Но освещают они одно: серые и коричневые своды, сложенные из известняка и доломита, и бледные лица людей, принесших под землю свет.

Альвисы называли лабиринт пещер одним словом – Грот. В первые недели Нора обшла все, что могла обойти, не заблудившись, побывала везде, куда ее пустили. Кое-откуда ее сразу прогнали со словами, смысла которых она, к счастью, не понимала. Пещеры казались ей удивительными. Десятки коридоров, сотни комнат, иногда залы с высокими сводами, иногда узкие лазы, в которые едва можно протиснуться, обдирая плечи. Под ногами то скользкий, увлажненный водой камень, то неровные изломы доломита, порой – сухой известняковый пол прохода, пробитого рукой человека. Закоулки-комнаты, едкий дым изредка горящего очага лениво стелется вокруг, прежде чем уйти в пробитое в потолке отверстие. И всюду альвисы.

Нора не знала, что находится выше, она не помнила, как Дайгал принес ее сюда, казалось невероятным, чтобы путь продолжался более двух-трех дней. В землях отца и соседей не может быть таких больших пещер. Разве что они находятся глубоко под землей и не заметны на поверхности? Нора представила себе, как под покровом темноты из тайного лаза в земле появляются один за другим бесшумные, беспощадные враги, окружают бург, лезут на стены сплошным серым потоком...

Это, конечно, пустые страхи. Но как она-то попала сюда? Спросить об этом можно было у Дайгала, но не хотелось. Вдруг представится возможность бежать, лучше заранее не настораживать главного врага.

Нора постепенно разобралась в системе родственных отношений ее хозяев. Старого альвиса звали Такхай, Дайгал был его старшим сыном, точнее, самым старшим из двух оставшихся в живых. Мальчишку, младшего сына старика, звали Тиви, что в переводе с языка альвисов означало «крысенок», слово, впрочем, имело вполне одобрительный смысл. Светловолосая девочка, Даура, была дочерью старшего брата Дайгала, погибшего при обстоятельствах, о которых Нора, памятуя о своей встрече с безумной Иланой, предпочитала не спрашивать.

Нору никто не притеснял, ею, казалось, мало интересовались. Однако ее тревога росла с каждым днем. Дайгал сказал, что вернет ее отцу за выкуп. Но ведь альвисы никогда не возвращали пленных, ни за выкуп, ни без такового. Нора знала это наверняка, потому что с альвисами никогда не вели переговоров, да те и не посылали к подданным Гизельгера своих парламентаров. Все, кто предположительно попал в плен к подземным жителям, считались покойниками. По ним разрешалось устраивать заупокойное богослужение в церквях Церена. Значит, Дайгал обманул ее. Зачем? Пока ответа не было. Ничего, первую схватку выиграл противник, но она

будет терпеливой и хитрой, прозорливой и осторожной, найдет слабое место врага, улучит момент и победит. Победа заключалась в бегстве. Ах, она будет первой, кто сумеет сбежать от альвисов? Ну что ж, значит, будет первой! Надо же кому-то начинать. Нора пыталась найти в Гроде других захваченных имперцев, но тщетно. То ли они содержались в другом месте, то ли их вовсе не существовало.

Во всяком случае, стоило разобраться в хитросплетении пещерных ходов. К несчастью, у Норы не было ни бумаги, ни пера, ни даже куска дерева и острой шпильки, чтобы нарисовать хоть какое-то подобие плана. Дайгал, казалось, мало обращал на нее внимания, но одного правила придерживался очень аккуратно – немедленно, безо всяких церемоний отбирал у нее любой режущий или колющий предмет, хотя бы иголку, не останавливаясь перед необходимостью унижительного обыска. Нора теперь весьма сожалела о том, что продемонстрировала свой крутой нрав в первый день знакомства – не ясно точно, чего больше опасается враг, покушения или самоубийства, но предупрежден он был, увы, самой же Алиенорой.

Приходилось держать свои открытия в памяти. До сих пор Алиеноре не приходилось запоминать ничего сложнее молитв, а вершиной ее успехов в картографии явился сложный узор для вышивания. Однако за два месяца блужданий по пещерам, после которых она едва находила дорогу «домой», общее устройство Грота стало для Норы более-менее понятным. Коридоров было всего шесть, а не десятки, как показалось вначале. Три коридора, немного изгибаясь то вправо, то влево, шли почти параллельно друг другу, расширяясь и сужаясь, смотря по податливости камня. Еще три подобных коридора, по прихоти воды и тверди пролегших тоже параллельно, пересекали первые три под углом. Все вместе образовывало нечто наподобие крестной решетки, в которой «прутьями» были ходы, а просветами между ними – скала, слагавшая стены пещер. В стенах было устроено множество комнат, высеченных, по видимому, отчасти водой, отчасти человеческими руками. Комнаты сообщались с коридорами «дверями» – занавешенными тряпками проемами неправильной формы и служили жилищем обитателям пещер. Для удобства ориентирования на перекрестках стены украшали грубо выбитые в известняке знаки. Факел для левого коридора, меч для среднего и трезубец для правого. То, что «левых», «правых» и «средних» коридоров получалось ровно по два, так запутало Нору, что она с трудом могла пользоваться полученным знанием.

Однако открытие вдохновило девушку. За нею не следят. Где-то должен призывно светиться выход наружу. Достаточно дожждаться «ночи», то есть времени, когда альвисы спят, и ускользнуть от стражи, наверняка бдительно стерегущей проход. Однако следующее открытие стало менее приятным. Выхода не было. Косая решетка коридоров оказалась только одним из ярусов пещеры, причем отнюдь не верхним.

В Церене имелись шахты – в том числе серебряные рудники, но дочери знати, разумеется, никогда не бывали там, иначе Нора сразу бы поняла, что она обнаружила. Это был подъемник – вертикальная шахта и клеть на канатах. Клеть спускали сверху, и где-то там, наверху, мерцал светом дня желанный выход. От клетки Нору грубо прогнали.

Пришлось возвращаться обратно. Она, тихо поплакав в бессильной ярости, отказалась пока от мысли найти выход на поверхность немедленно, пока не поймет нравов и обычаев альвисов и не придумает, как ей обойти угрюмых стражей. В этом непростом деле мог пригодиться ничем не занятый однорукий Такхай. Нора скрепя сердце примирилась и с чудовищными манерами старика.

Такхай, грузный, морщинистый, с неподвижным совиным взглядом, был в прошлом отважным воином. После того, как не смог держать меч в руках, стал тем, кем был сейчас – старым израненным озлобившимся пьяницей. Он немного знал имперский язык и любил рассказывать о своих подвигах, однако из-за чудовищного выговора его было трудно понять. Тем не менее он охотно рассказывал все, что знал о своем мире, ничуть не беспокоясь, что это может оказаться на руку пленнице. Похоже, он просто искренне презирал Нору, считая ее чем-

то вроде домашнего животного. «Пещеры? Ну да, это Грот. Здесь живут единокровники, это место безопасности, где хорошо прятаться и спокойно жить». «Выше – там тоже пещеры». «Ниже? Там еще два яруса, а еще дальше, в самых глубоких пустотах земли, куда нет хода, обитают души погибших с оружием в руках. Души защищают потомков от злобных демонов мира преисподней».

При этих словах старика Норе стало холодно. Она была набожна, но совершенно забыла, что ниже, чем на шесть локтей в глубину, в земле лежат владения князя тьмы. Значит, как раз в аду она и находится. А где-то там, еще ниже, есть настоящие демоны. Святой Регинвальд, спаси и сохрани! Помоги вырваться отсюда, и она до конца жизни будет возносить благодарственные молитвы, а отца упросит построить новую часовню во славу святого покровителя.

Однако как ни надейся на святых, а помогают они только тому, кто сам себе помогает. И Нора опять приставала с расспросами к Такхаю. «Еда? Да ты смеешься, дрянь, ты не ела сегодня, что ли? Еду берут в реке или на поверхности». Впрочем, девушка и так уже поняла достаточно.

Где-то там, на нижнем ярусе, протекала подземная река, кажется, ее перегораживали сети, в которые попадало все, что приносила вода, более-менее съедобное тут же шло в пищу. Добывать еду приходилось и на поверхности – в отчаянных стычках или коротких, бескровных грабежах – как придется. Под землей почти не было съестного. Любимая такса Норы, Мышка, внезапно бесследно исчезла, вызвав первые подозрения. В пещерах поедали все – слепых уродливых рыб из подземной реки, отобранный у имперских вилланов ячмень, подбитых из арбалета на поверхности птиц, убитых крестьянских коров и, к ужасу Норы, – пойманных крыс. Все это готовилось так, что распознать ингредиенты было нелегко, но Алиенора сама видела, как после приготовления Такхаем очередной трапезы маленькая Даура выбросила длинные голые хвосты.

Нору немедленно стошнило, к великому удивлению Тиви и Дауры. Она попробовала отказываться от такой еды, но голод очень скоро сделался нестерпимым, а определить, попали ли в очередную порцию еды свежие крысы, все равно не представлялось возможным. Баронесса утешила себя мыслью, что по преданию один из ее прославленных предков, Иоганн фон Виттенштайн, победил врагов, державших фамильный замок в голодной осаде, тем, что приказал солдатам без стеснения ловить многочисленных крыс и мышей, расплодившихся в подвалах бурга. Раз предок смог, сможет и она, Нора. Впрочем, кое-что из еды альвисов Алиенора взяла бы в рот разве что под страхом смерти – отвратительное пойло, столь любимое старым негодяем.

Несколько смягчившийся Такхай вдохновенно врал, рассказывая, что когда-то единокровники имели обширные поля, на луговых хребтах гор паслись бесчисленные стада вкусных животных. Эти времена давно прошли. Теперь война с жителями городов сделалась основой жизни альвисов, способом получить недостающее, мстью. Первопричину долгой войны не помнил никто. Хотя, пожалуй, для войны и одного отступничества достаточно.

«Что такое отступничество? Ха! Да ты сама отступница – зачем спрашиваешь? Вы, верхние, живете в беззаконии, не зная почтения, отринув долг и веру», – заявил он озадаченной девушке.

Старый альвис понемногу отхлебывал из глиняного кувшина. Горевший костер отбрасывал на стены Грота причудливые блики, похожие на силуэты пляшущих женщин. Такхай сидел у очага, надувшись любимым напитком и чувством превосходства над ничтожной слушательницей.

Хех. Старший сын – беспутный малый. Вернулся из вылазки, в которой погибли иные единокровники, приволок с собой вместо ценной добычи *отступницу*. *Отступницу!* Пьяный Такхай зашелся мелким, дробным, почти неслышным хохотом, но желтые совиные глаза его были холодны и неподвижны.

Сын дурак, зато не трус и не обижен боевой удачей. Любой альвис, даже самый обычный и даже никчемный – ребенок или калека, выше отступника. Потому что им дано великое чудо – кроме душ, приходящих в этот мир обычным путем, иные альвисы являются в этот мир не из чрева матери, а непостижимым таинственным путем, совершенными, взрослыми и мудрыми, с душами, чистыми от суеты и груза телесного взросления, чтобы править своим народом. Не так часто бывает и не слишком просто вершится это великое чудо... Альвис подбрасывал в огонь ветки из вязанки хвороста, с риском собранного в лесу близ пещерных холмов. Ныли кости, болела давно отсеченная кисть руки. Холод и тьма... Но это не вечно, это кончится, может быть, не только сыновья, но и сам Такхай дождется...

Нора почувствовала ледяную угрозу этих рассказов. Такхай проболтался, что местные пещеры не единственные, есть и еще, поменьше, в других местах. Святые угодники – найдут ли кто-нибудь одинокую девушку здесь, под землей? Альвисы поклонялись своим богам. Они в отличие от святого Иоанна или святого Никлауса были рядом, в глубине каменных лабиринтов, и звали их Пришедшие. Кто это такие – люди-вожди или адские демоны? Сдается, и то и другое в одном лице. Алиенора насторожилась, ей показалось, что, упоминая Пришедших, Такхай посмотрел на нее с двусмысленной смесью насмешки и тайного злорадства. Она почему-то подумала, что Дайгал, напротив, не проявлял никакого религиозного рвения, не хвастался, «отступницей» ее не называл и о Пришедших не упоминал совсем. Он разговаривал с нею мало и был занят своими делами, которые не то чтобы скрывал, но и не торопился выставлять напоказ. Дайгал много и охотно бывал на поверхности. Долго разговаривал и уходил куда-то с другими альвисами-воинами. Приходил через день-два. Один раз возвратился раненым. Как-то его не было неделю. Приносил из своих вылазок не только еду и добычу, но разные предметы, казалось, совершенно бесполезные в пещерах: книги и свитки документов, исписанные на языке Империи, инструменты. К крайнему удивлению Норы, оказалось, что Дайгал умеет не только правильно говорить, но и читать на языке Церена. До 14 лет Нору учили монахини, дав ей приличное девице образование, однако ее же собственный отец, грозный фон Виттенштайн, был идеально неграмотен, это считалось естественным – воину нужен меч, барону – власть и земли, пустое занятие – забивать благородную голову иссушающей книжной премудростью...

Нора много раз убеждалась, что Дайгал ничего не делает просто так, несомненно, у странствий была цель, но открывать ее до поры до времени он не торопился. Иногда у дочери Виттенштайнов возникало желание поговорить с Дайгалом и задать ему все вопросы – в том числе о том, что он собирается с нею делать, но ее останавливала как простая осторожность, так и боязнь нарваться на очередную насмешливую отповедь. Лучше предоставить пока события их естественному ходу, быть осторожной как лиса, хитрой и предусмотрительной. Пусть враг сильнее, она будет умнее, в конце концов победит и освободится!

В пещерах нет ни дня, ни ночи...

Глава 8. Сомнения тех и этих

Империя, 1 декабря 6999 года от Сотворения Мира

В начале зимы, которая тонким слоем инея покрывает каменные ступени храмов, в маленькую церковь святого Регинвальда, что в предместье Эберталя, за крепостной стеной, вошел человек. Незнакомец был молод, добродушен на вид, одет так, что его можно было принять и за сына преуспевающего горожанина, и за студиязуса Эбертальского университета св. Агнессы, и за отпрыска баронского рода, не пожелавшего на этот раз подчеркивать свое происхождение. Уже темнело, священник, отец Гилберт, пожилой, незнатный и нечестолюбивый пастырь душ, только что окончил вечернюю службу, и малочисленные прихожане разошлись, кутаясь и прижимаясь к стенам домов в попытке укрыться от порывов пронизывающего ветра, налетавших с каменистой пустоши за окраиной столицы. Помыслы отца Гилберта занимала ветшающая кровля храма – на обустройство божьего дома не хватало вполне земных монет. Церковь была старой, прихожане бедны, казна города прижимиста, а богатые и набожные жертвователи предпочитали одарять вниманием и монетой совсем иные храмы.

Стоящий перед священником молодой человек попросил об исповеди в неурочный час и быстро прошел в маленькую исповедальню. Несмотря на добродушный вид посетителя и его юный возраст, отец Гилберт был почти уверен, что это забияка, который, случайно отправив на тот счет человека в компании таких же непутевых бездельников, торопится получить церковное отпущение греха человекоубийства.

Все шло как обычно.

– Святой отец, я грешен.

– Рассказывай, сын мой, я слушаю. Ты убил? Когда? Сколько?

– Не убивал я, святой отец.

– Бесчинствовал, сын мой? Буйство и дикость во хмелю – грех, и не годится, упившись зельем, пугать добрых горожан.

– Нет.

– Может... девицу обманул?

– Нет.

– Так что же ты такого натворил-то?!

– Святой отец, я усомнился.

Отец Гилберт на несколько мгновений задумался, припоминая подходящее место из Писания.

– Сомнения – не всегда большой грех, сын мой, но в чем же ты усомнился-то?

– Я усомнился в своем отце.

Тут отец Гилберт, ко всему привыкший за долгие годы, проведенные среди своих суетных прихожан, удивился еще сильнее. На исповеди ему приходилось выслушивать признания в самых разнообразных грехах: люди предместья убивали, крали, лжесвидетельствовали, подделывали монеты, блудили, в том числе с собственным полом, детьми и животными, несколько раз в маленькой исповедальне каялись и случайные участники сатанинских ритуалов. Пьянство же и побои, нанесенные родичам или соседям, у них и за грех-то не считались. Однако никто и никогда не приходил каяться в сомнениях по поводу отцов. У старого священника даже мелькнула мысль, что молодой человек усомнился в законности собственного рождения, однако он не подал вида и произнес назидательно:

– Чти отца своего и мать свою. А иначе поступать – большой грех.

– Святой отец... Скажи мне, а должен ли я превыше отца своего и матери чтить благо Империи?

Теперь священник испугался. Отец юноши – заговорщик, мало ли нарождалось заговоров за долгие годы правления сурового Гизельгера? Юноша, возможно, что-то узнал и не может выбрать между сыновней почтительностью и долгом верноподданного. Иногда сохранение тайны исповеди оказывалось совсем не легким делом, ведь обязанность подданного Империи – сообщать о мятежниках. До сих пор в душе отца Гилберта побеждал священник.

– Благо Империи священно, чадо, и всякая власть дана от Бога. Если твой отец пошел против Империи, он тяжко согрешил. Но не твое дело судить отца своего. Молись, верь, посещай храм, Господь умудрит тебя, как должно поступить.

Фраза сложилась сама собой, и отец Гилберт остался чрезвычайно доволен. Но юноша почему-то не проникся ясной простотой совета, а замолчал, явно разочарованный. Потом, по видимому, внезапно решил:

– А что делать мне, мне, сыну самого императора?

Если бы стены приземистого храма оделись в дорогой мрамор или по новой моде вознеслись ввысь стрельчатыми арками или буйная паства предместий дружно вступила на путь безукоризненной добродетели, меньше удивился бы отец Гилберт. В простодушном изумлении, не находя слов, он явил бы стороннему наблюдателю зрелище трогательное и смешное, но никто не мог видеть происходящего в исповедальне, а посетитель не смеялся, он почти кричал.

– Святой отец, разве не видите вы – смерть стоит на нашем пороге! Четыре города, пока только четыре, поглотила она и сто сотен душ человеческих ушли во тьму. Почему не помогли молитвы Обители? Каждый год высшие сановники матери нашей церкви мечут Жребий, который выбирает самых достойных, и они уходят, чтобы мы жили... Почему не помогли их молитвы?! Святой отец! По всей империи горят костры, огнем и мечом уничтожается ересь. Почему дьяволопоклонников становится больше, а не меньше? Почему Молящиеся уходят в Обитель без радости, в отчаянии, проклиная оставшихся? Я сам видел, как это было! Бог отвернулся от нас! Мы забыли заветы Бога! В наших душах нет любви – ненависть правит святой Империей! Отец! Помогите, научите! Что делать мне?

Растерянность и ужас захлестнули отца Гилберта – ни один подданный Церена не смел сказать такого, только теперь священник поверил, что перед ним сын самого Гизельгера. Юноша, который не боится ни доносчиков, ни инквизиции. Что мог сказать принцу он, отец Гилберт? Что еще никто из обычных людей, живя только по законам любви, не только не изменил мир к лучшему, но и сам не дожил до зрелого возраста? Что приходится вершить малое зло, дабы избежать большего? Но в Писании не было слов для оправдания зла. Рассказать, как в прошлом покидали мир правители царств и империй, которые хотели устроить все по-иному, но в конце концов далеко превосходили жестокостью глубоко порицаемых предшественников? Но отцу Гилберту уже много лет не приходилось вспоминать книжную премудрость, вынесенную из семинарии, и он не умел облечь ее в простые слова сочувствия. А юноша что-то кричал, потом заплакал, пока священник, покрыв его голову епитрахилью, повторял установленные слова отпущения грехов кающемуся. Отдались эхом под сводами храма шаги уходящего, и все стихло. Только перекликалась вдалеке уличная стража, и в маленьком храме долго молился за ушедшего старый священник.

А сможет ли эта молитва изменить ход последующих событий – кто знает?

Граф Дитмар Рогендорфский ждал. Он умел ждать и быть терпеливым. Сначала ждал, пока вырастет Гаген, потом ждал, когда его, Дитмара, влияние на принца окрепнет. Ждал последние два месяца, после того, как в придорожном лесу держал в руках и на лезвии кинжала жизнь одного из знатных сатанистов Империи.

Он знал, что идет на риск. Скорее всего его тогдашний собеседник уже лежит где-нибудь под заснеженным дерном с перерезанным горлом или мокнет на дне реки с камнем на шее. У дьяволопоклонников не принято выручать попавшегося по глупости сообщника, если есть

куда более простой способ сделать его молчаливым и безопасным. Оставался единственный шанс, может быть, неизвестный главарь этой опасной секты заинтересуется возможностями, которые дает ему встреча с могущественным сановником Церена.

Дитмар не любил дьяволопоклонников. Не будучи, в отличие от большинства подданных Империи, глубоко и искренне верующим человеком, он все же придерживался принятых ритуалов, никогда не сомневался в догматах и уважал священников. Дьяволопоклонники отрицали все, на чем официально и фактически строилась жизнь Империи: религию, мораль, послушание по отношению к высшим, милосердие к низшим. Дитмар понимал, что отрицаемое должно замещаться чем-то, но не знал, чем это заменили члены сатанистских сект. Может быть, дьявол, в обмен на душу, дарит им неописуемые наслаждения или тайное могущество магической власти?

Рогендорфа не интересовала иная власть, кроме вполне земной власти над Цереном. Он с удовольствием обошелся бы без помощи таких сомнительных союзников, но Гизельгер... Император был высоко чтим подданными, кем искренне, кем внешне, из страха. Случались мятежи и крестьянские волнения, порой чрезмерно рьяных чиновников Империи находили мертвыми. Но одно дело убить сборщика налогов или разграбить бург рыцаря, прославившегося жестокостью, совсем другое – поднять руку на священную особу императора, чья власть дана Богом. Найти человека для подобного дела слишком трудно. Дитмар, глядя на затянувшееся правление Гизельгера, видя гнев и недовольство баронов, чьи привилегии сократила железная рука императора, не раз подумывал о яде. Слишком велик риск, император не возьмет кубка даже из рук ближайшего друга, ни от кого, кроме личного виночерпия, которому в случае промаха грозит мучительная смерть если не от яда, то от рук инквизиторов-дознателей, «псов Господа».

Яд не годился... Убить императора самому? Даже если Дитмар останется в живых, не будет заколот гвардейцами охраны, путь к власти для него закрыется навсегда. Нужен был человек без преданности Гизельгеру, без страха перед карой небес. Отрицающий. Дьяволопоклонник.

Вошедший слуга почтительно подал господину перстень с лазуритом:

– Господин, вас хочет видеть какой-то человек. Он просил передать это кольцо, но не открыл своего имени.

Наконец-то, подумал Дитмар, боясь поверить в свою удачу – сегодня ровно два месяца.

– Пусть он войдет, Андреас.

Лицо вошедшего скрывал низко опущенный капюшон плаща, похожего на монашеский.

– Садитесь. Я не знаю вашего имени и титула и не вижу вашего лица, незнакомец, но я рад вас видеть. – Дитмар сделал радушный жест, приглашая гостя садиться. – Выпьете со мною? Андреас, принеси кубки и позаботься, чтобы нас не беспокоили.

Человек сел, откинул капюшон и открыл лицо. Оказалось, он иронически улыбается. Дитмар не знал этого человека, но безошибочно мог сказать – это один из высших. Правильное холодноватое лицо, лет двадцать восемь – тридцать.

– Мой титул не имеет значения перед вечностью, Рогендорф. Вы звали меня, я пришел. Чего вы хотите?

– Как мне обращаться к вам, незнакомец?

– Зовите меня Мастер. Что вам угодно?

– Любезный Мастер, однажды, совершая прогулку в лесу, я сделал находку – кинжал с драгоценной рукоятью в виде рыси, и вот...

– Оставьте предисловия, Рогендорф. Вы схватили за руку человека, имя которого уже не имеет никакого значения. Вы должны были донести на него, но не сделали этого, нарушив тем самым то, что вы сами называете долгом. Значит, вы чего-то хотите. Чего же?

Дитмар почувствовал мучительную неловкость – так прямо заговорить об убийстве императора он не мог, а Мастер, похоже, не признавал недомолвок. Сатанист, по-видимому, получал удовольствие от сложившейся ситуации, наблюдая за Дитмаром со все той же иронической усмешкой.

– Иногда мы сами не знаем точно, чего же хотим, Мастер, пока не увидим этого воочию. Пока я хочу только поговорить. Вы еще молоды, богаты, знатны, скажите, чего хотите вы? А что заставляет идти на риск юношей, подобных тому, который оставил мне на память вот это...

Дитмар положил между кубками на стол заранее приготовленный кинжал, сверкнул свет в рубиновых глазах рыси.

– Кинжал против кольца... Ну что ж, я отвечу вам, Рогендорф. Власть, богатство, наслаждения хороши сами по себе, и нет смысла отказываться от них. Многие люди живут только ради этого. Но мы – не люди.

Дитмар сначала остоленел от такого заявления, а потом искренне огорчился. Вся затея рушилась, он имел дело с явным безумцем.

– Я не сумасшедший, Рогендорф. – Казалось, гость читает мысли хозяина. – Кто есть человек? Животное о двух ногах без перьев? Или существо, созданное тем, кого вы называете своим Богом? Тот, кто именуется создателем, отнял у человека право на познание. Мы вернули себе это право, и мы уже не вполне люди, мы прокляты.

– Чего же вы хотите? – неожиданно для самого себя спросил растерявшийся Дитмар.

– Свободы. Знания. Власти над мировой сферой. Но не вашей, человеческой, власти – эту можете оставить себе, Рогендорф.

«Это меня вполне устраивает, – подумал Дитмар. – Можете оставить себе вашу власть над сферами, а мне – власть над Империей».

– Ну что ж, любезный Мастер, поговорим о власти. Власть Церена преследует вас, не останавливаясь перед пытками и сожжением заживо. Вы не хотите, чтобы изменилось положение вещей? Многие из вас погибли, может быть, вы желаете мести?

– Мы не отвергаем мести, Рогендорф. Мстить можно, вдвое и втрое превышая причиненный недругом вред. Но что вы-то можете добавить к нашей мести?

– А если я помогу вам получить возможность раз и навсегда искоренить угрожающее вам зло, Мастер?

Дьяволопоклонник тускло усмехнулся.

– До какой степени вы человек. Нет зла, как и нет добра. Есть только польза и вред, впрочем, у каждого они свои. Сильный добивается своего, слабый гибнет. Допустим, мы хотели бы смерти императора и уничтожения власти инквизиции. Чем вы можете нам быть полезны и чего хотите взамен?

– Любезный Мастер, раз вы такой поклонник пользы, а не добра, вы должны знать, что полезен может быть любой союзник. Как вы собираетесь подобраться к Гизельгеру? Все попытки до сих пор были безуспешны. Вы не можете сделать этого! Значит, вы не столь уж и сильны?

Дитмар намеренно злил собеседника, надеясь, что Мастер сбросит маску иронического равнодушия.

– У силы есть предел, Рогендорф, но она способна расти. Да, мы пока не достигли желаемого.

«Не так уж и сильна ваша магия», – ехидно подумал Дитмар.

– Кстати, Мастер, почему вы продолжаете снова и снова посылать неопытных мальчишек на смерть? Положим, понятия жалости и сострадания для вас не существует, но разве вы не видите, что это попросту не приносит пользы?

– Это приносит пользу, Рогендорф, слабые и глупые уходят, чтобы их место заняли сильные и умные. Впрочем, я не считаю невозможным использовать посторонних людей. Но... Тут есть одна трудность.

Дитмар насторожился. Вот оно!

– Есть человек, который может взяться за самое безнадежное дело и, что еще более важно, способен выполнить обещанное. Но он не наш. Пока не наш, хотя душою близок к великой тьме, дающей познание. Однако мы не можем предложить этому человеку ту награду, которую он хотел бы получить в обмен на свою помощь.

– Чего же он желает, любезный Мастер?

– Ему нужен дворянский титул, Рогендорф. Мы и тот, кому мы служим по собственной свободной воле, может дать свободу, силу и знание. Может сделать из слепого человека одного из избранных и прозревших. Но он не раздает титулов Империи.

– Выполнить подобное желание не составит труда. Как только император будет мертв. Конечно, если ваш человек сыграет свою роль и останется в живых.

«А может и не остаться».

Гость небрежно плеснул себе вина на дно кубка.

– Можете считать, что мы договорились.

– Когда и как?

– В тот день и час, когда на шпиле башенки, что так кстати украшает ваш дворец, будет поднят желтый вымпел. Как – вам знать ни к чему.

– Ну что ж, желаю вам силы, свободы и познания, Мастер. – Дитмар опять не удержался от ответной иронии.

– А вам я желаю той Империи, которая равна вашей силе, Рогендорф.

Мастер надвинул капюшон на лицо и двинулся к выходу. Оставшемуся в одиночестве Дитмару вдруг показалось, что достигнутый успех таит в себе зерно неведомой опасности. Он никак не мог отделаться от ощущения, что над ним утонченно посмеялись...

Глава 9. Пришедшие

Империя, Пещеры, 15 декабря 6999 года от Сотворения Мира

— Ты остаешься здесь. Почему? Потому что *там* тебе не место.

Дайгал сегодня злился. Впрочем, Нора уже убедилась, что главный враг ненавидит споры и, если быть настойчивой и осторожной, его можно без особого труда обойти.

— Я хочу посмотреть на этот праздник! Мне скучно!

— Это скука от безделья. Праздник... Ладно. Если праздника хочешь – пошли. Собирайся, девица Нора, возьми факел, будешь мне дорогу освещать.

Длинная процессия растянулась по запутанным улицам пещерного города. Со всех сторон, теснясь в узких проходах, держа в руках факелы, сосредоточенно, молча, двигались вереницы темных, диковского вида фигур. Обитатели нижних ярусов поднимались в клетки, руки стражей подъемника с трудом вращали тяжелый скрипучий ворот. Нора старалась не споткнуться на скользком камне, клеть доставила ее наверх вместе со всеми. Потолок коридора обвисал острой бахромой известковых сосулек. По законам природы каждая сосулька на потолке имеет пару, сосулька-близнец растет в противоположном направлении: вверх от пола – этакий неровный каменный кол. Однако нижний часток столба жители пещер давным-давно стесали, пытаясь расширить проход. Получилось не слишком хорошо: неровные стесы заставляли беречь пальцы ног, а сосульки грозили задеть голову. Оранжевые отсветы факелов тревожно металась по стенам, превращали сталактиты то ли в оскаленные зубы зверя, то ли в напряженно ищущие в полумраке щупальца спрута.

Страшноватая каменная кишка, однако, вскоре закончилась – оборвалась выходом в пещеру, стены которой носили явные следы некой художественной обработки: неизвестный автор выдолбил там и сям подобие грубых горельефов – люди, звери и рыбы, казалось, переплелись в нечестивой противоестественной пляске. Лица людей, морды животных и даже плоские головы рыб носили отпечаток странной мечтательной экспрессии. Рассмотреть изображения как следует не удалось – человеческий поток не позволял Норе задержаться.

Тем временем огромная гулкая пещера, освещенная пламенем факелов, заполнялась зрителями. Под невидимым в темноте куполом, меж неровных изломов коричневых, местами закопченных стен люди стояли плечом к плечу, никто не решался повысить голос, раздавалось лишь осторожное дыхание и шорох мелкого щебня под ногами. Слившись с толпой, одной из многих стояла Нора, бывшая Алиенора, бывшая церенская баронесса.

Потрескивали факелы, теснились люди, участники действа, едва шушукаясь, замерли в ожидании. В дальнем углу пещеры, на естественном возвышении, появился старик, по-видимому, жрец или священник – иссохшее тело терялось в свободно болтающемся балахоне. Голова, покрытая редким седым пушком, тряслась на тонкой жилистой шее. Жрец затеплил ароматические палочки в трех вычурных поставцах и встал возле странного вида саркофага.

Тяжелую каменную крышку ящика украшал смутно знакомый символ: треугольник, вписанный в круг. Вокруг основания саркофага обвился сонный, каменный дракон – голова ящера покоилась на вытянутых лапах. Из черноты узкого бокового лаза выбрались, пересмеиваясь, три девочки лет двенадцати и по знаку старика протяжно затянули песню. Нора, не понимая половины слов, уловила лишь варварски рваный ритм, непохожий на мелодичные песни Империи:

Буря, вызванная страшным
Божеством во власти гнева,
Город скрыла покрывалом,
Опустила саван серый.

А цветущие деревья,
От дворца и до окраин,
Обернулись в одночасье
Черным пеплом меж развалин...

Толпа подхватила мелодию, низким, глубоким голосам мужчин вторили пронзительно-резкие женские. Струйки дыма над поставцами причудливо извивались, сплетая лениво плывущие кольца и спирали, запах курений немного напоминал аромат грушевого дерева.

Время сочилось по капле – сначала не происходило ничего. Постепенно, прибывая по маленькой толике, всех охватывало общее чувство, беспричинное горе переливалось в звенящий натянутой струной восторг, оставляя где-то на самом доньшке мутный страх, листом на ветру трепетало ожидание, переходящее в нетерпение.

Толпа словно охмелела. Нора удивилась – она не ощущала ничего подобного. Тем временем на возвышение поднялись две женщины в лиловых одеждах. Одна из них, невысокая, гибкая, черноволосая, встала вполоборота, другая – рослая, с каштановой гривой – показалась смутно знакомой, но из задних рядов, куда бесцеремонно оттеснили Нору, лицо альвисианки маячило смутным белесым пятном.

Впрочем, женщины, такие разные, оказались схожи в одном – высокомерие скользило в каждом жесте, в газельем повороте стройных шей, смелом контуре точеных плеч. Толпа низко и монотонно («Так яркие, крупные шмели гудят в душистый полдень») тянула протяжный мотив. Нора с трудом стряхнула с себя магию ритма – ее тошнило от грушевого запаха – и огляделась.

Дайгал стоял в задних рядах, прислонившись к стене и скрестив руки, в позе явно угадывался некоторый скепсис по поводу развернувшегося действия. Петь, по-видимому, он не собирався, а вместо этого в задумчивости, но с явным интересом разглядывал разряженных красавиц на помосте, весь погруженный в свое занятие. Почему-то Алиеноре это не понравилось.

Жрец повелительно махнул рукой – и песня оборвалась. Толпа неподалеку от Нору беспокойно задвигалась, расступилась, вперед выбрались крепкие мужчины, вооруженные длинными ножами, они, окружив, вели около десятка перепуганных людей – контраст между теми и другими был разительным.

Нежные лица женщин, несмотря на страх, даже под слоем ритуального грима и в свете факелов, казались слишком свежими для обитателей подземелья. Участники ритуала взвыли – Нора поняла лишь часть слов. «Отступницы»? Норе стало плохо – это были подданные Гизельгера.

На веки и скулы пленниц заранее наложили зеленую краску – отблеск недоступного цветения, нежной, трепещущей на ветерке зелени, свежей листвы и сочной травы под ярким, утраченным солнцем. Женщина лет сорока на миг встретила взглядом с Норой: гордое, худощавое, обреченное лицо чем-то походило на профиль умного, печального лебедя. Три дамы в дорогих, но запачканных платьях испуганно жались к мужчинам-имперцам. Маленький добродушного вида толстяк совсем лишился самообладания и чуть не плакал. Другому, высокому, крепкому, с жестким лицом, отмеченным рассекающим лоб багровым шрамом, связали руки за спиной. Связанный озирался по сторонам в отчаянии и бессильной ярости. Хор грянул заунывно:

Звездный купол серебристый
У тебя в священной власти.
Мы к тебе взываем, Ина,
Удали от нас несчастье.
Ты сияющей звездой

От зари и до рассвета
Небо вечное, святое
Наполняешь странным светом.

Медленно, мелкими шагами, пленники приближались к возвышению – на ум почему-то пришли замороженные гадюкой цыплята. Теперь мелодию тянули только помощники жреца, пение в толпе приутихло. Имперцы подошли к самому возвышению, и жрец, протянув руку, втащил наверх первую из женщин, служители помогли взойти остальным. Пленницы беспомощно сбились в кучку, обратив к толпе подурневшие от страха лица.

Сладостный хмельной напиток.
Твои губы...

Никто уже и не вникал в смысл песнопений, взгляды были прикованы к возвышению.

Их сейчас зарежут... Это уже не вызывало сомнений. Нора почувствовала нестерпимый, острый страх, она развернулась – упругая масса одурманенных, слитно стоящих людей не выпускала ее, девушка толкнула ближнюю соседку, та нехотя отступила, мазнула по досадной помехе отсутствующим взглядом. Кто-то ущипнул Нору, острые ногти наотмашь царапнули по руке – это оказалась незнакомая косоглазая девчонка-подросток, из уголка ее розового ротика тянулась прозрачная ниточка слюны, волосы растрепались острыми прядями. Нора физически, как горячий, сухой ветер, ощутила закипающую ярость толпы. Впрочем, ей повезло – действие на возвышении достигло кульминации и отвлекло всеобщее внимание от нехоты приключившейся давки. Своды дрогнули от восторженного вздоха, лица светились счастьем, сборище захлестнуло безумие экстаза. Нора не выдержала – оглянулась – ее тут же скрутил приступ тошноты: тела, наверное, уже оттащили в сторону, жрец и девушки медленно сдвигали крышку того самого каменного саркофага с треугольником, камень сплошь покрывали темно-красные потеки и брызги. Нора уже не видела, что делается за ее спиной – лишь обращенные в ту сторону ликующие глаза: женские, детские, мужские, старые и молодые, карие и светлые, озаренные грубыми сполохами факельного огня и чудесной, трепетной, почти ласковой радостью.

Нежная, светлая радость – глаза в глаза... И смерть – за спиной.

Этот контраст оказался последней соломинкой – из тех, которые в поговорках ломают спину мула, Нора ослабела от страха: не хватало еще потерять сознание и мешком упасть под ноги сумасшедшим дикарям. Вокруг образовался незримый шатер звенящей, пульсирующей пустоты. Она тихонько повернула в сторону стены, оперлась о барельеф с огромной, печальной пучеглазой рыбиной и перевела дыхание, не оглядываясь назад. Рыбина, казалось, взирала с умным сочувствием. Нора осторожно, стараясь не привлекать лишнее внимание, выскользнула из зала.

У самого выхода девушку кто-то грубо толкнул, за спиной повторился восторженно-исступленный вопль. Наверняка ритуал предусматривал еще кое-какие специфические действия. Дочь Виттенштайнов юркнула в коридор со сталактитами. Факелы дотлевали, лишь в конце прохода беспокойно билось оранжевое пламя. Темнота мешала рассмотреть дорогу, зато страх гнал вперед. Тьма и страх немного поспорили между собой – и страх победил – как всегда. Девушка пустилась бегом.

Толпа опять восторженно завопила, но раскаты мягко приглушило расстояние.

Вот оно что! Там, в зале, обезумевшие от ненависти и мести, вечно голодные жители пещер рвут на части тела только что зарезанных пленных. Воины, побывавшие в стычках с альвисами, на истории, и даже песенки, не скупилась – теперь память охотно развернула подроб-

ности. Дочь Виттенштайнов затошнило, она размазала по лицу пыль, смешанную со слезами, оставляя на щеках мокрые грязные дорожки.

Понятно, зачем Дайгал не убил ее, зачем принес сюда – она будет следующей – так худую, недокормленную курицу оставляют на потом. Раз съели ее собаку, съедят и ее саму! Свяжут, измажут зеленой краской, приведут в отвратительный зал, и острый нож вонзится в тело... Тиви, который показывал ей пещеры, и пепельно-светлая, тоненькая Даура, с которой она играла, будут смотреть на это и петь, а потом...

Позади гулко отозвались торопливые шаги.

Это Дайгал. Пришла смерть. Жертв для ритуала не хватило. Сейчас он ее схватит и потащит обратно.

– И-и-и!

– погоди. Ты куда?!

Девушка с визгом рванулась в узкий и почти совершенно темный боковой проход, больно ударилась на бегу о выступ камня.

Бегство началось успешно – растерявшийся враг отстал. Слышно было, как он чертыхается на имперском языке, по-видимому, тоже основательно, влет приложившись о сталагмит. Нору осенило – воспользоваться преимуществом стоило. Она выбрала узкое место и свернула в сторону, проскочив между косо сходящимися пластами серого камня. Широкому в плечах преследователю пришлось сбавить прыть и осторожно протискиваться в узкую щель. Временная победа обернулась для Нору поражением – открывшееся за щелью пространство заполняла девственная, густая как смола, вроде бы даже какая-то вязкая чернота. Стены пещеры резко расходились в стороны и терялись в невидимом пространстве. Свет скупо падал в проход, тут же умирая робкими, желтыми отблесками. Темнота дышала – затаенно, недобро, в отдалении что-то негромко, но настойчиво шелестело. Крысы?

Нора отступила в сторону, прижавшись к обнаруженной на ощупь стене – сама мысль о юрких, жирных грызунах была отвратительной.

Дайгал уже не возился в проходе. Похоже, он отказался от ловли вслепую и по своему обыкновению отправился за факелом. Нора помедлила – пусть обманутый противник скроется за поворотом – и покинула убежище во тьме. После шуршащей крысами темени узкий, полутемный коридор показался роскошным сияющим чертогом. Она мягко ускорила шаг, стараясь не будить предательское эхо. Коридор изогнулся натянутым луком и внезапно оборвался. Дочь Виттенштайнов остановилась. Все.

Торопиться некуда – впереди гостеприимно зияла шахта подъемника. Бездонную черную дыру ограждал грубый, в рост человека барьер из кое-как отесанных камней.

Проход сквозь барьер, увы, запирали – всего лишь веревка держала неуклюжие ворота, но у Нору не было ни времени, чтобы развязать узлы, ни ножа, чтобы их перерезать. Погоня настигала ее – отдаленный голос обозленного Дайгала не предвещал ничего доброго.

– Стой! Куда побежала?!

Нору била крупная дрожь. Не отвечая и не заботясь о приличиях, она подоткнула край юбки и полезла прямо через барьер. Клетки на месте не оказалось – и не нужно. Сейчас она бросится вниз, и лучше уж разобьется о камень далеко внизу, на самом дне...

Дайгал выскочил из-за поворота неожиданно, когда ее руки уже цеплялись за верхний край каменной ограды.

– Стой!

Мигом сдернутая с барьера Нора свалилась прямо на преследователя, вскочила и разъяренной куницей бросилась на врага.

В этот раз она и не думала дотягиваться ногтями до глаз альвиса – вместо этого сжала кулак и изо всех сил ткнула его костяшками пальцев, попав прямо в солнечное сплетение. Результат оказался удивительным. Противник сложился почти пополам и умолк.

– Ах ты, мерзавка! – реакция последовала через приличествующее силе удара и остроте ситуации время.

Девушка как раз оседлала ограду.

Второй рывок за щиколотку лишил ее равновесия, и Нора вниз головой повисла над черной бездной шахты, удерживаемая только руками врага.

Дайгал безо всякой осторожности втянул ее обратно, неподъемные, не скрепленные ничем камни барьера пошатнулись, грузно обваливаясь.

– Куда полезла?! Назад!

Нора попыталась повторить удачный прием, но враг был начеку и легко увернулся.

Тогда она принялась молотить его руками, по голове, плечам, куда придется, выкрикивая все, что только могла припомнить оскорбительного: «приличные» ритуальные проклятия с мистическим оттенком, кинжальной выразительности слова, которыми пользовались хмельные солдаты в буре отца, обрывки не вполне ясных фраз на языке альвисов.

Лингвистический эксперимент возымел бурный, хоть и несколько парадоксальный успех – после очередного выкрика она получила ответный удар – раскрытой ладонью, но такой сильный, что голова резко, до боли в позвонках, запрокинулась назад.

Нора испугалась и затихла, сообразив, что стоит лишь чуть-чуть подтолкнуть Дайгала – и она будет избита по-настоящему.

– Ты зачем туда полезла?! Жить надоело?

– И-и-и...

Не обращая внимания на визг Норы, противник принялся грубо трясти ее, снова и снова повторяя вопрос.

– И-и-и-и... Не трогай меня... Я не хочу...

– Чего ты не хочешь?

– Я не хочу умирать... Тебе на самом деле заплатят за меня, сколько захочешь... Золотом! Только не отводи меня туда...

На этот раз замолчал Дайгал. Он как-то странно молчит, подумала Нора.

– Общаясь с тобой, я и сам поглупел. Так... Ты испугалась, что тебя зарежут?

– Да!..

– Надо было догадаться. А я-то думал, куда же девица Нора так резво бежит?

– Так ты меня не убьешь?

– У меня не было такого намерения.

– Значит, меня не съедят, как тех людей?

Нора, увидев, как изменилось лицо Дайгала, испугалась, что он снова ударит ее.

— Кто тебе это сказал?!

– Никто! Все! Так все говорят там, наверху... А ты меня обманул! Ты не вернешь меня домой, значит, меня убьют!

– Значит, там, наверху, ты слышала нечто и, припомнив, решила, что тебя зарежут во время ритуала и съедят?

– Да...

– А в подъемник зачем полезла?

– Чтобы сразу... умереть...

Дайгал отвернулся и с минуту молчал. Когда же заговорил, голос его был уже спокоен, зато лицо чуть менее непроницаемо, чем всегда.

– Послушай, девица Нора. У меня была причина для того, чтобы принести тебя в пещеры. Важная причина, не та, о которой ты подумала в первый день, и не та, которую ты измыслила сегодня. Я не собираюсь выслуживаться перед кем бы то ни было, доставляя жертвы. Ты мне нужна совсем для другого и узнаешь все, когда придет время. Я не причиню тебе вреда. Но ты можешь сама себе навредить, как уже пыталась это сделать. Ты не знаешь наших обычаев.

В следующий раз, когда тебя что-нибудь испугает, потрудись рассказать об этом мне, прежде чем ломать свои кости о камни.

– Этих людей не съедят?

– Нет. Тела сожгут, пепел похоронят. Считается, что души тех, кто помог явиться Пришедшему, переселяются в рай.

– Но их убили!

– Убили. Их кровь нужна, чтобы открыть Врата Пришедшим. Это жертва. Пришедший появляется внутри саркофага, потом выходит оттуда – и все. Толпа кричит в восторге. Н-да. Почему ты так испугалась – разве в Империи не казнят преступников?

– Они не преступники!

– Для тебя. Для меня те альвисы, которые сгорают живьем на кострах ваших «Божьих псов», тоже не преступники. Подумай об этом.

– Ты меня обманул!

– Я не хотел тебя пугать. Не надо было тебе ходить туда, я предупреждал...

– Я хотела знать правду.

– Ну, вот и узнала, ни к чему теперь жаловаться. Ты получила желаемое.

Ограждение почти совсем рухнуло. Всего в двух шагах зияло сквозное отверстие шахты. Из гостеприимной преисподней поддувал слабый сквозной ветерок.

Нора представила собственное – бесконечно медленное – падение в разинутый пастью черный провал и заплакала, прижимаясь лицом к куртке недавнего врага.

Глава 10. Враги, союзники и дипломаты

Уэсток, декабрь 6999 года от Сотворения Мира

Уэсток – небольшое королевство. Расположено оно необычайно удачно, на полуострове, с трех сторон окруженном Западным океаном. Узкий перешеек соединяет кусок суши с материком. Триста лет назад сюда пришли завоеватели – вожди отколовшейся от империи провинции привели с материка мятежную армию.

Терять мятежникам было нечего, и их солдаты, закованные в железо, легко смели храбрые, но разрозненные племена низкорослых варваров и установили единую власть – ту самую, против которой бунтовали в Империи.

В иных местах полуострова до сих пор мокнут под морозящим пологом туманов стоячие дольмены и менгиры, слышущие местами черного, безусловно запретного колдовства и белой, отчасти разрешенной магии. Камни – наследие побежденных, поработанных и в конце концов слившихся с пришельцами варваров. Говорят, иногда глубокой ночью меж крошащихся от собственной древности и загадочности менгиров призывно пляшут юркие синие огоньки или беззвучно плывут странные, зыбкие тени – но редки желающие приходить туда по ночам и на собственном опыте проверять, насколько лгут эти рассказы.

Давно залита кровью мятежная провинция, пожар неповиновения на материке выдохся до следующего раза, а на полуострове примостились крепкое государство – полусоюзник-полувраг Церена.

Язык уэстеров похож на имперский, но кажется смешным и искаженным подданным Гизельгера. Храмы же и дома на полуострове возводят по-своему – у храмов вытянутые нефы, замки, напротив, ставят в виде округлых башен. Простые, высокие и объемные постройки украшены по фасаду каменной резьбой. В остальном Империя и Уэсток схожи – как раз до такой степени, при которой вид преуспевающего соседа начинает вызывать некоторое подспудное раздражение...

В год семитысячный от Сотворения Мира в Уэстоке царствовал король Эдвард III Безумный. Царствовал, но не правил, прозвище более чем соответствовало действительному положению вещей – полонум короля было самой высокой пробы и не подлежало ни малейшему сомнению. Сумасшедший государь оставался бездетен, и вся власть в Уэстоке фактически принадлежала официальному наследнику трона – принцу Хьюго, брату короля.

Билвиц вздохнул и отложил перо, передвинул бумаги на столе орехового дерева. Не позвать ли Макса с докладом? Нет, пожалуй, не стоит его чрезмерно торопить.

В Карлионе, столице Уэстока, посольство Церена обитало уже более двух месяцев. Гостей встретили радушно; официальный повод – отправка в Церен уэстотских наемников – вызвал вежливое понимание (о, да, конечно!) и сдержанный скепсис. Непроницаемый, сам как менгир, Билвиц лишь слегка опускал воспаленные ночной работой веки.

Миссия увязла – сидение в Карлионе безнадежно затягивалось, превращаясь в томительное ожидание случая, который бы одним махом изменил все.

Прошла торжественная встреча, миновали пиры и турниры, устроенные знатью уэстеров в честь гостей. У церенцев из посольства нашлись родственники – знать Империи давно породнилась с домами полуострова. Гостей принимали дружелюбно, церемонии проводили пышно. Уэсток, существенно уступая Империи в землях, был тем не менее с точки зрения Билвица великолепной страной. Великолепной и очень опасной. Компактная территория, сильные замки, отличные, хоть и меньшие по численности, чем у Империи, войска, недавно обновленный военный флот.

Советник всем сердцем ненавидел охоту, предпочитая утонченные интриги дипломатической игры азарту бесполезного гона, однако принял участие в нескольких увеселениях,

заодно рассматривая окрестности столицы. Стены Карлиона, очень высокие, имели внушительную толщину со всех сторон и содержались в образцовом порядке.

Сонно-равнодушный на вид дипломат, трясаясь в седле, про себя прикидывал возможность штурма. Результат получался неутешительным. Таковой штурм обернулся бы немалыми трудностями и потерями, и это на чужой территории, вдали от запасов Империи, отделенной от полуострова узким, как жердочка, хорошо укрепленным перешейком... Сидел на этой «жердочке» и свой «скворушка» – перешеек запирали две новенькие крепости.

Билвиц не стремился к войне с Уэстоком.

Милость императора, невероятное упорство и редкие, скупые улыбки целомудренной фортуны вознесли младшего сына мелкого барона до второго (после императора) человека в иерархии канцелярии короны. Безграничная преданность Гизельгеру и интересы Империи сделали для Билвица смыслом жизни. Сейчас Церен нуждался в помощи – но не на любых условиях.

Фробург ждал своего часа – Билвиц придерживал в уме тайное поручение императора. Ступор официальной миссии начинал тревожить. Дни шли за днями, увеселения сменялись праздниками, неизменно любезный принц Хьюго не отвечал ничем, кроме устных заверений. Билвицу не нравился этот худощавый маленький человек с близко посаженными горящими глазами, однако выбирать не приходилось. Рассмотрению предложения имперцев был дан ход, объявлено об очередном созыве штатов, а пока приходилось ждать.

Билвиц вытянул руки, грея широкие, плоские ладони у камина. Зимы Уэстока суровее имперских. С моря, от холодного течения, омывающего северную оконечность полуострова, дул пронизывающий ветер, сердито гудел во всех многочисленных щелях посольского дворца. В неплотные стыки окон задувало мелкий снежок. У дверей деликатно постучали, секретарь – долговязый молодой человек в черном – почтительно протянул Билвицу записку.

– Личное послание императора.

Билвиц придвинул листок почти вплотную к близоруким глазам, быстро, цепко просмотрел...

Итак, рассказ бургомистра Файля подтвердился – замечательно, это первое. Военная операция Церена против Hortus Alvis – решенное дело. Это второе. Ситуация упростилась, более нет необходимости «добиваться помощи» уэстеров, лучше некуда. Осталось только последнее – тайное поручение императора.

– Что сообщают наши «глаза и уши», Макс?

– Одно пронырливое «око» дожидается в приемной, господин. Возжаждал лично переговорить с вами.

Билвиц опустил тяжелые веки, скрывая острую досаду. Беспокойному «оку» следовало выждать несколько дней и словно бы случайно в толпе, в суете людной улицы столицы, отдать письменный донос кому-то из людей Макса. То, что сотворил шпион, было по меньшей мере неосторожностью, плавно переходящей в непростительную глупость.

Видимо, произошло нечто, заставившее доносчика отчаянно спешить.

– Пусть войдет.

Билвиц почему-то ожидал, что вошедший будет маленьким, юрким, серым типом, как нельзя более пригодным к шпионскому ремеслу, но тот оказался жизнелюбивым, розовощеким крепышом. Толстячок, впрочем, совершенно растерялся.

– Ну и...?

– Простите за дерзость, господин советник, – новости чрезвычайной важности.

– Надеюсь, что важные – ради вас. Иначе мне придется отказаться от услуг глупца. Постарайтесь быть кратким.

Толстяк решил заменить краткость скоростью и затараторил по-сорочьи:

– За мной долгие годы верной службы государю Церена, господин советник. Здесь я – просто булочник, господин советник. Вчера относил товар в резиденцию принца Хьюго – самый отборный товар, по заказу...

– Лишние подробности следует пропускать.

– Простите, господин советник. Навстречу мне, прямо из дворца, выбрались двое в плащах, лица под капюшонами – это днем-то, до чего дошел упадок нравов!

– Ближе к делу, любезный.

– Я порой, знаете ли, бываю так неловок... Один из незнакомцев столкнулся со мной, ручка корзины невзначай попала ему прямо в любимое... ребро.

Билвиц опустил рыжеватые ресницы и в мыслях хрюкнул от смеха. Шпион поднял на советника эмалевой голубизны глазки.

— Булки, отличные булки, на целых двадцать – горе мне! – медных марок, рассыпались. Они были такие свежие – господин в бархатном плаще поскользнулся на булке... вы не поверите, господин советник, он почему-то упал...

Смущенный толстячок весь, как солнечный зайчик, светился вдохновением.

– Благородные сэры, которыми оказались эти двое, были не очень довольны. Они поколотили меня, а потом ушли. Один из них, разумеется, совершенно случайно, обронил... вот...

Шпион пошарил в поясной сумке. В широких, плоских ладонях Билвица очутился кинжал, навершие в виде головы хищной кошки блеснуло рубиновыми глазами.

История самого удачливого лазутчика Империи походила на низкопробный балаганный фарс с палочными ударами и падениями. Ошарашенный нелепостью истории советник в душе зарекся впредь пренебрегать услугами дураков.

– Хорошо. Но почему вы решили, любезный, что это настолько важно?

– Эти люди, мой господин, они *так* бранились на языке *Великого Церена*...

Через полчаса, награжденный в соответствии с размерами оказанной услуги, шпион низко отклонялся и ушел. Голуби доверчиво возились в клетке, чистили упругое сливочно-белое перо – следовало немедленно известить Гизельгера. Впрочем, то, что узнал Билвиц, не показалось чем-то из ряда вон выходящим: связи заговорщиков Империи с уэстерами давно уже «стали традицией». Никто: ни старый дипломат, ни маленький булочник, ни далекий Гизельгер, ни даже сам принц Хьюго, от «широкой души» приютивший врагов церенского императора, – никто не мог предполагать, что день и час вылета крылатого вестника определит судьбу Империи и Уэстока не сейчас – через десять лет.

Почему-то считается: люди, штурмующие крутые ступени служебной лестницы канцелярии короны, от рождения обладают особыми достоинствами. Точнее, одним, но неизменным – предусмотрительностью. По сути, это способность не просто совершать *правильные* поступки (таким качеством в той или иной мере обладают все разумные персоны), но и редкостной способностью не совершать поступков *неправильных*.

Беда алчущих идеала в том, что тысячи мелких событий – этот летучий песок времени и мусор случая – неуловимо струятся у них меж пальцами, и не дано человеку предугадать ни час собственной смерти, ни отдаленное, неверное эхо шага своего. Где промысел Божий, где шалость случая? Гибель может обернуться спасением.

Советник хорошо понимал нрав старого друга и повелителя – и видел последствия. Император будет в гневе. Император откажется от помощи Уэстока, будь она все-таки оказана. Усталый император вспылчив особо – возможно, он разорвет старый союз.

Те люди могли явиться во дворец Хьюго с каким-нибудь безобидным прошением. Кинжал мог попасть к ним случайно, например, через третьи руки. Наконец, если это и вправду были Отрицающие, то Хьюго мог ведь и отказать им... Билвиц задумался. Нужно нейтрально сообщить императору о появлении Отрицателей в Уэстоке. А вот свои комментарии и вывод –

их ему, Билвицу, стоит пока придержать. Приготовить письмо императору и ждать – до тех пор, пока не будет уверен сам. Это решение – ждать – и определило странную судьбу Церена.

Прошло пять дней. Булочник больше не появлялся – исчез он внезапно и бесследно, подспудная тревога советника возрастала, становилась нестерпимой.

Еще через день посольству Империи вежливо, но настойчиво предложили перебраться из дворца в центре столицы в укрепленный замок уэстеровских королей. В этом присутствовал известный резон – с наступлением сильных холодов на улицах все чаще поднимали коченеющих нищих, горожане среднего достатка обеднели – в воздухе столицы всюду витали подозрительные ароматы беспорядков.

Путь до новой резиденции имперское посольство поспешно проделало верхами, рыжеусый сержант-привратник весело отсалютовал советнику – и тщательно затворил дубовые, внахлест окованные железом ворота.

Минуло еще три дня. Теснота посольских апартаментов представляла разительный контраст покинутому на произвол черни дворцу. Жилые постройки, пригодные более для солдат, чем для дипломатов, теснились невысокой хмурой грудой в окружении высоченных стен. Гостям радушно отвели второй этаж. Дрова выдавали скупое, посольство откровенно мерзло, уныло коротая зиму. Билвиц колебался – если выпустить голубя прямо здесь, удастся ли летуну избежать метких стрел?

В насквозь простуженном замке, не делясь ни с кем мучительными опасениями, день за днем ждал исхода самого важного и опасного в своей жизни поручения старый советник...

И дождался – рано или поздно все кончается.

Глава 11. В различии – сходство

Империя, Пещеры, декабрь 6999 года от Сотворения Мира

Дайгал забыл, когда впервые осознал сжатую со всех сторон камнем гулкую пустоту пещер. Мальчишкой он облазил все закоулки своего мира, но никогда не забывал: там, наверху, есть мир другой, где светло, ослепительно яркий огонь горит не в очаге, а под очень высоким сводом, который называется «небо», много пищи, а вода течет не струей маленького водопада, а медленным, свободным и широким потоком. Главное – там не было стен.

Стены, столь желанная защита для многих альвисов, раздражали Дайгала. Казалось, серая масса известняка над головой нестерпимо давит. Он стал подниматься из пещер наверх, как только научился держать оружие.

Наверху шла война. Крепкого мальчишку, сына искалеченного в бою отца, охотно брали в набеги – сначала он помогал нести захваченную добычу и заряжал арбалеты, потом получил в руки меч, снятый с убитого солдата. Убивали часто. Обычно небольшой отряд, всего десять-пятнадцать человек, выбирался на поверхность под покровом ночной темноты. Шли мусорными оврагами, кустарником, прятались в глухих лесах. Били с налету одиноких или слабых, отдавая предпочтение груженным зерном обозам с малой охраной. Доставали из засады арбалетными болтами, целясь в сердце или шею. Раненых добивали клинками. Иногда брали с боем небольшие, без крепкого частокола деревни – подальше от замков и солдатских гарнизонов. Жители уцелевших домов чаще всего отсиживались за наглухо запертыми дверями, даже не пытаясь помочь соседям. Альвисы никогда не бросали своих в опасности – лучше добить раненого, чем покинуть его. Дайгал научился презирать имперских отступников.

Он уходил из пещер и возвращался, потеряв счет вылазкам. Иногда отряд натывался на сопротивление, порой его товарищи умирали в бою. Дайгал научился мстить.

Чаще удавалось быстро сделать дело и ловко ускользнуть от возможной погони. Так продолжалось долго, очень долго, но однажды прежняя лихая и беззаботная жизнь, вкус к которой лишь усиливала доля неизбежного риска, все-таки кончилась.

В тот злосчастный день десяток вломился в придорожный дом. Деревенский парень, ровесник Дайгала, схватился за топор и был убит прямо на пороге. Его родичи в ужасе забились по углам, не мешая грабителям вытаскивать из кладовой мешки с мукой и резать кур во дворе. Десятник за руку выдернул из-за спин визжащих пожилых женщин девочку-подростка лет тринадцати, толкнул ее в опустевшую кладовую и скрылся за дверью. Едва удовлетворенный десятник выбрался из кладовой, туда потянулись остальные. Когда подошла очередь Дайгала, он отказался – стало противно. Тогда Айриш, старше Дайгала всего на два года, но уже прославившийся хладнокровной жестокостью, перерезал стонущей девчонке горло. Взрослые воины, обнажив мечи, двинулись к кучке плачущих старух, собираясь завершить развлечение кровавой расправой над бесполезными пленницами. Эта задержка и погубила отряд.

Имперцы ударили внезапно. Не трусливое мужичье, бегущее опростетью при одном крике «Альвисы идут!» – подоспела полусотня опытных наемников-ветеранов, в прочной броне, с двуручными мечами на плече. Двуручники немедленно сняли с плеча и обратили куда надо. Арбалетных стрел грабителям хватило ненадолго. Двери и окна вышибали без лишних проволок – дом второй раз за один день взяли штурмом.

Тогда пятнадцатилетний Дайгал думал, что наступил предел несчастья, теперь же, двенадцать лет спустя, он считал, что ему неслыханно повезло. Во-первых, неопытного мальчишку не убили в стычке – черенские солдаты в первую очередь занялись более сильными и рослыми противниками. Во-вторых, в обозе ехал отец-инквизитор, который приказал захватить преступников живыми, для допроса, разумеется. Солдаты, посерев лицами от зрелища в доме,

скрепя сердце взяли троих пленных, но меньше всех избивали подростка – до потери сознания, а не до серьезных увечий.

Связанный по рукам и ногам, брошенный, как куль, в телегу, Дайгал за имперский счет доехал до столицы Церена – города Эберталь. Тут везение вроде бы кончилось – оставшимися в живых после драки и побоев альвисами всерьез занялись «псы Господа». На память о давних событиях у Дайгала навсегда осталось полдюжину шрамов. К несчастью, он не знал того, о чем спрашивал инквизитор, иначе бы, измученный страхом и болью, немедленно сознался. Слушая, как воеет под каленым железом потерявший человеческий облик десятник, Дайгал молился. Молился не небесной деве Ине, далекой и непонятной, не Пришедшим, вполне земным в своей жестокости, но равно непонятным. Он молился высшему Нечто, тому, что способно читать в сердце человека.

Озарение пришло внезапно. Дайгал начал просить у мучителей священника, «их священника». Ему отказывали, над ним насмехались – он упорствовал. Отцы инквизиторы не понимали, зачем священник этому альвису – даже обращение не могло спасти его от мучительной казни, все, в том числе он сам, знали об этом.

Дайгал ждал священника долго, ждал, уже потеряв надежду на удачу. На самом деле подходящего человека просто не могли найти – все пастыри Эберталя отказывались иметь дело с «проклятой нечистью». Наконец, Дайгалу привели священника из маленького храма на окраине, исповедник попросту не посмел спорить с посланцами священной инквизиции. О чем говорили на ломаном церенском пожилой и незнатный отец Гилберт и замученный до полусмерти альвисаанский мальчишка, никто так и не узнал. Как ни странно, Дайгал плохо помнил собственные слова, в памяти осталось лишь чувство внезапно пришедшего покоя.

А через неделю, после посланной судьбою передышки, Дайгал бежал – бежал от зазевавшейся стражи прямо на улице, по которой его вели от одной миссии инквизиции до другой. Впрочем, что за важность? Альвис не барон-дьяволопоклонник, он настолько чужд Империи, что все равно обречен, тем более в тщательно охраняемых стенах Эберталя.

Глубокой ночью безвестный мальчишка-оборванец поднялся по выщербленным ступеням маленького храма в предместье. На тихий стук вышел священник, молча отстранился, впуская пришельца, и так же молча запер ветхую дверь. Так Дайгалу повезло еще раз. Он жил у отца Гилберта полгода, выучил имперский язык, научился читать. Он был способным – ученик старого священника.

Уходя из Эберталя, Дайгал дал клятву, не высшим силам – себе. Он никогда не произнесет: «отступник», он не притронется ни к одной имперской женщине. Если удастся спастись, он сделает... Тогда он не мог сказать наверняка что, но твердо знал, это не будет ни мстью Церену, ни капитуляцией. С тех пор прошло двенадцать лет.

...Дайгал спешил, пройдет совсем немного времени, и стража подъемников запрет ворота.

– Здравствуй, Шани, – кивнул он знакомому стражу.

– Куда это ты так торопишься?

– Хочу прогуляться под звездами...

– Знаем мы твои прогулки, – Шани грязно хихикнул.

Дайгал с невозмутимым видом ловко перемахнул через борт подъемной клетки и углубился в лабиринт переходов. Главные ворота хорошо охранялись, зато редко открывались. Ничего – найдутся и пути иные. Он добрался до знакомого тупика, вверх вела узкая отвесная шахта. Дайгал подпрыгнул, ухватился за первую из железных скоб, намертво вбитых в камень, подтянулся, через миг очутился внутри черной вертикали каменного лаза, еще через минуту – на поверхности.

Ночь оказалась холодной и действительно звездной. Он далеко обошел берег озера и нырнул в заросли кустарника. Листья шиповника пожухли и облетели, однако частая сетка ветвей неплохо прятала людей, собравшихся в овраге меж холмами.

– Четвертый... Пятый... Все в сборе. Что нового скажешь, Дайгал?

Он взгляделся во внимательные, настороженные лица товарищей. Дэлаш – старый, надежный друг. Инти – мечтательный и бесстрашный. Джерет – медлительный тугодум, в котором подспудно тлеет огонек сомнения. Иолик – холодный, расчетливый боец.

– Ну и?

– Пока все идет так, как мы задумали. У меня есть повод для того, чтобы появиться наверху. Есть человек, который мне пригодится там.

Джерет нахмурился.

– А эта, твоя девица, не выдаст?

– Нет.

– Ты, должно быть, соображаешь, насколько рискуешь.

– Риск есть, но мы должны попробовать, Дэлаш. Если будем сидеть в норе и ждать, тождемся только одного – собственной смерти. Убежище не может вечно оставаться тайной для Империи. Мы осторожны, но рано или поздно кто-то ошибется. Или попадется – сломают пытками. Ты сам знаешь, несколько малых убежищ так и раскрыли. И что стало с их обитателями, тоже знаешь.

Инти пожевал кончик сухой травинки.

– Наш план единственно верный?

– Да. Мы не можем оставаться здесь вечно и не можем бежать – пусть так. Но мы можем сравняться с имперцами, объединившись с ними. Ты видел тела их убитых? Они ничем не отличаются от нас. Мы не хуже их. Если ты изучишь обычаи и язык Церена, избавишься от вещей, сделанных здесь, никто не признает в тебе альвиса. Я уверен, я сам жил среди них. Не каждый житель Империи – кровожадный пес, поверь, они разные, такие же, как и мы.

Иолик ритуально постучал пальцем по промерзшей земле.

– Мы верим тебе... Дайгал, ты понимаешь, что все, сказанное здесь, – ересь? Ты ведь знаешь, что станет с тобою, если Пришедшие узнают об этом.

– Они не должны ничего узнать. Разве среди нас есть предатель?

– Нет, здесь все свои. Но мне не дает покоя другая мысль – пусть мы пятеро уйдем, растворимся среди отступников, что станет с остальными? У каждого из нас есть родные, друзья... Я не могу бросить своих.

– Их не придется бросать. Мы будем первыми и примем на себя риск, но за нами уйдут наверх другие. Не все сразу, на это понадобятся годы.

– Иолик говорит дело – как быть с Пришедшими и их колдовством? Ты видел, как действует талисман? Это смерть. Пока что умирали верхние. Кто помешает обратить порчу против нас?

Дайгал помедлил. Он участвовал в одном из тех, последних, походов, когда Пришедшие пустили в ход талисман. Колдовство вершилось в стороне от солдат, Дайгал совершенно не представлял, как это делается. Но помнил свое отвращение, неподвижные тела людей на улицах разграбленного городка, странный привкус горькой пыли, невероятной в абсолютно прозрачном воздухе.

– Сколько живет Пришедший, Дэлаш? Ты сам знаешь, они приходят, не умея поначалу даже говорить, с пустой душой и памятью, а живут всего пять-семь лет. Кто-то из них умирает своей смертью, иные же – от рук себе подобных. Они нелюди, парни. Для того чтобы Пришедшие перестали нам мешать, достаточно прекратить жертвоприношения. Их вызывает из небытия кровь. Не будет крови на камне саркофага, и они просто не придут.

Джерет повел массивным плечом и вздохнул.

– Что ж, я тебя понял. Нужно просто не давать жрецу пленных. Лучше, конечно, их вообще не брать, я знаю, что ты не придерживаешься этого обычая. Да и вообще не жалеешь традиций. У тебя сильная воля, Дайгал.

– Я поступаю так, как лучше для нашего дела. Ты видел сам, что там творится. Кто-то поет, упившись заранее и уже ничего не понимая, а помощники жреца режут связанных имперцев, как свиней. Не вижу, о чем тут жалеть, это не месть – бессмыслица.

– По-моему, все ясно. Расходимся. Хватит болтовни, пора действовать...

Пятеро поднялись, отряхивая с колен сухие листья шиповника. Ветер свистел в холмах.

Каждый вернулся в пещеры своим путем. Дайгал воспользовался все теми же железными скобами.

Алиенора немного успокоилась, страх отступил, но все имеет оборотную сторону – она отчаянно заскучала. Альвисы работали в оружейных мастерских, куда она однажды заглянула из любопытства, но была немедленно изгнана. На нижних уровнях пещер тоже кипела работа, может быть, добывали железо и золото в подземных шахтах. Соображениями насчет золота она поделилась с Дайгалом и была немало обескуражена, увидев, что он напоевал сражен – увы, лишь смехом.

Отсмеявшись, альвис объяснил ей, что золото и железо где попало, тем более под самым порогом, не водятся. Да и природа камня, из которого сложены стены здешних пещер, рождению таких металлов не способствует. Нора была смущена своим невежеством, но постаралась не показывать этого, и перешла в атаку, упомянув о пресловутых крысиных хвостах в котелке Такхая. На что ей было отвечено, что хвосты, разумеется, отрубает еще до котла, а если ей столь не нравится мясо грызунов, то не означает ли это, что девица Нора в родном замке отвергала жареных кроликов?

Из попыток поддеть Дайгала и хоть этим утешиться не получалось ничего, кроме сплошного разочарования, – негодяй ловко отвечал насмешкой на насмешку. Нора интуитивно понимала, что ирония альвиса внешняя и в иных обстоятельствах и в другом месте он способен на немалую жестокость.

Нежданно-негаданно ей представилась возможность не просто заняться чем-нибудь, а выйти на поверхность. Быть может, от пребывания в столь низменной компании разум дочери Виттенштайнов приобрел соответствующую направленность, но Алиенору не раз посещала мысль: куда же альвисы девают множество ценных, но ненужных им вещей, захваченных грабежом? Возможно, на эти любопытные размышления ее навело то самое изъятие у нее самой булавок, колец и браслета, которое она так и не могла простить Дайгалу. Ответ пришел сам.

– Хочешь прогуляться наружу, девица Нора? Бери мешок, пойдешь вместе со мною и с Тиви.

Алиенора тихо возликовала, Но попыталась казаться равнодушной. Вот он – подходящий момент для побега! Вылазку наметили на раннее утро, это позволяло в темноте покинуть пещеры, обернуться с делами и найти вход засветло. Альвисы подолгу жили в полутьме, но обладателями кошачьего зрения все равно не стали. Дайгал явился при мече, с арбалетом и кинжалом, в котором Нора узнала свой собственный клинок, в кольчуге, хитрым образом сделанной из плотных кожаных полос и стальных колец. Сверху все это снаряжение он прикрыл имперским плащом невинного вида – наподобие монашеского. Дайгал не повел дочь Виттенштайнов к своему секретному лазу. Компания открыто воспользовалась небольшими восточными воротами, оттуда открывался узкий лаз, надежно укрытый в зарослях колючего даже зимой шиповника.

Первый раз более чем за три месяца Нора увидела настоящий свет – не багровый свет чадающих факелов, не тусклый свет масляной лампы, не острые стрелы дневного света, проникающие через отверстия в своде – нет. Это был яркий и чистый свет солнечного январского дня. Ветер мел по земле мелкую снежную пыль, холодя ноги.

Троица уходила оврагами, забирая все дальше к юго-востоку. На косогоре, вдалеке, среди промерзших полей, перемежающихся чахлыми перелесками, показалось небольшое селение. Тишина стояла удивительная – а ведь собаки не лают, поняла Нора. Несколько домов маячило на отшибе. Беззаботный Тиви, тащивший такой же, как у Норы, пустой мешок, притих.

– Слышишь что-нибудь?

– Все тихо.

Дайгал что-то коротко бросил брату, потом перевел для Норы на церенский:

– Пока останетесь здесь, я схожу посмотреть.

Он неспешно направился к ветхому дому, одиноко притулившемуся у самых холмов.

Нора прикинула – удариться в бега прямо сейчас или немного переждать. Момент был самый подходящий – Тиви не сможет ее остановить, поднимать шум криком побоится, а Дайгал уже скрылся за дверью лачуги. Хотя, возможно, он просто решил проверить ее и сейчас наблюдает за сценой из укромного уголка. Нора больше не опасалась, что ее убьют, но вот поколотить разозлившийся Дайгал вполне-таки мог.

Промедление порой – удачный шаг, альвис, взглянув из двери хижины, махнул рукой: можно заходить, все спокойно. Внутреннее помещение оказалось грязным и запущенным. Хозяин, человек средних лет, был тих, незаметен и лыс. Нора сурово сдвинула брови – увы, это был неверный подданный Церена.

Предприимчивый мозгляк как раз заканчивал прятать что-то в поясной кошель, потом принялся сосредоточенно собирать припасы: овощи и тушки битой птицы. Наполненный увесистый мешок Дайгал церемонно вручил возмущенной дочери Виттенштайнов.

– Это понесешь ты. Тиви один не справится. А мне нужны свободные руки – на случай, если придется использовать арбалет. А теперь выйди и подожди за дверью, мы тут поговорим.

Красная от негодования Алиенора не решилась возражать и выволокла тяжелый мешок за порог. Шли минуты – Дайгал не появлялся. Тиви шмыгнул в кусты, что-то там высматривая, – до Норы доносился треск веток и шелест сухой травы. Сейчас или никогда. Она решилась – развернувшись, со всех ног бросилась в сторону деревни.

Нора летела что было сил, дома становились все ближе, однако изрядно мешала припорошенная снегом неровная земля – перекопанные поля окружали деревню. Впереди замаячили человеческие фигурки, девушка рванулась прямо к ним. Расширенными от удивления глазами смотрели на незнакомку три женщины в крестьянской одежде – худые, оборванные, они выглядели не лучше женщин-альвисов, да что там – хуже, пещерные жители были бледны, потому что не видели солнца, кожа этих женщин потемнела, иссушенная ветром и холодом, а лица несли печать преждевременного увядания.

Алиенора остановилась, подбирая слова – как лучше обратиться с просьбой о помощи к простолюдинкам? Сказать она не успела ничего.

– А-а-а! Это пещерная тварь!

Одна из крестьянок пронзительно завизжала, указывая на альвисианское платье Алиеноры. Другая, более смелая, нацелилась вцепиться в волосы девушки, третья угрожающе подняла лопату, которой до того безуспешно пыталась ковырять мерзлую землю.

Все свершилось мгновенно. Нора опять бежала со всех ног, но уже в прямо противоположную сторону. За нею неслись три разъяренные фурии в развевающихся платках, две из них придерживали на бегу подолы, третья, самая проворная, размахивала над головой лопатой. Девушка вломила в заросли шиповника, и только тогда острые шипы на голых ветвях заставили противниц отступить.

– Ведьма! Только попробуй еще раз сунуться к нашим полям! Мы вырвем твои бесстыжие глаза, насылающие порчу!

Нора поразилась исступленной ненависти, переполнявшей этих женщин.

У дома ее ждал нахально улыбающийся Дайгал.

– Хорошо прогулялась, девица Нора? Сегодня отличая погода.

Свое мнение о погоде и о Дайгале баронесса фон Виттенштайн, утыканная колючками, в одежде, усеянной сухими головками репейника, постаралась оставить при себе.

Глава 12. Одного письма бывает недостаточно

Империя, Уэсток, январь 7000 года от Сотворения Мира

Зима последнего года седьмого тысячелетия от Сотворения Мира пришла в Империю поздно и оказалась на редкость несчастливой. Снег скудным, робким слоем выпал на поля, нагая земля промерзла до стеклянного звона. Реки севера одел ломкий лед, прохожий на улицах самого Эберталя, случалось, ночью замерзал, особо – если был пьян или ранен грабителем.

Вступило в права 1 января 7000 года, и загремели зимние карнавалы – люд столичных предместий отметил роковую дату грандиозными кутежами. Студенты Эбертальского университета вкупе со вновь прибывшими вагантами (сначала подрались, потом побратались), надев размалеванные личины, дружно пугали прохожих. Пожилые добропорядочные вдовы, случалось, едва не кончались на месте. Более стойкие или склонные к мистическому созерцанию судачили о близком конце света. Круглый счет лет вкупе со священной семеркой располагал. Веяло жутью и сумрачной надеждой. Сквалыги дрожали. Праведные молились. Неисправимые грешники и моты по натуре продавали имущество (все равно пропадет!) и предавались утонченному, дорогостоящему разврату.

В довершение несчастий объявился мор – люди кашляли, задыхались, не могли глотать даже теплую воду и в недельный срок отходили лихорадкой. Дети сгорали быстрее.

Обычно поветрия поражали Церен летом, поэтому лекари разводили руками – никто не знал толком, что делать. Бродячие проповедники, ежась на сквозном ветру и взывая к щедрости растерянных церенцев, склоняли сердца к усердной молитве, посту и покаянию. Некоторые врачи, в том числе знаменитый доктор обеих медицинских² Парадамус Нострацельс, соглашались – больные с распухшим горлом есть все едино не могли, зато пламенная вера, случалось, поднимала со смертного одра самых безнадежных.

Кое-кто, уже не чая при святых спасения, пристрастился к занятиям иным. Никогда еще не были так переполнены кабаки, прибыльно занятие своден, смелы и изворотливы воры. То ли от молитв, то ли от прочих коллизий, но эпидемия как будто бы стала немного утихать. Однако стражи спокойствия и в столице, и в других городах, что поменьше, еще долго сбивались с ног, хватая вконец обнаглевших урок, а добродетельные горожане судачили под шумок, что стража сама причастна к грабежам. К иным же, отдаленным от столицы, городкам с опаской приближался и купец, и земледелец. «Безграмотный» (тот, у кого не оказалось охранный грамоты) рисковал быть схваченным и обобранным дочиста, обиженные убытками сеньоры и их отошавшие слуги открыто творили разбои.

Сказывались и прежние святые войны за южным морем. По дорогам Церена шастало множество сумрачного вида людей – по их собственным словам, рыцарей. Эти удалыцы крепко и с правильного конца держались за меч, зато не имели ни бурга, ни вассалов, ни пяди собственной земли. Отчаявшись отыскать покровителя, несчастные порой сбивались в настоящие шайки, и властям приходилось вербовать наемников из оседлых подданных Империи, чтобы отбить нападения наемников странствующих.

Как только кое-как вразумленными грабителями до отказа набили имперские тюрьмы, поползли зловещие слухи – пропадают младенцы. В передаваемых шепотом историях вельможи-дьяволопоклонники готовили из невинной крови молодящие напитки и укрепляющие мужскую силу зелья. Разъяренные матери открыто поносили попустителей. Предместье Эберталя бурлило котлом. Кое-где впрямь поймали и насмерть забили каких-то колдунов (очень старых и для женского пола совсем не привлекательных).

² То есть и терапевт, и хирург в одном лице – редкое сочетание.

«Псы Господа» сбивались с ног, хватая и тех, кто шептался, и тех, на кого указывала молва. Страшной приметой считали в народе появившиеся неизвестно откуда стаи белых волков.

На фоне всех этих бед как-то потускнело и забылось то, что так занимало умы людей еще совсем недавно – альвисы. Память о четырех загубленных городах осталась, но новых бед с этой стороны пока не приходило, о них и думать перестали. А зря. Беда явилась-таки. Император Гизельгер объявил о начале войны против Hortus Alvis.

Такая кампания – не то, что святой поход – она не сулила ни новых стран, ни тучной прибыли, ни яркой славы, разве что на дорогах потише станет. Однако военные налоги взимались железной рукой. Собиралось баронское ополчение, каждого рыцаря при собственном знамени обязали явиться с отрядом вооруженных вассалов. А серебро на военные расходы, простите? С этим, как всегда, оставалось туго, и весьма. Допоздна горел свет в окнах канцелярии короны. Крестьяне роптали. Ремесленники разорялись. Над Цереном нависло тревожное ожидание.

Случилось худшее из того, что мог предвидеть советник Билвиц, ожидая ответа принца Хьюго в насквозь продуваемом холодным ветром замке королей Уэстока. Тревогу поднял бдительный, как всегда, помощник – Макс Россенхель. Он первым увидел, как распахнулись ворота – под охраной солдат и сержанта въехала скрипучая телега с клеткой, сбитой из жердей. В покрытом синяками заключенном с большим трудом можно было узнать толстяка-булочника. Церенского шпиона грубо сдернули с телеги и открыто поволокли куда-то, наискосок через двор.

Советник ощутил усталую обреченность.

– Макс, голубей. Все, что есть по делу Отрицающих. И сообщим государю о том, что мы под стражей.

– Под стражей?!

– Не беспокойся, именно там мы вот-вот и окажемся. – «В лучшем случае», – подумал Билвиц.

– Выпустить голубя, господин?

– Нет, всех. Пять птиц – пять копий. Давай. Перепуганный Россенхель еще раз выглянул в окно.

– Похоже, у нас нет времени на письма, господин советник...

– Я приготовил их заранее, друг мой. Вот, возьми. Билвиц относительно спокойно понаблюдал, как двор заполняется солдатами, потом не торопясь прицепил меч к поясу и шагнул к выходу. Когда-то, в молодости, студент-юрист слыл отчаянным драчуном. Билвиц недобро усмехнулся. Мало вероятно, чтобы люди принца Хьюго подняли руку на посольство. Подобное не забывают и не прощают ни сторона, ставшая жертвой злодеяния, ни правители иных стран, признающих Святую веру. Особа посла неприкосновенна. Хотя – как знать... Смерть неумного, надоевшего соглядатая можно представить различно. Например, упал с лошади – мало ли горячих скакунов в Уэстоке? Тело выдадут небальзамированным, определить истинную причину смерти сможет разве что колдун. Впрочем, едва ли. Скорее всего все церенское посольство, и советника тоже, ждут апартаменты в государственной тюрьме для особо привилегированных негодяев – замке Кэстл.

Оставалось лишь пожать плечами и ждать. Уэсток и Церен договорятся в сотый раз, отсидевшее зиму посольство по весне тихо и даже не без почета спроводят обратно на материк. Так уже было при прежнем правителе. Достаточно просто подчиниться страже. Сдаться, пожалуй, имело смысл – если бы не письма Гизельгеру. Билвиц едва не плакал, теряя самообладание – не от страха, от горькой, последней досады. Он ошибся, не решившись отправить их раньше. Глупец... поздно... слишком поздно...

Советник быстро, насколько позволяло отяжелевшее за последние годы тело, сбежал по лестнице вниз, распахнул дверь, ступил на обледеневший булыжник внутреннего двора,

встал, прижавшись широкой спиной к двери и набычив упрямую голову. С шипением вышла из ножен сталь.

– Советник, – почти печальный голос принца Хьюго не выдавал ни малейшего гнева, – послы и гости не обнажают меча в доме хозяина. Данной мне в этих землях властью приказываю – вложите меч в ножны и отойдите.

– Особа посла, ваше высочество, неприкосновенна, вы не можете войти в эти стены. Сейчас они принадлежат Церену.

– Вы же не в посольском дворце, Билвиц, – раздраженно отмахнулся уэстер. – Здесь мой замок, я в нем хозяин. Сдавайтесь, советник, я не хотел бы причинять вам вред. Сдавайтесь, вы мой пленник.

Билвиц чуть приподнял острие меча. «Боже мой, – подумал он, – скорее бы все это окончилось», – и тут же укорил себя за слабость.

– Это предательство, ваше высочество. Я служил Империи тридцать лет. Мне не пристало менять сюзерена.

Хьюго поморщился. Билвиц злорадно отметил, что кончик царственного носа лупится от холода. Принц явно был не в ударе – то ли устал, то ли ему все-таки претило совершаемое.

– Я ценю ваше благородство, советник, но от вас никто не требует жестов, противных чести. Давайте решим дело миром. Отойдите от двери. Не вынуждайте нас применять силу.

– Нет.

Хьюго взорвался внезапно – возможно, подала восточку семейная наклонность к буйству.

– Ну что ж, ты выбрал сам, старый дурак. Солдаты, взять его!

Советник поднял меч.

– Возьмите, если сможете. Но это будет предательство и убийство, ваше высочество.

Принц Уэстока дернул уголком рта, запахнул поплотнее плащ и отошел в сторону.

Кольцо вокруг Билвица сомкнулось. Он не смел, не имел права закрывать глаза – советник прижался к стене, ощутил спиной дерево двери и растрескавшийся камень стены – последнюю оставленную ему судьбой опору. Знакомый рыжеусый сержант, ощерясь, нанес первый удар. Билвиц отбил выпад, ударил, пытаясь попасть в не защищенное шлемом лицо.

...Слишком много противников. Они мешали друг другу, возможно, поэтому советник держался долго. Дольше, чем мог ожидать.

Фехтовальщики сменялись круговертью (он следил не за клинками – за глазами врага), потом зрение заволокло красноватым, липким маревом. Билвиц не мог видеть, как рухнула под ударами дверь, не видел перекошенного лица Макса, не слышал крика Россенхеля, когда тот, выброшенный солдатами из окна, мешком падал на булыжник внутреннего двора.

Из рассеченной брови советника стекала кровь, он, мотая головой, стряхивал теплые, шустрые капли. Билвиц еще мог стоять на ногах, когда от стен, замкнувших гулкое холодное пространство двора, отразился голос принца Хьюго: «Этого не взять живым. Расстреляйте из арбалетов».

Последнее, что Билвиц почувствовал, даже не увидел, сквозь боль, прижимаясь щекой к земле, был пустой, стынувший эфир. Может быть, не совсем пустой. Кажется, где-то в холодном блеклом мареве неба мелькнула едва различимая точка – там набирал высоту бесстрашный почтовый голубь.

Глава 13. Воды озера Эвельси

Пещеры, 22 января 7000 года от Сотворения Мира

«День», время бодрствования, не предвещал ничего необычного. Нора, без аппетита поев, ушла так далеко по лабиринту пещер, как только смогла – чтобы не видеть вконец опротивевших альвисов. Узкий лаз, полого ведущий вверх, закончился тупиком. Меж плитами камня зияла дыра, достаточная, чтобы просунуть в нее кулак, но совершенно не пригодная для побега – еще одно разочарование. Она повернула обратно, опасаясь вызвать лишние подозрения. К несчастью, девушка пропустила один из левых поворотов и надолго потеряла направление, блуждая в перепутанных закоулках. Дорога в конце концов нашлась – помог тщательно накопленный опыт лазания и два-три интуитивных озарения. Знакомый коридор почему-то пустовал, девушка откинула занавес и нырнула в пещерку – пусто. Дайгала не было – это не удивительно. Но на месте не оказалось ни Дауры, ни, что самое странное, Такхая. В мгновенно наступившем безлюдии было что-то зловещее, лампа светила тускло.

Нора едва не закричала от холодного прикосновения – ее тронули за руку – и обернулась. Тиви смотрел в упор: глаза в пол-лица, напряженные от страха скулы. «Крысенок» резко дернул ее за рукав. Он теребил девушку, показывая на выход, там, в сером полумраке, нарастал шум – тысячи звуков – плеск, топот, отдаленное эхо криков – все это слилось в мерный, приглушенный рокот.

Нора запалила факел. В коридоре все так же не было ни души, валялось в беспорядке брошенное тряпье. Тиви цеплялся за рукав, тянул, тянул, а Нора шла за ним, освещая дорогу. Метались по стенам угловатые тени. Станный шум, такой знакомый и такой чуждый этим пещерам, не прекращался. Свет выхватил бесформенное пятно на полу – мокрая, медленно расплывающаяся грязь, тонкие, разбегающиеся от нее ручейки воды. Вода захлюпала под ногами, наполовину скрывая ступни. Дочь Виттенштайнов почувствовала, как дрожит ребенок – худое птичье тельце прижалось к ее боку.

– Что случилось? Наводнение?

– ...

Мальчишка не знал церенского.

Нора ощутила нарастающую панику – что делать? Бежать? Знать бы еще – куда.

Она шла наугад, разбрызгивая воду ногами, мутный, все прибывающий темно-коричневый ручей нес мусор. Каменные плиты под ногами превратились в широкие крутые ступени, пол уходил вниз. Девушка шарахнулась от черного прохода – вниз идти не стоило. Пришлось спешно возвращаться – к счастью, от развилки вела еще одна галерея, здесь уровень пола слегка повышался. Нора брела наугад, потом побегала, спотыкаясь о спиленные сталагмиты, вода доходила ей до колен, Тиви – до середины бедер.

Дорога неожиданно оказалась верной.

В конце коридора заколыхалась сгрудившаяся масса – люди. Гул голосов заполнил слух. Не менее сотни пещерных жителей стояли вплотную, как живая шевелящаяся стена. Там, впереди, галерея обрывалась знакомой шахтой, в которой на прочном тросе покачивалась подъемная клеть. Трос полз вверх бесконечным ленивым червем, но, даже задрав голову, нельзя было увидеть ни проблеска дневного света.

Нора замерла, пытаясь понять, что происходит. Выше лежал еще один уровень, опять сеть коридоров, по которым желающим выбраться на верхний уровень пришлось бы долго брести до второго подъемника.

Сейчас перегруженная клеть опасно раскачивалась над толпой на высоте примерно двух человеческих ростов, медленно уплывая за край каменного карниза. За нею беспомощно тянулись руки оставшихся. Кто-то попытался подпрыгнуть, но бесполезно. Перепуганный Тиви

приник к Норе, обхватив ее талию и намертво сцепив пальцы, их сильно толкнула качнувшаяся толпа.

Давка усилилась мгновенно – повеяло безумием отчаяния.

Клеть мелькнула напоследок дощатым дном и скрылась в сумраке. Вой толпы сделался оглушительным, в нем сплелся пронзительный плач детей, вопли женщин, брань и проклятья, безумный визг. Людская масса опять качнулась, рухнула ограда под натиском тел, кто-то сорвался в отверстие шахты, и его крик на минуту заглушил шум воды и плач людей. Вода прибывала, оmyвая ноги, обогнула тысячу ручейков тела и предметы и грязным водопадом хлынула в отверстие шахты подъемника. У Норы мелькнула надежда, что вся вода уйдет туда, в эту бездонную яму, не поднимется выше, а потом за ними вернутся, должны вернуться, ведь там, наверху, совсем сухо, и вода туда не дойдет никогда.

Вода пока не поднималась выше, чем до середины бедер взрослого человека, но поток стал сильнее, тугие упругие струи били, Тиви вода доходила уже до пояса, его бы унесло к обрыву или швырнуло под ноги толпе, если бы мальчишка не цеплялся изо всех сил за уже порванное платье Норы.

Своды галереи подпирали каменные столбы, покрытые выпуклыми каменными барельефами. Самые сильные, молодые и ловкие карабкались наверх. Оттуда, из-под каменного свода, они смотрели вниз, на качающуюся как тростник под ветром слитную, сплошную людскую массу, не зная, куда бежать дальше, страшая спуститься вниз, цепляясь за выступы, пока оставалась сила в немеющих руках. В углу кто-то пытался драться, бесцельно прорываясь к опустевшей шахте подъемника, упавший человек не сумел встать, стоящие рядом люди, стиснутые со всех сторон, не могли помочь ему, даже если бы захотели отчаянно рискнуть – толпа топтала всех без разбора. Кто-то, с иссиня-бледным лицом, то ли умерший, то ли потерявший сознание, зажатый между соседями, бессильно качался в такт движению людской массы. Последнее отблески не залитого еще водой светильника выхватили из толпы странное, печально-безучастное лицо незнакомой старухи.

Нора хотела заплакать и поняла, что не может. Наверное, потрясение оказалось слишком велико. Ее оттеснили к стене и сильно прижали. Натиск людей мешал вздохнуть. Оставалось последнее средство – выбраться из сгрудившейся живой массы и попытаться найти другой выход, пусть узкий лаз или временное пристанище – пустоту или пещерку под самым потолком. Она попыталась продвинуться к выходу и поняла – поздно. Люди стояли в каменной неподвижности – они попросту пришли в то состояние отчаяния, когда апатия сменяет упорные, но неудачные попытки спастись. Правда, вода теперь почти не прибывала – это давало некоторую надежду.

И тут случилось самое худшее. Оказывается, вода подтачивала немногие рукотворные части пещер, разрушение сделало свое дело – упала отделявшая зал от мастерских стена, сложенная из не скрепленных между собой грубых кирпичей. Шум сменился оглушительным грохотом, от рева воды дрогнули своды, темный вал, несущий булыжники, доски, бревна, щепу, ударил прямо по толпе. Нору, сбитую с ног, лицом, грудью, животом протащило по камню пещерного пола.

Масса сломанного дерева и мусора, подхваченная водой, вперемешку с бьющимися телами людей, рухнула в провал...

Высоко над острым шпилем главной башни замка бился на ветру вымпел. Бесшабашный ветер то разворачивал полотнище, то складывал его пополам, и нельзя было понять, что изображено на изменчивой, как сам воздух, полоске ткани. Теплый, почти горячий, сухой ветер шевелил волосы, трепал листву деревьев. Он был плотным, почти как вода, но на пронзительной синеве неба не было видно ни единого облачка. Жар солнца, стоящего прямо над головой, раскалил все, и крышу замка, и растрескавшуюся землю, и, казалось, сами стволы деревьев. В белом, беспощадно ярком свете солнца листва деревьев казалась не зеленой, а черной, будто

обугленной после пожара. Несколько листьев, сорванных с дерева, упали под ноги, и не было в них воздушной легкости высохшей зелени, они покатались, как головешки. Налетел порыв горячего ветра, поднял в воздух черную пыль, и свет солнца померк, однако не стало прохладнее, и жар тот уже был не летним зноем, но яростным пламенем пожара, огонь охватил стены, в мгновение ока оплыла расплавившаяся свинцовая кровля, надломился, как почерневшая ветка, шпиль, перед тем, как вспыхнуть, замерло на миг полотнище, и стало видимым сделанное на нем изображение. Золотой сокол – Империя – на одной половине. И зеленый дракон – Hortus Alvis – на другой...

Нора очнулась. Видение, вызванное беспамятством, отступило, не было ни огня, ни замка, а только темнота пещеры и мерный шум воды. Она полулежала, зажатая между двумя бревнами, застрявшими в шахте подъемника, откуда-то проникали красноватые отблески, вдали слышалось слабое потрескивание огня. Выше ее была пустота и легкое мерцание света. Ниже – пустота и тьма.

Нора попробовала шевельнуться, острая боль пронзила помятые ребра, голову, ее стошнило водой и желчью прямо в пустой, равнодушный провал. Послышался решительный топот ног и гортанный разговор мужских голосов, сверху, из не замеченного до этого отверстия в стене вертикальной шахты прямо на Нору упала веревка, и резкий голос выкрикнул приказ на языке альвисов. Дрожащие руки не слушались, и Нора лишь с большим трудом обвязала веревку вокруг пояса, отчаянно вцепилась в неумело сделанный узел. Последовал рывок, сознание опять на минуту помутилось от резкой боли, и окончательно она пришла в себя уже в проходе боковой галереи. Похоже, спасители сделали свое дело и ушли, забыв о ней. По коридорам торопились куда-то воины, группами или по одному. Все они были вооружены, в доспехах, многие в шлемах. Угрюмые, усталые и озабоченные лица.

В воздухе еще стоял запах дыма, который уже почти полностью ушел в вытяжные отверстия.

По-видимому, до верхнего яруса вода так и не добралась, но от опрокинутой лампы вспыхнул пожар, впрочем, уже потушенный – в пещерах почти нечему гореть.

На повороте у перекрестка коридоров мелькнула знакомая фигура, Нора метнулась следом и схватилась за кожаную куртку. Хмурое лицо Дайгала обернулось к ней, взгляд серых глаз равнодушно скользнул мимо, будто увидел что-то вдали, за спиной у Норы, потом вдруг стал жестким и определенным. Дайгал резким движением втолкнул ее в ближайший дверной проем, упал плотный занавес, отгораживая суетливый шум коридора.

– Что происходит?

– Твои имперцы спустили в пещеры воду из озера Эвельси. Где Тиви?

– Он был со мной, пока нас не смыло в шахту. Дальше... я его не видела. Я больше ничего не знаю.

Дайгал с минуту не отрываясь смотрел ей в лицо, потом отвернулся. Сделал движение к выходу. Неожиданно остановился, твердо взял Нору за плечи, развернул лицом к себе и сказал медленно, чеканя каждое слово:

– Там, наверно, ваши имперские солдаты. Они будут здесь раньше, чем наступит следующая ночь. Мы остаемся защищать тех, кто еще жив. Два-три, может, четыре восхода, и нас тоже не станет. Но до этого всех живых пленных прирежут на алтаре саркофага. Вашу кровь возьмет жрец, она нужна Пришедшим. А теперь – проваливай отсюда. Теперь я не смогу защитить тебя от ненависти моего народа. Беги. Найди хороший проход наверх, они здесь есть, и уходи. В суматохе тебя никто не остановит. Останешься в живых, если тебя твои же не подстрелят.

Поднялось и упало полотнище занавеси, Дайгал ушел. Значит, он ее отпустил. Нора тупо смотрела на чужую комнату, раздавленные ногами черепки глиняной посуды, изорванный ковер, плетенный из камыша, раздавленную куклу в углу. Потом шагнула за порог и медленно, а затем все быстрее и быстрее пошла, побежала, чуть касаясь правой рукой шершавой

поверхности стены. Ее грубо толкали, даже не замечая, проходящие мимо мечники. Люди все прибывали, солдаты перекликались, Нора отчасти понимала, что они говорят, и это пугало ее. Шли беженцы. На нижних ярусах уцелело не так уж мало людей, кто-то ухитрился отсидеться в лишь наполовину затопленных помещениях, некоторые прорвались к лестницам наподобие «укромного хода» Дайгала и сумели подняться по вбитым в камень скобам до того, как нижние пролеты захлестнул поток. Действительно, среди солдат стали появляться женщины, подростки, маленьких детей почти не было. Несколько раз путь Норе преграждали солдаты, она молча согласно кивала на их резкие окрики и поворачивала обратно. В разговоры с ними вступать не стоило – произношение и скудный запас слов тут же выдали бы ее. Девушка старалась поворачивать в менее людные коридоры и в конце концов оказалась в почти пустой части яруса. Полной уверенности не было, но ей казалось, что этот ярус гораздо больше и сложнее, чем тот, к которому она привыкла.

Возможно, она все это время удалялась от выхода. Нора поняла, что заблудилась. Борясь с усталостью и тошнотой, она брела по коридорам, путаясь в треугольниках, мечая и факелах, выбитых над арками проходов, то попадая в освещенные комнаты, то пробираясь на ощупь в темноте. Попыталась есть немолотое зерно, найденное в чьем-то разоренном жилище. Нашла горящий факел, вставленный в стенное кольцо. Сейчас он уже почти догорел. Кажется, уровень пола стал немного повышаться. Следы разрушений и спешного бегства попадались все реже и реже. Нора замедлила шаг и остановилась. Она была в большом пустом зале, высокий свод которого терялся в сумраке, кое-где были пробиты световые отверстия, сквозь них падали узкие лучи настоящего света, похожие на серебряные стержни.

Девушка погасила факел. В лучах плясали пылинки. Прямо перед Норой стояла статуя женщины, с удивительным искусством вырезанная из зеленоватого камня. Женщина и в самом деле стояла, но при этом спала. Гладкие, совершенного рисунка плечи были обнажены. Известный скульптор покрыл фигуру женщины собранным в каменные складки одеянием, достигающим до щиколоток. Ноги ее были босы. Короткий прямой нос, лицо круглое, спокойное, глаза закрыты, округлые руки опущены вдоль тела. Вокруг плеча женщины тесно обвился тонкий, длинный, как змея, дракончик – каждая чешуйка рептилии была до блеска отшлифована. Скульптура вызвала ощущение чего-то чужого и одновременно знакомого, полузабытого, так песок заносит камни древнего города, дождь смывает одинокий след... Нора вздрогнула и отвернулась, освобождаясь от магии странного изваяния. Эта скульптура была не единственной. Колонны, поддерживающие свод, покрывали барельефы. Таких тщательно выполненных изображений она раньше не видела. В Империи стены дворцов украшали изваяния предков рода, а соборы – героев святых легенд или аллегорические нравоучительные сцены. Стены этого зала покрывали изображения зверей: животные, животные и люди, полуживотные-полулюди. Странно, подумала Нора, здесь, под землей, почти не было настоящих животных, если не считать бесцветных рыб из подземного озера и многочисленных жирных крыс. Встречалось изображение овна, несущего груз на спине, двух соединившихся рыб, фантастических животных с бычьими ногами, змеиными шеями и головами, походившими на львиные. Змеиные шеи изощренно переплелись...

Нора оторвалась от разглядывания скульптур, нельзя задерживаться, нужно бежать, пока есть силы. В дальнем конце зала почудилось движение, замерцал зеленый огонек лампы. Тихо, ловко, стараясь не попадать в пятна света на полу, Нора проскользнула вперед. Шелковый, прозрачный занавес неслыханной для пещер роскоши отгораживал комнату, убранную не менее роскошно. Спиной к Норе, в деревянном инкрустированном перламутром кресле, а не на полу, как принято у альвисов, сидела молодая женщина, одетая в просторное лиловое одеяние, ее густые рыжие волосы перехватывала золотая повязка. Вторая женщина, грациозная, с роскошными зелеными глазами, стояла боком, скрестив руки на груди. Она была прекрасна – даже

на взгляд женщины. Ломкая красота незнакомки возрождала в памяти прославленные строки менестреля Якоба Виссерона: *«Свет изумрудных глаз твоих...»*

Нора замерла, стараясь не шевелиться и не дышать. Это были Пришедшие. Священные Пришедшие сестры альвисов, две из тех, кто появляются в запертом каменном саркофаге после свершения кровавого ритуала. Нерожденные. Смертельно опасные и безмерно могущественные, по одному знаку которых воины племени пойдут на любой риск и на смерть.

Женщина в кресле сидела, оперевшись о подлокотник и устало опустив лицо на руку. Не поднимая царственной головы, она что-то сказала, видимо, продолжая прерванный разговор. Нора осторожно подвинулась ближе, и разговор стал слышен довольно отчетливо.

– ...почему бы, если нет иного выхода, не использовать ее? Послушай, Вторая, наши люди в безопасности под землей. Их – много, они – наверху. Их император тоже там. Одним ударом покончить со всеми.

– Что сказал Третий?

– Он не выходит. А как ты думаешь?

– Мне самой хотелось бы посмотреть на голову императора верхних на пике. Нельзя. Они найдут, кем заменить своего правителя, новый царек будет мстить, а талисман нельзя использовать чаще, чем два раза в год. Мы уже сделали ошибку, использовав его четыре раза ради ничтожной цели.

– Сферу нужно было проверить. Хотя, наверное, ты права... Но что же делать теперь? Сдаваться на милость победителя, имея такую возможность в руках?

– Сдаваться у меня и в мыслях не было. Но, может быть, просто отсюда уйти? Сейчас. Сферу мы сохраним и пустим в ход, когда...

Внезапно она вздрогнула, повернулась и оказалась лицом к лицу с Норой...

Легендарно жестокая и невероятно почитаемая правительница народа альвисов смотрела на Нору глазами ее погибшей для мира сестры.

– Хильда! – разум девушки сдался, не выдержав всего, что она видела и пережила за последние несколько часов.

Она бросилась вперед, пытаясь обнять вновь обретенную сестру, но получила резкий толчок в грудь. Вторая женщина, раскосая зеленоглазая красавица, внезапно засмеялась, ее смех был наполовину злобным, наполовину беззаботным.

– Кто ты такая? – голос рыжей вполне подходил женщине, для которой отдавать приказы – дело такое же естественное, как дышать. Нора ахнула. Лицо незнакомки было точной копией лица ее сестры. Более чем копией. Вот крошечный шрамик у брови, оставшийся после того, как маленькая Хильда упала с вишневого дерева, знакомый непокорный завиток волос у виска, родинка на шее. Это была не копия, а оригинал. Глаза Хильды смотрели холодно и равнодушно. На ее крик вбежала стража – несколько молодых альвисов, вооруженных мечами.

– Уберите ее.

Раскосая в восторге от наблюдаемого развлечения захлопала в ладоши. Воины схватили Нору за руки и грубо потащили к выходу в задней стене комнаты.

– Сестрааааа! – голос Норы, кричавшей на языке альвисов, срывался.

– Отрубить ей голову, госпожа? – деловито спросил стражник, заломивший правую руку Норы.

– Нет, просто выбросите вон эту сумасшедшую. Наш народ слишком пострадал в эти дни, – обратилась Хильда к зеленоглазой. – Рассудок несчастной повредился.

– А по-моему, почему бы и не убить ее? По-моему, она подслушивала, – улыбнулась раскосая красавица.

Женщина в кресле, казалось, на секунду заколебалась.

– Зачем? Посмотри – грубое платье, грубая неуклюжая речь, кулон служанки – это девица, рожденная на самом нижнем ярусе, любопытная и тупая одновременно, все они такие. Не думаешь же ты, что она шпионка имперцев?

– Пожалуй, она выглядит достаточно наглой для этого, – расхохоталась раскосая. В ее смехе проскользнула нотка безумия.

– Хотя, – красавица брезгливо сморщила точеный нос, – женщины верхних не воют. И ни один отступник не может говорить на языке пещер и не посмеет в одиночку ходить здесь в темноте.

– Эта служанка, если выживет, еще сможет родить тех, кто станет нашими воинами.

– Но ты моя родная сестра... – Норе казалось, что она кричит, но она только шептала что-то сорванным голосом.

Воин подтащил ее к выходу, намотав растрепавшиеся волосы на руку. Ударом ноги выбросил ее прочь. Дверь за спиной (одна из немногих настоящих дверей в пещерах) с треском захлопнулась. Зато в конце коридора Нора увидела отверстие, через которое проникал свет.

Это был дневной свет.

Глава 14. Поражение

Империя, Пещеры, вечер 24 января 7000 года от Сотворения Мира

*Мы выйти под небо хотели – и вот
При солнечном свете лежат
Те братья, чей вечно закончен поход,
Они не вернутся назад.*

Десяток Дайгала с трудом пробирался по коридорам верхнего уровня, каждый уголок, все свободное место, занимали спасенные из затопленных ярусов. Они заполнили все боковые комнаты, сидели, прижавшись спинами к стенам, посреди коридора оставался свободным узкий проход, в котором едва могли разминуться два человека. Почти все светильники потухли, факелы горели только в руках солдат, свет их на короткое время отнимал у темноты кусок пространства, и тогда были видны лица беженцев.

Может быть, лучше было бы совсем не видеть их, подумал альвис.

На лицах попеременно отражались надежда, отчаяние, гнев, горе, но чаще всего – бесконечная усталость. Беглецы сидели здесь больше суток, здоровые, раненые и покалеченные вместе, почти все – потерявшие родных во время бегства или видевшие их смерть. Тесно было настолько, что они не могли прилечь, еды и воды не было. Дайгал подумал об иронии судьбы. Спасшиеся от затопления теперь начинают страдать от жажды. Скоро они начнут болеть. Впрочем, так, наверное, не случится – мечи имперцев достанут этих людей гораздо раньше. Иногда сидящие у стен пытались остановить солдат, окликали, старались схватить за руку. Детские пальцы тронули Дайгала – но испуганное лицо не было лицом Дауры или Тиви. Десяток дошел до конца коридора, здесь проход при помощи нескольких досок перегородила стража, дальше пускали только воинов. Коридор, расширяясь, переходил в зал, который потом снова сужался до узкого прохода, заканчивавшегося небольшими, но прочными дубовыми, окованными железом воротами. Сейчас ворота были заперты на засов и заложены толстым брусом. Зал заполняли вооруженные люди, здесь собрались лучшие бойцы альвисов, арбалетчики в доспехах из полос вываренной кожи с нанизанными на них стальными кольцами. Дайгал, раздвинув стоящих, прошел вперед – туда, где заметил сотника и еще нескольких командиров. Он успел услышать только конец фразы, произнесенной кем-то:

– ...пойдут в преисподнюю, заберите подземные дьяволы наши души...

Конец фразы заглушила непристойная брань.

– Что слышно? – вопрос подошедшего прозвучал невозмутимо и приостановил начинавшуюся было ссору.

– Плохо, парень. – Дайгалу ответил мрачного вида десятник, на поясе у которого висел шестопер. – Похоже, всех этих, – он махнул рукой в сторону беженцев, – придется стравить имперцам на ужин. А может, и на завтрак. Кто-то знает, что там сейчас «наверху»? Ночь, день?

– Должен быть день... – бросил кто-то. – Если солнце не пустили на растопку, чтобы подсушить наши подмоченные шкуры. – Охрипшие голоса подхватили смех.

– Почему придется?

– Так надо, – ответил сотник. – У нас тут все трое Пришедших разом. Те, кто способен драться, пойдут с ними. Пришедшие должны спастись, иначе твари мы будем последние, хуже отступников. Остальным дадим оружие, какое осталось, откроем главный ход с другой стороны, как раз напротив канала, они умрут, сражаясь, а не на кострах. Детишек только жалко, там много ничьих скопилось, лучше бы их сразу... Но никто из парней не берется за это дело. В общем, готовься. Откроем ворота, на той стороне – выход, верхними не замеченный, сам

проверял. Шестьдесят человек расчищают путь, потом уходят Пришедшие, их прикрывают остальные ребята. Если толпа наверх потянется, так хоть имперцев отвлечет, нет – и так, и так умирать...

Дайгал молча отвернулся. Это был конец. Несколько часов, спасая раненых, вытаскивая измученных людей из затопленных ярусов, он гнал от себя отчаяние. Сейчас оно подступило вплотную – рухнуло все, ради чего он несколько лет шел на любой риск.

В углу зала, там, за спинами гвардейцев внутренней охраны, мелькнули рыжие волосы и роскошный лиловый плащ женщины. Десятник с шестопером безнадежно махнул рукой:

– Говорил я, нужно было уходить в дальние края... Пока можно было. А сейчас поздно – все тут ляжем. А кто в живых останется – все едино сдохнет.

...Тот, кто посмотрел бы в этот час с высоты птичьего полета на окрестности озера Эвельси, увидел бы удивительную картину. Озеро представляло собою чашу почти правильной округлой формы. С севера его окружали невысокие холмы плавных очертаний, переходящие в широкую долину. С юга высился крутой каменистый обрыв, поднявшись на который можно было оказаться на плоской равнине, усеянной небольшими рошицами невысоких деревьев и тянувшейся до самого горизонта. Обрыв можно было преодолеть по двум-трем тропинкам, цепляясь за кустарник и используя вместо ступеней выступы известняка.

Зимний день выдался холодным. Желтую траву, деревья северной долины, на которых еще осталась пожухлая листва, припорошил снег. Чернела вода озера, лишь чуть прихваченная ледком около берега. Весь северный берег занимал широко раскинувшийся военный лагерь. Горели солдатские костры, поодаль редко стояли офицерские палатки, над самой роскошной из них вился императорский штандарт: красно-золотое полотнище с соколом, заканчивающееся пятью косицами. Пространство вокруг этой палатки занимала молчаливая внимательная стража в кольчатой броне и налатных накидках – личная гвардия императора Гизельгера. Трепетали на ветру вымпелы, замерли в ожидании люди. На берегу, давя ногами тонкие осколки льда, поспешно собирали инструменты крепко сбитые мужчины – землекопы, присланные ремесленным цехом Фробурга. Вал свежевырытой земли окружал канал, по которому вода, смешиваясь с глиной и грязью, медленно стекала к широкому отверстию в земле. Вокруг в беспорядке лежал вырубленный и переломанный кустарник.

Еще у нескольких проходов в земле, свободных от воды, строились под командой офицеров солдаты. Лазы расчистили как могли, но они все равно оставались узкими – двое воинов в полном вооружении разминутись бы там с трудом. На истоптанную лужайку перед палаткой выбрался бородатый седеющий мужчина – император Церена Гизельгер. Следом за ним – худощавый, высокий, чем-то напоминающий хищную кошку граф Дитмар Рогендорф.

Ожидание стало физически ощутимым, но нарушивший тишину нестройный крик все равно оказался внезапным. Из подземных проходов, не залитых водой, высыпали люди, и порыв их был таким сильным и неожиданным, что первые ряды солдат дрогнули и отшатнулись. Оборванные, обожженные, раненые и кое-как перевязанные, навстречу им шли не воины – бежали уродливые изможденные женщины, худые, грязные подростки. Чужие, странные лица, перекошенные рты, горящие ненавистью бессмысленные глаза. Люди вопили, слова казались полужнакомыми, скрюченные пальцы тянулись к лицам врагов. Солдаты открыто отмахивались святым знаком треугольника.

– Вот проклятая нечисть!

Строй сомкнулся, через мгновение толпу встретил град стрел, а следом – сталь имперских мечей...

Охранная сотня воинов покинула то, что у властей Империи называлось Hortus Alvis, когда мечи еще не кончили свою работу у северных холмов и канала. Дайгал слышал, как выла толпа, крик долетал даже сюда, на противоположную сторону озера. Брус был убран, засов отодвинули. Люди, по трое в ряд, спешно покидали зал. За воротами была обыкновенная пещера,

в конце ее – вечерний свет, проникавший через расщелину, сквозь неплотный заслон кустов с облетевшей листвой. Дверь, ведущую из подземелья в пещеры, закрыли – теперь она была не видна – камень сливался с камнем, в щели не прошло бы и лезвие ножа. Пятьдесят воинов первыми вышли наружу и заняли узкий перешеек, отделявший воды озера от круто поднимающегося обрыва. Потом появились три фигуры, закутанные в лиловые плащи – Пришедшие, две женщины, один мужчина. Их окружила полусотня. Люди над гладью озера, ничем не заслоненные, были неплохо видны со стороны лагеря имперцев, однако ждать ночи не стали. До границы Церена не дойти пешком, лошадей можно взять в любой деревне южной равнины, но сигнальные огни выдадут отряд в темноте, на широком пустом пространстве. Оставалось использовать те несколько часов, когда всадник сливается с сумерками, собирающимися у земли, а вечерний свет дает возможность ориентироваться. Впрочем, выбирать не приходилось – ждать больше нельзя. Дайгал сомневался в успехе предприятия, задуманного Пришедшими. Будь он сам на их месте, он бы не взял с собою отряд в сто человек, оставил бы его прикрывать отход беженцев. Одному человеку проще затеряться среди рощ равнины, а потом можно достать коня и положиться на удачу, в крайнем случае – на острый клинок и умение фехтовальщика. Однако у него за плечами были годы войны с верхними. У Пришедших – ни одного дня. Пришедшие никогда не выходили из подземелий, чтобы убивать, их стихией считались власть и мудрость. Правда, было исключение... Прежняя вера в Пришедших давно умерла в подвалах Эберталя, но Дайгал почему-то еще надеялся, что кто-то из трех, а может быть, все они сделают это – пустят в ход волшебство, которое отбросит солдат Империи. Снова? Пусть лучше Сфера, чем смерть? Впрочем, Пришедшие, кажется, ничего не собирались предпринимать.

Здесь, на поверхности, был явственно слышен крик избиваемой толпы. На противоположном берегу озера возникло движение – беглецов заметили. Конники, не занятые истреблением окруженных альвисов, в сумятице бросились к лошадям. Через несколько минут вдоль полосы восточного берега цепочкой растянулись всадники, намеревавшиеся настичь беглецов до того, как те преодолеют обрыв. Если Пришедшие успеют подняться наверх, то они спасены, подумал Дайгал. По крайней мере спасены сейчас, от рыцарских копий и мечей. В противном случае их сомнут. Сомнут вообще всех, кто не успеет подняться. Всадники приближались, воинственный клич заглушил на какое-то время крики умирающих на северном берегу. Лиловые плащи мелькали почти у верхнего края обрыва. Начала подъем последняя полусотня солдат эскорта. Дайгал не мог видеть, как в этот момент дрогнули ворота, отделявшие подземный зал от пещеры с выходом, предусмотрительно подпертые камнями. Однако он видел, как из расщелины, прикрывая рукой от неяркого вечернего света глаза, появился человек, за ним второй, и узкий берег стал наполняться беженцами.

– Куда? Назад!!!

Люди не слушали, они, пробыв более суток в почти полной темноте, без воды, пищи, в тревоге и отчаянии, выбегали на свет, толпились на прибрежном песке. У обрыва осталось два десятка солдат. Он еще мог уйти, тропа наверх свободна... Он может идти собственным путем. Так было до сих пор. Было.

Вой умирающих на северном берегу озера почти утих.

Дайгал больше не смотрел в сторону обрыва. Повернулся к озеру и оглядел не ушедших, как и он, людей. Три десятка солдат, скопище безоружных, голый берег, здесь его место, здесь он и останется.

– Арбалеты к бою!

Он выкрикивал слова команды, понимая, что десяток стрел не остановит атаку. Лучше всего было вернуться в пещеру и оборонять узкий вход. Но как заставить беженцев это сделать всего за несколько минут, оставшихся до удара конницы?

– Камни! Сбрасывайте камни с обрыва! Десятник с шестопером, имя которого Дайгал так и не смог вспомнить, и пятеро солдат, почти мгновенно преодолев пятнадцать локтей

высоты, попытались столкнуть с обрыва несколько крупных валунов. Будь время, камни подперли бы кольями – так их легко отправить в нужный момент на головы атакующих. Но времени не было – стремительно приближалась сотня.

Первый из конников, в броне, в округлом закрытом шлеме с носовой стрелкой, скакал, держа наготове тяжелое копье. Он был совсем близко, Дайгалу казалось, что под нависшим шлемом видны яростные, светлые глаза. Всаднику оставалось преодолеть два десятка локтей до безоружной толпы, когда на берег тяжело выкатились камни, перегородив путь. Резко остановившая бег лошадь взвилась на дыбы, щелкнула тетива арбалета, болт нашел неприкрытое конским доспехом место на лошадиной шее, и животное рухнуло на землю. Упавший в доспехах неловко пытался подняться. Дайгал, не дожидаясь, пока противник достанет меч, откинул бармицу и ударил его кинжалом Норы в шею.

...От арбалетных стрел упало еще несколько всадников. Удар оставшихся был страшен...

Хайни Ладер, наемный солдат, побывавший на имперской службе во времена великого Гизельгера, спустя месяцы и годы после битвы у озера Эвельси все еще любил рассказывать в кабаке столпившимся вокруг него слушателям.

– А когда главные у этих, у нижних-то, в бега ударились, так мы их поймать пытались. Хороша добыча – отвалили бы денег из казны за каждого – на всю жизнь хватит. Но не судьба, видно... Там дырка под землей была, издали не увидишь. Из пещеры-то набежали тетки, ребятишки сопливые повыскакивали, дорогу загородили – разве сразу обойдешь... Рубили их, конечно. Первыми господа на хороших конях доскакали, ну да ничего – им первым-то и досталось. Подземные черти свалили с обрыва им на головы каменюги, троих стрелами сбили, одного, слышь, толпа, сам видел, задавила, он в доспехах своих тяжелых встать не мог. А парни-то, стражники из нижних, их два десятка всего-то и было, они насмерть стояли. Нам, мечникам, с ними и пришлось разбираться.

Посетители кабачка, обступив стол, за которым сидел ветеран войны с альвисами, жадно слушали, не желая пропустить какую-нибудь интересную подробность, хотя иным и раньше приходилось слушать рассказ бравого наемника.

– А главные?! Главные пещерные куда делись, Хайни?

Ладер отхлебнул из кружки и погладил изуродованное бугристым розовым шрамом ухо. От уха осталось совсем немного – так, пустяк – кусочек плоти величиной с дикий орех.

– Их к тому времени и след простыл, уж всяко награда-то не нашему брату рядовому досталась... Тьфу. Пещерные – они пустое место, не бойцы, сказано – или бегут, или числом берут. Но эти стояли крепко. Последний, у него еще ножны от кинжала были дорогие на поясе, странные такие ножны, как будто наши, столичной работы, так он вообще в озеро ушел.

– Так прямо и ушел?! Ногами?!!!

– Ого-го!!!

– Видели мы таких!

– Не гогочите, вы, дураки, он просто в воду скакнул, когда ему, раненому, отступить некуда стало. Хотел я потом ножны эти с трупа снять на память, стало быть, но там чуть подальше от берега глубина страшная, парень был в кольчуге. Так камнем на дно и пошел, только кровь в воде кругами разошлась. Ну да что о том говорить... – И авторитетно добавил, наливая себе новую кружку: – Собаке собачья и смерть!

Глава 15. Бегство

Империя, Пещеры, вечер 24 – утро

25 января 7000 года от Сотворения Мира

Нора еще раз попробовала подергать решетку, отсекающую отверстие, из которого шел свет, но та даже не шелохнулась – толстые железные прутья глубоко уходили в камень. Путь вперед закрыт, путь назад отрезан дверью, за которой – смерть. Девушка свернула направо в ответвление коридора, ведущее в темноту. Здесь она еще не была, отблески света становились все слабее, не горели факелы и лампы, осветительные ходы были, видимо, засыпаны землей. Тьма сгущалась, окутывала ее со всех сторон, в темноте раздавались странные звуки – шорох осыпающейся земли, осторожные шаги маленьких лапок. Пол был не очень ровный, но без стесанных сталагмитов, сухой, и уровень его постепенно повышался. Нора шла в темноте, держась правой рукой за стену, если стена кончалась, она старалась определить на ощупь, что это – новый коридор или вход в комнату.

Входы в комнаты она пропускала, в коридоры сворачивала. Два раза ошиблась, но, покружив в темном помещении и наткнувшись на брошенную утварь, быстро поняла свою ошибку. Через некоторое время коридор стал, кажется, расширяться, Нора интуитивно чувствовала вокруг себя и над собою обширное пустое пространство, несколько раз она больно ударилась о какие-то твердые предметы, может быть, доски. Потом наткнулась на что-то мягкое. Мягкое было чуть теплым, но неподвижным, Нору охватил невыносимый ужас, она закричала и рванулась прочь, снова споткнулась, упала, встала, опять побежала в темноте и бежала до тех пор, пока впереди не забрезжил свет. Она вырвалась наружу, продираясь сквозь кусты шиповника. Стало понятно, почему так долго был незаметен выход – на поверхности почти стемнело.

Слегка поблескивала и казалась жирной вода в озере. Белел разбитый и растоптанный лошадиными копытами лед. Высился крутой обрыв берега. Только сейчас Нора заметила, что потеряла сандалии и идет, ступая по замерзшей земле босыми ногами. У кромки воды застыло в неподвижности несколько тел, некоторые в доспехах имперских солдат, некоторые в латах подземной стражи, многие – в простой одежде альвисов. Одно из скорчившихся тел прижмало к груди другое – маленькое и такое же неподвижное. Нора отпрянула, ей показалось, что это старый Такхай с Даурой на руках. Она не стала больше смотреть, осторожно обошла тела и поднялась по тропинке на крутой обрыв.

Под светом ущербной луны расстилалась плоская равнина, покрытая кое-где кустарником и низкорослыми деревьями, сбросившими на зиму лист. Было тихо, холодно и пусто. Очень далеко мелькали синеватые огни, но определить, что это – пожар, мирный свет селения или факелы в руках солдат, не сумел бы никто. Ноги девушки совсем застыли, и она попробовала оторвать полосу от подола платья и обмотать их. Нет смысла идти куда-то по равнине. Нора подумала, что лучше всего вернуться на берег. Где-то там, дальше, вдоль озера, должны быть черенские войска. Там бароны, там сам император, там наверняка найдется кто-нибудь, кто поможет благородной наследнице Виттенштайнов вернуться в дом отца.

Почему-то Нора не успокоилась, она поняла, что боится снова увидеть оружие, доспехи, воинов. Почему? Ее отец носил доспехи, на стенах замка, где она провела детство, висело оружие. Может быть, дело в окоченевших телах, которые лежат там, внизу, и между которыми придется пройти? Холодно, так холодно. Нора подумала о сестре. Как такое возможно? Она твердо знала, что Хильда навсегда ушла в Обитель и стала одной из Молящихся. Лишь год прошел после ритуала пострижения, Нора видела, как за сестрой захлопнулись бронзовые ворота. Как сестра могла очутиться здесь?

Девушка попробовала вспомнить ритуал Прихода в пещерах. Что там было... Толпа, шествие, пение, жертвоприношения, саркофаг... Что-то знакомое было в нем, на крышке – треугольник, вписанный в круг... Символ, выбитый на воротах Обители! Так что – все Молящиеся – это... Но как? Почему? Как они могут из одного места перенестись в другое? Да еще и забыть все – и род, и честь, и святую веру, и самое свое имя? Святой Регинвальд, покровитель, спаси! Если она расскажет о такой Мерзости, никто не поверит, ее запрут в дом безумия, отец отречется от дочери. Лучше молчать. Она просто не помнит всех ужасов, увиденных в отвратительном Hortus Alvis. Никто не упрекнет в этом чудом спасшуюся Алиенору.

Нора, приняв решение, сразу успокоилась и принялась осторожно спускаться вниз, обратно к берегу. Сейчас она окажется внизу, осторожно обойдет тела, ни к чему глядеть на мертвых. Мертвые идут своими тропами за Грань, а живые должны жить. Потом нужно пройти по берегу, но ничего, она столько прошла, пройдет и еще немного...

– Стой!

– А!..

Кто-то рукой в кожаной перчатке схватил Нору сзади за шею, второй ладонью зажав ей рот.

– Кто это, Лакомка?

– Девка из нижних. Развлечемся?

– Сам развлекайся. Они там, внизу, все больны. Этим самым.

– Чистоплюй ты, Хайни Ладер, тебе надо было податься в попы.

– Лучше посмотри, может, у нее что ценное при себе есть.

– Ничего у нее нет – оборванка.

– Не скажи. Даром что оборванцы, но у них там, в пещерах, бывает кое-что интересное, надо только знать, где искать.

– Тогда давай у нее же и спросим.

– Стоит ей только рот освободить – заорет. Или наш сержант появится и будет нам взбучка за отлучку, или ее сородичи недобитые прибегут.

– Не трясись. Наш сержант далеко, пещерных мы всех повырезали. А то давай свяжем и оттащим подальше, там и расспросим как следует.

Связанная Нора могла только биться и мычать. Сейчас негодяи унесут ее. Что делать? Придумать для них какую-нибудь сказку про сокровища? Освободившись от кляпа, назвать свое имя? Мародеры, пожалуй, не выпустят ее живой, испугавшись мести Виттенштайнов.

Нору какое-то время волокли по земле, потом бросили.

– Слышь, Ладер, сходи за дровами, вот хоть в кустах веток наломай.

– Сам иди...

Тот, которого звали Лакомкой, гадко выругавшись, отошел. Прошло довольно много времени.

– Эй, Лакомка! Рихард! Ты там спать лег, что ли? Тишина.

Посерьезневший Хайни встал и, обнажив меч, осторожными шагами ушел в темноту.

Послышался сдавленный крик. Потом что-то живое прижалось к Норе, тронуло ее за плечо, ей сначала показалось – собака, но потом она увидела бледное личико Тиви. Святой Никлаус! Откуда он взялся? Тонкие пальчики вытащили кляп, затеребили узлы на веревках.

– Что ты тут делаешь?

Мальчик что-то торопливо лепетал, но Нора не умела разбирать быстрой речи альвисов. Из темноты, от озера, шагнул мужчина, и Нора запоздало рванулась в сторону.

– Тихо, не кричи! Это я.

– Дайгал...

Он стоял перед Норой и смотрел на нее, улыбаясь, как всегда, насмешливо, без плаща, шлема на голове не было, кольчуга повреждена, на волосах запеклась кровь.

– Там... Эти...

– Не бойся, отважная девица Нора. Один из них уже никогда никого не свяжет. А второй... У второго внезапно разболелось ухо!

Стены пещеры скрыли от лишних глаз костер – в нем теперь горел хворост, так удачно собранный новопреставленным наемником Рихардом Лакомкой. Тиви мирно спал, свернувшись калачиком.

– Где ты его нашел?

– Встретил на берегу. Он потихоньку вышел из пещер, когда уже все кончилось. Ко мне подошел так, что я даже и не заметил, настоящий крысенок...

– Я думала, что тебя убили.

– Вообще-то, так оно и было, но только твои собраты не достаточно постарались, сделав это, и я снова ожил.

– А как ты сам здесь оказался?

– Это долгая история. Можешь считать – я вылез из озера.

– Святые угодники! Нет, но каков же вун! Ты бы сразу утонул. В озере такая холодная вода...

– Поразительное единомыслие, премудрая Нора! Мне озерная вода тоже очень не понравилась. А между прочим, это Тиви мне сказал, что ты тут неподалеку скучаешь в обществе двух имперских рыцарей. Я сначала подумал – не стоит мешать вашему куртуазному общению, но потом...

– Ах ты! Ты! Да я... Я тебя сейчас сама убью!

– Отважная воительница Империи! Убивай меня, если хочешь, но ради своего святого Никлауса – не бей меня прекрасною рукою по башке!

– По чему?

– По башке, по голове, то есть.

– Мессир Дайгал, какое отвратительное у вас произношение!

– А по-моему, так вполне сойдет. И, мне кажется, я не мессир.

– Ой, что это – у тебя кровь на волосах!

– Ну, ты тут ни при чем. Это я сам виноват – неудачно задел головою меч твоего внучатого дядюшки.

– Внучатых дядюшек не бывает. Давай, я тебя перевяжу, я умею, меня учили лечить раны...

– Ну, если я до сих пор жив, может быть, перенесу и твое лечение, дева, преисполненная милосердия.

– Ты когда-нибудь перестанешь надо мною смеяться?!

Тиви проснулся и сел, поджав ноги, что-то сказал Дайгалу, быстро, на альвисийском языке, тот ответил; Мальчик юркнул в темноту.

– Что он сказал?

– Хочет вернуться в пещеры, собрать, что осталось. Один. Он маленький, пролезет в любую щель.

– А ты не боишься его отпускать?

– Ну что ты, сейчас там безопасно, пусто, никого нет, твои храбрые имперцы не сунутся в ночной Грот, а тела мертвых братьев – кто из нас этого не видел?

Девушка вспомнила свой панический страх на берегу, но промолчала. К тому же, ей очень хотелось спросить, сумели ли бежать Пришедшие, но почему-то Нора не хотела показывать Дайгалу ни свое знание, ни свой интерес.

– А ты?

– Я встречу с Тиви в условленном месте. Не бойся – я буду охранять тебя до утра. Никто не тронет могущественную баронессу...

- Ты опять надо мною смеешься... А потом что?
- Потом мы с ним уйдем, не стоит спрашивать меня, куда, может быть, я и сам не знаю.
- Дайгал... А почему бы тебе не остаться? Я скажу отцу, что ты спас мне жизнь, это ведь правда, он тебе поможет и сохранит тайну, ты знаешь наш язык, ты ничем не хуже свободного подданного Империи и в тебе никто не узнает альвиса...
- Нет.
- Почему?
- Не стоит говорить об этом. Давай лучше я расскажу тебе одну старую историю... И он ее рассказал.

Легенда о праведных жителях ада

Когда-то, давным-давно, жил на земле мудрый народ адитов. Были они могучими людьми, жили на берегу озера, в прекрасном городе с каменными дворцами, а правили ими мудрые цари. Однажды страну адитов постигла страшная засуха, шесть месяцев не падало с неба ни капли дождя, озеро иссушилось, и люди стали умирать в своих домах. Тогда Худ, праведный царь адитов, покинул столицу и один, пеший, двинулся на восток, туда, где вставало солнце. Шел он долго, пока не встретил Неизвестного Бога. Бог пожалел царя, чьи ноги были сбиты в кровь, а голова покрыта пылью, и сказал: «Возвращайся обратно, и будет дан тебе выбор по заслугам твоим. Но помни – нельзя нарушить естественный порядок вещей, не заплатив». Царь вернулся, и адиты укрепились духом. Вскоре над городом появилось три тучи: белая, желтая и черная, а голос Неизвестного Бога произнес: «Выберете белую тучу – и погибнет город, дворцы и сокровища ваши, но дождь увлажнит землю. Выберите желтую тучу – и дождь увлажнит землю и останутся в целостности сокровища ваши, но умрет старший мужчина в каждом доме, будь это хоть сам царь. Если же выберете черную тучу – останетесь живы, сохраните богатства ваши, но беда ваша падет на других, ибо даже Богу не дано право отворотить неизбежное, а доступно лишь переместить его». Долго спорили праведные адиты, и не было среди них согласия. Но решили в конце концов выбрать желтую тучу, поскольку в каждой семье были древние старики, которых уже тяготила чередой дней. Утром собрались адиты сообщить свое решение Неизвестному Богу. Но ночью девушка-сирота, у которой не было никого, кроме младшего брата, старшего и единственного мужчины в семье, пришла к Неизвестному Богу и молча указала на черную тучу. И сказал Бог: «Да будет так!» Дождь увлажнил землю, но нельзя нарушить естественный порядок вещей, не заплатив. Налетел черный ураган, прошел по землям, сметая людей и скот, а потом содрогнулась земля и поглотила город адитов. Они остались живы и больше не нуждались ни в чем, но пещеры под землей, где они оказались, назывались адом...

- Откуда ты узнал эту историю?
- Не помню, это просто очень старая сказка...
- Зачем ты мне ее рассказал?
- Не знаю. Может быть, потому, что нельзя принять что-нибудь, не заплатив потом. Двое у костра надолго замолчали.
- Пора идти.
- Подожди!
- Девушка обняла и удержала его.

– Я должен идти. Подожди здесь рассвета. Потом уходи – твои недалеко. Все будет хорошо, опасности кончились.

– Останься!

– Зачем?

– Я люблю тебя!

Молчание.

– Не произноси поспешно эти слова. Ты еще встретишь того, кого полюбишь.

– Я люблю только тебя! Я хочу тебя! Не уходи.

Иногда сразиться в безнадежном бою проще, чем разорвать кольцо женских рук.

Ну в самом деле – нельзя же так соблазнять человека!

У них не осталось даже плаща, чтобы постелить его на каменный пол пещеры. Двое на торопливо сброшенной одежде. Колеблются на стене тени, рождённые догорающим костром.

– Мне было так страшно... Там, в пещере, и потом, у Обрыва. Но я все время тебя ждала...

– Я как будто знал – остался. Мог уйти вместе со всеми или один. Вообще-то, как последний дурак остался, я же не знал, что ты здесь...

– Уйти со всеми?

– Ну да, уйти, когда Пришедшие бежали на равнину...

– Пришедшие бежали...

– Не думай ни о чем плохом, они далеко...

Короткий сон прервался внезапно, как ткань рвется под ударом ножа. Нора осторожно привстала. Дайгал ровно дышал, прядь черных волос упала на лицо. Кажется, он что-то говорил... Что-то важное. Про Пришедших – Пришедшие бежали на равнину. Сейчас они уходят все дальше, унося свою проклятую магию. Сегодня, завтра, когда-нибудь она снова оживет. Гибель падет на город или замок, быть может, на бург Виттенштайнов... Костер уже погас. Нора почувствовала, как зябнут обнаженные плечи.

Если она расскажет то, что узнала в пещерах... Расскажет тому, кто обладает высшей властью, мудр и, как истинный рыцарь, честен. Например, самому императору... Тогда сам император будет обязан ей спасением!

Нора потянула к себе брошенную юбку, осторожно вытаскивая ее из-под спящего Дайгала. Ему можно будет все объяснить потом... Если будет такая возможность. Сделанного не вернешь – она так испугалась, а этот человек спас ей жизнь – вот и поддалась искушению, хоть и не пристало высокородной баронессе дарить свою девственность первому встречному! Ну что ж, этот грех ей отпустят на исповеди. Нора покраснела до корней волос, представив, как она рассказывает *такое* капеллану бурга. Дайгал – первый встречный, она не может его любить. Он ей чужой, он враг ее близких и, должно быть, ненавидит всех имперцев, подобно прочим альвисам. Он сам во всем виноват, да он же просто подходящим моментом воспользовался! Наверное, капеллану лучше вообще ничего не рассказывать.

Девушка осторожно обошла камни у входа в пещеру. Снаружи уже рассвело. Вокруг никого не было – тихо, пусто и безопасно. Мертвые тела у воды исчезли. Пятна крови занесло тонким слоем снега. Алиенора фон Виттенштайн отправилась спасать Империю.

Глава 16. Сфера Маальфаса

Империя, 25 января 7000 года от Сотворения Мир

В предутренний час, на северном берегу озера Эвельси, в палатке, разбитой меж догорающих костров, ждал известий император Гизельгер. Уже давно за бежавшими вождями альвисов ушел в погоню по южной равнине отряд конников на лучших лошадях. Отряд вел наследник. Это опасно. Пусть. Мальчишка должен наконец стать мужчиной, которому можно с легким сердцем передать высшую власть. Если не станет – и это еще не конец, останутся два других сына, они малы, но император силен телом, крепок духом и не собирается передавать бразды правления в слабые руки.

Однако тревога не проходила. Гизельгеру вспомнился он сам – молодой тридцатилетний вельможа, еще не правитель, даже не наследный принц Церена, а только внук брата императора – четверть века назад Жребий Обители пал на семью его деда.

Гизельгер, мирясь с неизбежным, принудил себя считать это божьим промыслом. Спустя годы собственного правления Империей он уже не верил в случайность. Между старым императором и его братом не было приязни. Прежние раздоры и ненависть давно покрыло время, но Гизельгеру они стоили жизни дочери. Дед Гизельгера, брат правящего императора, не согнулся под бременем выбора. Сын старика был к тому времени мертв – погиб на кабаньей охоте, – и Гизельгер получил приказ пожертвовать ради блага семьи собственной старшей дочерью.

Девочке было двенадцать лет – мала для Жребия. Но не отдавать же обители ее отца – взрослого мужчину, последнюю надежду опальной ветви рода?

Властный старик отрезал: «Отдай девчонку. Ты молод. У тебя еще родятся сыновья». Дочь забрали монахи.

Может быть, какая-то сила свыше и оценила эту жертву – прямая линия императорского рода пресеклась в одночасье оспой, перед которой равны и властитель и крестьянин. Дед Гизельгера, а вскоре и он сам были торжественно коронованы в главном соборе Эберталя. Но даже сейчас, двадцать пять лет спустя, императору снился иногда голос дочери. Только голос, лица он не мог вспомнить.

Гизельгер запретил себе думать о былом горе и унижении. Прошлое не изменить. Дочь давно мертва. Но где теперь сын?

Сын императора приподнялся на стременах, пытаясь оглядеться. Плоская, как блюдо, бесснежная равнина дышала ветром и холодом. Край неба уже светлел, ночная тьма сменилась предутренними сумерками, факелы в руках всадников становились ненужными. Отряд преследователей – двести спешно посаженных на коней наемных солдат – растянулся по степи широкой цепью. Свистел ветер, стучали копыта по мерзлой земле. Только бы лошадь не споткнулась в полутьме, думал Гаген. У наемников не было тяжелых рыцарских копий – им не придется пробивать стальную стену щитов, только арбалет у седла – выстрелом бросить на землю приглянувшегося врага и мечи – добивать уцелевших.

Преследуемые альвисы сильно оторвались от погони – лошадей нельзя провести по тропе, которой воспользовались беглецы. Пришлось скакать в обход озера и подниматься на равнину дорогой, которой обычно идут купеческие обозы. Однако, пока противник остается пешим, он обречен. Полусотне людей негде укрыться на плоской равнине. Беглецы где-то здесь – принц чувствовал это. Шла охота на человека – самая увлекательная из охот. Азарт погони придавал уверенности. Волнение и страх покинули Гагена, он сделает все, что может и должен, а там – будь что будет.

Мигнула вдали синяя искорка – цвет ее был холодным и чужим. Сотник, скакавший бок о бок с сыном императора, выкрикнул приказ грубым, простуженным голосом, распоряжение

передали дальше по цепи, и сотня немного повернула и сдержала коней, обходя и окружая таинственный огонек. На минуту спешились и, достав из поясов натяжные крюки, зарядили арбалеты, уперев в землю. К синему огню приближались осторожно.

В дрожащем холодном свете враг, расположившийся на небольшой возвышенности, был виден отчетливо. Пригорок цепью окружили воины-альвисы – мечники и арбалетчики в кожаных доспехах. Семь десятков затравленных людей, отчаянных, готовых на все. В центре стояли, как будто бы в трансе, взявшись за руки, трое – две женщины и мужчина. Между ними, прямо на земле, пылал голубым огнем, разгораясь все ярче, шар размером с голову младенца. Сфера. Вспышка – тьма, вспышка – тьма. Ритм сполохов бил по глазам, впрочем, что задело?

– Вперед!

Топот копыт слился с биением пульса. Мальчишка, сын императора, пришпорил жеребца, стараясь не отставать от солдат.

...Сотня уже разворачивалась для атаки. Сначала воины Церена разрядят арбалеты, а по тем, кого не найдет стрела, ударит конница и в ход пойдут мечи, лишая жизни бегущих.

Внезапно лошади встали.

Не помогали шпоры – животные с испуганным ржанием поднимались на дыбы, пятились, едва не сбрасывая всадников. Сердца людей, привыкших к чужой крови и не боявшихся пролить свою, сжались. На равнине не было никого, кроме двух отрядов, приготовившихся к бою, но все чувствовали: где-то поблизости шевельнулось неведомое существо, бесформенное и чужое, разрушительное даже не в злобе – в слепой несокрушимой мощи. Надвигалась, грозя поглотить людей, мерзкая мука, и миновать ее было нельзя, а можно только бессильно страшиться.

Вполголоса ругался сотник, потрясенно молчали солдаты. Кто-то начал читать молитву, но перепутал слова. Гаген попытался нащупать на груди образок святого Никлауса, рука в латной перчатке скользнула по непроницаемому стальному панцирю. Оцепенение прервал грозный рык сотника:

– Уснули, шлюхины дети? Спешиться! Коня не пошли – мы пойдем!

Имперцы, оставив коней, вскинули арбалеты. Навстречу им молча, как призраки, шли альвисы. Ветер развеивал призрачно-серые плащи, черты лиц искажало резкое чередование света и тени. Почему они не стреляют? Возможно, подумал Гаген, мы кажемся им, ослепленным дрожащими сполохами, только смутными фигурами в сумерках. Силуэты врагов, напротив, черные пятна на фоне синего сияния. Если бы этот мерцающий свет не слепил глаза...

– Бей!

Щелкнули разряжаемые арбалеты. Стрелы, пролетев несколько шагов, бессильно упали. Они не натолкнулись на невидимую стену, просто осыпались на землю, как пепел или хлопья тлена...

Кто-то в рядах имперцев закричал дико, пронзительно, без слов, крик оборвала звонкая оплеуха.

– Не отступать! Мечи к бою!

Солдаты, сомкнув строй, обнажили мечи. Шагнула навстречу шеренга альвисов, зазвенели, скрестившись, клинки, загремели под ударами доспехи, упали на мерзлую землю первые капли крови...

От размышлений Гизельгера отвлек шум – кто-то пререкался с императорскими гвардейцами у входа. Минуту спустя вошел капитан охраны.

– Государь – вас хочет видеть командир дозора. Поймали шпиона. Впустить их?

– Пусть войдут. И пошли кого-нибудь в палатку графа Дитмара, я приглашаю его прийти. Если понадобится – пусть разбудят, черт возьми, он мне нужен.

Капитан, коротко кивнув, вышел. Гизельгер рассматривал вошедших. Двое из них были обычными солдатами – ничего примечательного. Третьей была женщина. Женщина альвисов,

одетая в коричневые лохмотья, бледная, кажется, молодая, не более семнадцати лет. Светло-рыжие волосы перепутаны, на лице ссадины, смотрит дерзко, не опуская глаз.

– Пусть приведут переводчика от святых отцов, сходите за ним в обоз.

– Переводчик не нужен, государь, – вдруг объявила пленница на чистом имперском языке. – Я, дочь барона Виттенштайна, Алиенора фон Виттенштайн, прошу у вас аудиенции по делу, касающемуся безопасности Церена.

В звонком голосе девушки не было страха. Император сумрачно удивился.

– Допустим, ты та, за кого себя выдаешь. Впрочем, это легко будет проверить. Однако как ты оказалась здесь, откуда этот нелепый наряд и что можешь знать ты, женщина, о безопасности Империи?

– Я именно та, кем я и назвалась, подтвердить это может мой отец, барон фон Виттенштайн, и мой жених – Элеран фон Шарфенберг, если они пребывают в вашей армии, государь. Если нет – для императора не составит труда послать гонца и призвать их. Здесь я оказалась потому, что четыре месяца как нахожусь в плену у альвисов, похитивших меня в землях отца, и никто из рыцарей Империи не пришел ко мне на выручку. Сменить же мое неподобающее платье я поспешу, как только сообщу то, по сравнению с чем дамские наряды не столь уж и важны.

Императора забавляла церемонная дерзость незнакомки.

– Что же столь важное для Империи ты можешь сообщить мне, девица Виттенштайн? И чего ты хочешь взамен? – Гизельгер обратился к девушке совсем не так, как принято обращаться к дочери дворянина. Но насмешка, по-видимому, не достигла цели.

– Я хочу рассказать о том, что собираются делать вожди альвисов. Я знаю, как были уничтожены магией города, государь. Я знаю также, как не допустить это впредь. И прошу только об одном, чтобы вы выслушали меня и позволили мне, баронессе фон Виттенштайн, исполнить свой вассальный долг перед моим императором.

Гизельгер не спешил верить тому, что говорила девица, но порой не стоит отмахиваться даже от бреда сумасшедшей.

– Говори.

– Вас хотят убить, государь.

– Вот как? Ну что ж, я приму это к сведению, женщина. – Император, видевший за годы царствования несколько настоящих покушений, а еще больше – ложных доносов, испытывал сейчас скуку, смешанную с зарождающимся гневом.

– Ваше величество! Сутки назад я случайно услышала разговор вождей альвисов, они собирались пустить в ход магический предмет, который называли «Сфера Маальфаса».

Раздражение Гизельгера усилилось – только в сказках властители мира охотно слушают первого встречного, который пожелает встретиться с ними и рассказать легенду. На грешной земле для этого есть третьи помощники младших чиновников канцелярии короны. Или хотя бы друзья императора, которым еще не надоело это развлечение.

– Стража! Нашли графа?

– Нет, мой император, – по-солдатски ответил капитан. – Его нет в палатке. Я послал людей. Ищут.

Гизельгер повернулся к женщине.

– Многие знают легенду о Маальфасе. Этот князь тьмы вручает древний талисман, позволяющий одолеть врага, тому, кто принесет ему достойную жертву. Однако в легендах про Сферу воспользовавшийся ею всегда в конце концов остается в дураках. Любопытно, девица Виттенштайн, очень любопытно. Это все?

– Государь! Прошу вас, выслушайте меня! Вожди альвисов не рождаются в пещерах!

– Я отдал бы половину собственной бороды за то, чтобы альвисы и вовсе не рождались, – грубо оборвал ее Гизельгер. – Однако если глаза меня не обманывают, там, на берегу, совсем неподалеку, лежит достаточно тел пещерных баб и их потомства. Довольно! Стража!

– Нет! Погодите! Там, внизу, я видела мою сестру, но...

– Хватит! Молчать! Уведите ее и держите под охраной.

– ...альвисы не брали ее в плен! Она была выбрана Жребием! Она ушла в Обитель, ваше величество!

Император остановился, сдержав гневную вспышку. Жребий. В этом что-то было. Какой-то предмет, называемый Сферой Маальфаса, упоминался в бумагах инквизиции как магический талисман, принадлежащий арестованной в столице секте дьяволопоклонников. Сферу так и не нашли, а одна из сектанток, кажется, сестра или невеста казненного заговорщика, оказалась избранной Жребием два года назад, избежав тем самым руки инквизиции. Могла она взять Сферу в Обитель? Эту возможность нельзя отвергать.

– Стража! Подождите снаружи. Я позову. – Гизельгер впервые серьезно посмотрел на женщину и увидел, что она едва держится на ногах. – Садитесь, баронесса фон Виттенштайн, и расскажите все, что вы узнали. Начните по порядку, я хочу знать вашу историю во всех подробностях.

...Гаген не обнажил меча и не встал в ряды сражающихся, он остался на месте, глядя на светящуюся синим Сферу. Дрожание света сопровождалось монотонным пением без слов, три человека не могли петь громко, но звук, берясь ниоткуда, бился в воздухе, в каждой травинке на земле, в висках самого принца.

– Аа-а... Аа-а...

«...Зло не должно торжествовать».

Сфера светилась все ярче, от нее отделилось полупрозрачное кольцо синеватого сияния и, расширяясь, стало надвигаться на воинов. Сначала оно окутало тех, кто стоял ближе всех к пригорку. Гаген заметил, как падают, хватаясь за горло, будто в удушье, задетые кольцом воины – и имперцы, и альвисы без различия. Оставшиеся в живых продолжали сражаться так, как будто не замечали происходящего, только движения их казались замедленными. Кольцо расширялось. Трое на возвышенности продолжали держаться за руки, их тела неестественно прогнулись, головы запрокинулись. Кольцо, поглотив жизни нескольких людей, казалось, набралось сил, засветилось ярче и стало расширяться быстрее.

«Оно же сожрет всех нас», – подумал Гаген. Рука нащупала арбалет, оставшийся у седла, пальцы неловко дергали запутавшийся ремень, кольцо расширялось. Упало еще несколько воинов.

– Аа-а... Аа-а...

Ремень не поддавался. Сын императора попытался дотронуться до ножа на поясе. Воздух вдруг сгустился – стал плотным, подобно воде. Рука, как бывает во сне, бессильно опустилась, пришлось, напрягая мускулы, глядеть на ладонь, чтобы понять, где она находится.

– Аа-а...

Узкий нож – таким сквозь прорези забрала добивают раненого врага – вышел из ножен, ослабевшая ладонь едва удерживала вдруг ставшую скользкой рукоять. Острие приблизилось к ремню. Надрез. Арбалет, освободившись, упал на землю. Кольцо опутало еще с десяток солдат.

Гаген очень медленно наклонился, подобрал оружие. Осторожно и тщательно зарядил. Попытался вспомнить какие-то слова, показавшиеся очень важными. Обрывки молитв исчезали из памяти, растворяясь в синем дрожании. «...И не восторжествует зло под солнцем и в душе...» Начертил пальцем на ложе знак святого треугольника. Потом прицелился и выстрелил. Не в надвигающееся кольцо – в того из трех, который был виден лучше. Арбалетный болт пробил насквозь синее сияние, черной стрелкой ворвался в запретный круг и обес-

силенно упал к ногам рыжеволосой женщины. Сфера бешено полыхнула – синее свечение сделалось фиолетовым, потом приняла пурпурный цвет нарождающегося гнева.

Троица не разомкнула рук. Рыжая обернулась через плечо. Друг против друга, на расстоянии двадцати шагов стояли они – полубоги, могущественнейшие колдуны из известных истории, властители жизни и смерти альвисов, и толстый мальчишка, нелюбимый сын церенского императора. Рыжая женщина глядела презрительно, *сквозь* покусившееся на нее бессильное ничтожество. Раскосая женщина с плащом волос цвета воронова крыла приподняла уголок коралловых губ, блеснули острые зубки. Мужчина с точеным профилем ястреба чуть сдвинул стрелы бровей – в этом не было даже гнева. Троица медлила несколько бесконечных мгновений – Сфера задрожала синим огнем, лепесток-щупальце отделилось от сердцевины мерцания и потянулось туда, где стоял Гаген.

«Я сейчас умру», – подумал он. Страха церенский принц не испытывал – в этот момент его решимость была сродни холодному безумию человека, который с открытым забралом идет в заведомо безнадежный бой. Лицо черноволосой показалось ему смутно знакомым. Где? Когда?

– Именем короны Церена! Приказываю вам остановиться!

Чудо – вожди альвисов его поняли. Троица захохотала, глаза женщин демонически сузились, глубокие морщинки пролегали от крыльев носа к углам кроваво-красных губ.

Умолкло пение, перейдя в низкий, нечеловеческий стон. Ответ пришел ниоткуда – и отовсюду, будто задрожал, произнося слова, сам воздух, колыхнулась мерзлая земля, затрепетали мертвые стебли убитых холодом трав, скорчился от боли невидимый, тонкий эфир.

– *Ни-что-же-ство. Ты ни-что... Уйдешь в ни-ку-да...*

Гаген лишь на несколько секунд отвел глаза от синего сияния, натягивая тетиву, упер арбалет в землю, наложил болт. И снова посмотрел в лицо опасности. Синий лепесток тянулся к нему хищными пальцами, поодаль, в темной пустоте холодной равнины заворочалось незримое, бесплотное, голодное чудовище.

– Я не боюсь тебя, дьявол!

– В ни-ку-да-а-а...

Гаген увернулся от лепестка – синий сполох слепо, плашмя хлестнул по мерзлой траве.

– Именем Бога-Вседержителя! Стойте.

Троица глумливо смеялась.

– Ты ни-что... Он не слышит те-бя-а-а-а... Мы силь-не-е...

Чужая, хищная магия снова шевельнулась, набирая силы. Воздух, казалось, сгустился, синие искры плясали на кончиках волос, на верхушках мертвых трав, каплями стекали по лошадиным гривам. Толстый мальчишка вскинул арбалет.

– Верую! Верую! Я – верую!

– Во что ты веришь, ничтожество, в пу-сто-ту-у-у...

– Верую в Бога-Творца и его ипостась всезнания! Верую в Бога-Защитника и его ипостась отваги!

– ...ты червь...

– Я человек! Мы, люди, дети Бога.

– Ты боишь-ся... Смер-ти... Не хо-чешь... к своему Отцу...

Троица источала презрение. Гаген чувствовал это – по телу его словно стекала густая, липкая слизь.

– Он зол-л-л...

– Верую! Он милосерден!

Черноволосая хохотала, запрокинув голову, ее высокая, чрезмерно пышная для хрупкой фигурки грудь чувственно трепетала. «Где я видел ее?» – подумал Гаген. Синий вихрь тем

временем набирал силу, язык призрачного свечения тянулся вперед, норовя слизнуть неуклюжего мальчишку с жалкой деревяшкой в руках.

В этот миг зрение и интуиция принца невероятно обострились – он увидел незримое – то, чему нет названия на языке Церена. Синий сполох – Зверь, обладающий разумом и яростью. Сила Зверя стекалась из темноты. Вился, корчась словно от боли, пытаемый, смятый незримой бурей эфир. Плакали, летя на огонь, согнанные бичом зла невидимые сущности – и гибли тысячами, становясь топливом для колдовского огня... Гаген скорчился от боли.

Боль была везде, в руках, висках, позвоночнике, глазах, хотелось зажмуриться, болело не только и столько тело – корчилась распинаямая душа. Холод за спиной, жар в лицо – и тоска. Тоска сжимала сердце, выдавливая по капле отвагу и желание жить. Сын императора сам не заметил, что плачет. Пальцы медленно разжимались, выпуская бесполезный арбалет.

– Ты рожден в гря-зи... Уй-дешь в ничто... Мы – были и будем всег-да-а-а...

И тут – тут принц вспомнил.

– Вы лжете!

– Мы – были всег-да-а-а...

– Я знаю тебя, – отчаянно закричал он в лицо черноволосой. – Ты человек, ты Алиса Корн! Вспомни – ты уходила в Обитель в белом платье. Ты не хотела этого. Мне было жаль тебя, девушка.

Смех женщины оборвался, как отрезанный ножом. Незримый зверь зашипел по-кошачьи, изготоясь к прыжку. Свистящий бич рассек терзаемый эфир, капли призрачной, хрустально-прозрачной крови брызнули в синий костер, давая пищу Сфере.

– Ты лжешь!

Зверь взвыл. Вой пронизал саму сущность ночи, умерщвляя, извлекая из нее жизнь и – силу. Гаген поднял полыхающую от боли руку в оберегающем жесте.

– Именем Бога-Вседержителя! Я говорю правду! Это нечистая магия затмила твой разум, Алиса.

Подумав секунду, принц добавил:

– Когда я стану императором, такое не повторится.

Переварив обещание, голос из пустоты подавился хохотом:

– Ты станешь ни-чем...

Зверь, коротко рыкнув, бросился на грудь обреченному мальчишке. Солдаты, ослепленные синим сиянием, не видали ничего – лишь шевельнулся на мгновение серый предрассветный сумрак, переменялся ветер, да сын императора отшатнулся от невидимого врага.

Быть может, в этот самый момент женщина на холме вспомнила-таки метель цветочных лепестков на площади, гам толпы, свою беспомощность, страх и отчаяние. Быть может, непрогнозируемое высокомерие, на котором держалась сила Пришедших, дало трещину, или пресловутый Вседержитель откликнулся-таки на отчаянный призыв сына императора, но на краткое мгновение раскосая дрогнула. Ее пальцы разжались. Маленькая рука брюнетки вырвалась из ладони рыжеволосой подруги, живое кольцо вокруг Сферы на миг распалось. Этого хватило для развязки – колдовство прервали в самый неподходящий момент. Фонтан ничем не укрощенного раскаленно-белого огня вырвался из Сферы и забил, устремившись в черное небо. Струи жидкого пламени раскаленными бичами хлестнули по лицам Пришедших. Стон пожираемых Зверем сущностей сменился пронзительным визгом раненного в грудь хищника.

Гаген уже вскидывал арбалет, обреченно, без надежды встречая Зверя стрелой – ненужная поспешность – порождение магии уже рассеивалось в броске, рассыпаясь буйным фонтаном искр. Мгновенно надулось пронизанное голубыми разрядами клубящееся облако. Холодный ветер влет ударил пелену колдовского тумана, смешался с ним и – развеял в причудливо закрученном вихре...

Свободная от морока стрела устремилась вперед и там, под холодным и чистым, уже не затуманенным потусторонней пеленой небом, нашла свою цель.

На холме, коротко вскрикнув, упала навзничь высокая рыжеволосая женщина – болт ударил ее в грудинную кость, войдя со спины и насквозь пробив легкое тело. Алиса, не тронутая стрелой, мягко осела на землю и осталась лежать спящим котенком. Язычки настоящего – не магического пламени плясали на краю ее плаща, пальцах бессильной руки, опаленные черные волосы скрутились. Мужчина с выжженной до сердца грудью тяжело рухнул ничком.

Сфера лежала на траве – опустошенная, обыкновенная, как простой кусок раскаленного железа. Цвет ее сменился на фиолетовый, потом на яростный багрово-красный оттенок остывающего угля и наконец угас совсем.

Магия исчезла. Более не было ни Зверя, ни далекой твари в ночи, ни бури в эфире, ни колдовского костра, ни жалко умирающих духов. Остались только пустота холодной равнины, ночной ветер, чуть сереющее к утру небо, ледящий холод, побуревшая кровь на земле и кучка израненных людей с их людскими делами.

Уцелевшие солдаты, имперцы и альвисы, прекратили бой. Бывшие враги стояли бок о бок, опустив оружие, и растерянно всматривались во внезапно навалившуюся темноту. Все, кроме троих на холме. Те лежали неподвижно, похоже было, что они уже никогда не поднимут сомкнутых век.

– Что это было, мессир принц? – с почтительной опаской спросил придерживающий раненую руку сотник. В зрачках капитана медленно таял мутный страх.

Гаген молчал, всем существом вбирая чистый, прозрачный, морозный воздух настоящего, не оскверняемого магией мира.

...Все-таки пахло серой.

Глава 17. Голуби войны

Империя, 25 января 7000 года от Сотворения Мира

Через три часа совсем рассвело, женщину увели, Гизельгер остался один. Графа Дитмара так и не нашли, но император забыл о советнике, забыл обо всем – о собственном сыне, который где-то на южной равнине преследует вожakov альвисов, быть может, вооруженных смертельно опасной магией, о войске, которое, разгромив врага, ожидало приказов и наград, не беспокоился даже о Сфере Маальфаса, которая, наверное, все еще мерцает где-то синим светом, угрожая жизни властителя Империи. Гизельгер думал.

Где теперь его дочь? Жива? Может быть, среди тех, кто бежит по холодной равнине, спасаясь от мести победителей? Или девочка погибла еще много лет назад, во время ритуала ухода в Обитель? Может быть, ее убили вожаки альвисов, в междоусобной борьбе за власть – не надо лгать хотя бы себе – она была слишком юной и доверчивой и вряд ли выжила.

А если все же выжила? И провела в пещерах двадцать пять лет. Сколько прямых наследников великого правителя корчилось вчера в крови, в грязи, на снегу, под мечами опьяненных легкой победой наемников? Гизельгер, сжав кулаки, бессильно застонал. Его плоть и кровь! Его девочка. Не ушедшая с почетом от мира, чтобы посвятить себя молитвам, даже не мертвая и упокоившаяся. В страданиях, в боли, в унижении, среди полулюдей, забывшая свое прошлое и свой род... Что делать? Найти, спасти? Но император не помнил лица дочери.

Она мертва или все равно что мертва, понял Гизельгер, и, возможно, лучше не ворошить прошлое.

Что там сказала эта женщина, баронесса Виттенштайн? Что все альвисы – потомки их Пришедших, то есть имперских Молящихся? Из года в год Жребий падал на знатных баронов, реже задевал богатых горожан и ремесленников, и никогда – низкорожденных бедняков. Одни имели все, другие ничего. Ничего, кроме уверенности, что у них не отнимут родных и близких. Кому нужны нищие и безродные? Империя твердой рукой Жребия держала в повиновении своевольную знать. Кто же мог подумать, что пещерные твари, отверженные, стоящие ниже самого последнего крестьянина, окажутся по большей части потомками голубой имперской крови?

Император, пораженный внезапной мыслью, от души расхохотался. В смехе присутствовала изрядная доля горечи. Жребий нередко падал на старших сыновей и дочерей. Раз так, и наследники наследников живы, в Империи почти не остается законных владельцев земель. Хотя как истолкует церковь это изменение в династическом праве Молящихся? Эге! Он-то с удовольствием посмотрел бы на постные лица кое-кого из приближенных, услышавших *славу* весть.

Но нельзя. Нельзя бросать государство в пучину смуты из-за отцовской слабости. Гизельгер прогнал все мысли, замер на минуту, закрыв глаза.

...Жребий придется отменить – ни к чему собственноручно плодить врагов государства. Позже, обдумав все, он найдет убедительные причины, сумеет договориться с попами...

...Видимо, придется доверить тайну сыну. Наверное, Дитмару тоже, жаль, что старый друг Билвиц сейчас в Уэстоке. Но и без его советов ясно – толпа грязных альвисов не стоит бедствий Империи. Они не нужны никому, даже собственным дальним родственникам – так пусть же сдохнут как жили – во тьме...

...Мужчина может молчать, но на язык женщины полагаться безрассудно. Кинжал или яд не понадобятся – достаточно отдать приказ о немедленной казни безымянной лазутчицы...

А дочь самого Гизельгера... Что ж, свою звонкоголосую девочку он похоронил много лет назад. Пусть давно оплаканные и почти забытые тоже останутся во тьме, раз это нужно живым.

Император встал, потянулся, расправив онемевшие мышцы. Почему-то ныло сердце. Пустое, он еще далек от старческой немощи, крепко держит и меч и скипетр. Это только усталость.

Никто не смел войти без приказа. Поэтому никто не видел, как в пустом шатре плакал сам великий император...

Нора подняла голову, лежащую на скрещенных руках. После разговора с Гизельгером ее вежливо, но безо всяких объяснений проводили в отдельную палатку, выставили охрану. Кажется, она что-то ела, но уснуть не смогла, стоило закрыть глаза – вокруг колыхалась мягкая живая тьма. Во тьме лежали мертвые альвисы. Станным образом они были живы, звали ее, окликая по имени. Нора знала, что где-то там, среди других черных холмиков, лежит, свернувшись клубком, Даура.

В палатку, откинув полог, вошел хмурый капитан императорской охраны, махнул рукой, сделав знак выходить. Нора поднялась. После беседы в палатке правителя ей дали плащ, такой, какой носят поверх доспехов, чтобы она могла прикрыть платье альвисианки. Сейчас она зябко куталась в этот плащ. Ноги так и остались босыми, но она уже не чувствовала ни холода, ни боли. Охрана вела ее куда-то в сторону, прочь от озера, к холмам. Встречные глядели с любопытством, кое-кто отводил взгляд в сторону. Остался позади лагерь, холмы были не такие, как в землях отца – ниже, более пологие, нет серых камней. За зарослями шиповника, еще кое-где сохранившего остатки почерневших листьев, четверо мужчин и женщина остановились. Один из солдат шагнул вперед и крепко взял Нору за плечи, второй поспешно связал ей руки.

– Встань на колени.

– Сколько ей лет – шестнадцать?

– Какая тебе разница, Берт. Они взрослые в двенадцать, убийцы к пятнадцати, а к двадцати годам – трупы.

Капитан уже держал в руке платок, собираясь завязать осужденной глаза. Третий солдат наполовину выдвинул из ножен меч-клеймор.

– У вас есть какое-нибудь желание? Может быть, хотите прочитать молитву?

Нора молчала. Бессмысленно просить о пощаде. Она сделала то, что считала правильным, и обманулась. Добро обернулось злом, а может быть, вовсе нет ни добра, ни зла, а есть только длинный одинокий путь между холмов, а в конце шевелится и зовет ее та самая тьма. Если бы она еще могла надеяться, то просила бы о спасении. Но кто спасет ее? Отец и Элеран давно забыли Нору, оставив тьме. А Дайгал... Дайгал уже спас ее один раз, но она предала Дайгала.

– Вы молчите? – капитан подошел вплотную и повязка скрыла тусклый свет зимнего дня. – Ну что ж, начинай, Берт. Да помилуют святые ее душу.

Граф Дитмар, выслушав рассказ императора, внешне остался спокоен. Однако в душе он испытывал отчаяние, ярость и горькое разочарование. Винить в случившемся было некого – только себя.

Прошедшей ночью он, опьяненный кровью и азартом охоты, безо всякой необходимости возглавил отряд, добивавший в темноте одиноких беглецов. Тем самым Дитмар изменил своему главному правилу – перестал наблюдать за императором. И вот – рушится все, что стоило долгих месяцев усилий, риска и тонкой дипломатии. Стань император символом спасения и религиозного очищения страны, отмени Жребий – и о его свержении можно будет забыть на долгие годы.

Если бы старик сделал хоть один неверный шаг – приказал созвать собрание дворян Империи! «Вы ненавидите альвисов, барон? Конечно, император слаб, он не смог проявить достаточной жестокости, враг не добит без пощады и промедления». «Вы считаете императора жестоким деспотом? Разумеется! Гизельгер сам долгие годы пополнял ряды врагов Церена, отдавая Жребию плоть от плоти знатнейших».

Наследник императора может поверить, что отец склонен предпочесть ему вновь обретенную старшую дочь... Тогда настала бы пора кошки с рубиновыми глазами...

А потом молодой император на троне. Который не повторит ошибок предшественника. Не сможет повторить! Ведь с ним будет его лучший друг и опытный советник – он, граф Дитмар фон Рогендорф...

Великие возможности, смелые планы – и такой бездарный конец.

Дитмар смело посмотрел императору в лицо – самоуверенная ложь не раз выручала его в почти безвыходных ситуациях.

– Государь, простите мне дерзость, но ваши интересы – одновременно мои, преданность толкает меня на непочтительность – вы уверены, что не поторопились?

– Я знаю о твоей преданности. Оставь церемонии. В чем я не прав?

– Отрубить голову недолго, но обратно ее не приставишь. Тайна, которая попала вам в руки, отчасти опасна, но может и оказаться полезной.

– Что же я должен был, по-твоему, сделать?

– Ничего, ваше величество. Оставить эту Виттенштайн в покое – вернуть девушку родителям. Подобные тайны не страшны нам. Пусть эти несчастные альвисы – дальние родственники кое-кого из баронов, на чьих предков *заслуженно* пал Жребий. Что за дело? Враг повергнут и разбит. Никто из наших любезных кузенов и иже с ними не признает такого родства. Но Жребия теперь не станет. И если кто-нибудь из баронов впредь посягнет на интересы Империи – почему бы не напомнить ему, что он не единственный *наследственный* владелец собственной земли?

– Риск, друг мой. Стоит ли рисковать?

– Простите, мой император, в чем заключается риск? Кто без нашего поручительства поверит бреду *сумасшедшей*? Подтвердить или опровергнуть ее рассказ – зависит от вас. А решение можно принять и позже.

Император колебался. Отложить решение, не говорить ни да, ни нет – соблазнительный выход...

– Наверное, уже поздно, этой Виттенштайн нет в живых... Поздно.

– Жаль, ваше величество. Это была прекрасная возможность... – Дитмар, опасаясь настаивать, отступил.

Судьба не всегда слепа. Иногда она становится иронична и прозорлива, если захочет сыграть шутку с любимыми героями или если автор пожелает спасти их героические жизни ради новых приключений.

За несколько дней до описываемых событий, когда воды озера Эвельси еще не хлынули в пустоты под холмами, поросшими шиповником, далеко на западе, в Уэстоке, советник Билвиц, лежа на булыжнике крепостного двора, следил за пятнышком в небе – благополучно улетающим в Эберталь почтовым голубем.

Гонец, посланный из Эберталя, спешно вез письмо Билвица императору, загнал хорошую лошадь. Судьба чуть-чуть улыбнулась – и его не остановили бандиты, не тронули бродячие альвисы.

Судьба широко улыбнулась – после приличествующих пререканий посланца пропустили – сначала не очень суровый дозор вокруг лагеря, потом – очень суровые императорские гвардейцы.

Судьба нахально засмеялась – и капитан, получивший строгий приказ никого не пускать к императору, ушел, чтобы лично проследить за исполнением приговора пленной лазутчице. Ушел, забыв сообщить о приказе оставленному на посту лейтенанту.

– Гонец с письмом, мой император! Вести из Уэстока.

В больших ладонях правителя теряется крошечный футляр, отцепленный от голубиной лапки. Держа письмо на расстоянии вытянутой руки, дальнзоркий император пытается разобрать мелкий почерк...

Иногда все решает одна минута. Один камешек может вызвать обвал.

Было ли прочитанное неожиданностью для Гизельгера? Нет. Врагам, будь то беспокойные соседи, мятежная знать или члены запрещенных сект, свойственно объединяться: не общими целями – общей ненавистью. Но ожидаемое пришло в ту самую минуту, которая может изменить судьбу Империи. Или хотя бы человека.

– Пожалуй, ты прав, Дитмар. Я не буду впредь торопиться. Но сейчас придется действовать быстро... Эй, лейтенант! Кто из ваших солдат порасторопнее? Пошлите его к капитану – пусть приведет обратно эту девицу. Как ее там? Виттенштайн.

Через несколько часов после вышеописанных событий армия, собравшаяся на берегу озера Эвельси, получила новый приказ. Аналогичные повеления императора, зачитанные глашатаем на площади перед ратушей, получили, первыми во всей Империи, граждане вольного Фробурга.

Война считается законченной. Судьба оставшихся в живых побежденных будет решена позже. Для этого на баронское Собрание в Эбертале немедленно созываются все владельцы земель Империи. В конце письменной копии императорского указа, переданной мэру Фробурга, имелось небольшое дополнение, отсутствовавшее в прочитанном глашатаем тексте и скрепленное личной печатью Гизельгера. Правитель объявлял об особой милости, которой удостоивается благородная дама Алиенора фон Виттенштайн за ее исключительные заслуги перед Цереном. Мэру и магистратам, гарнизону, оставленному в городе уходящей армией, вменялось в обязанность заботиться о безопасности оной дамы и оказании подобающих ее исключительным заслугам почестей. Какого рода были эти заслуги, в указе не уточнялось.

Господин Петер Файль с опасливым удивлением рассматривал осунувшуюся женщину в солдатском плаще. Супруга мэра отдавала распоряжения служанкам, стремясь преуспеть на предмет приведения благородной дамы в подобающий ее положению вид. Магистраты прикидывали, как получше обойти грозную баронессу, чтобы заручиться в дальнейшем благосклонностью новой фаворитки императора.

Предполагаемая фаворитка была устроена в доме бургомистра с наивозможным комфортом и вниманием, однако, к сильной досаде господина Файля, вид имела печальный и равнодушный. Утром эта странная женщина не смогла встать с постели. Вызвали лучшего лекаря в городе, тот с профессиональным спокойствием пожал плечами – горячка – и отворил кровь.

Глава 18. Ястребы мира

Империя, 21 февраля 7000 года от Сотворения Мира

Оживились дороги, ведущие в столицу – ехали по зову императора владетельные бароны, чтобы, собравшись под сводами дворца Халле, решить судьбу государства. В Империи пять крупных провинций. В каждой провинции – два-три графства и около полусотни владений вассалов. Двести пятьдесят баронов заседают в совете, собираемом по приказу императора, у каждого – братья, сыновья, племянники. Две тысячи человек, принадлежащих к знати, съехались в столицу, а с ними слуги, солдаты, торговцы и все те, кто надеется не без выгоды присутствовать в Эбертале в дни Собраний. Приняли прибывших из провинциальных владений хозяев дворцы внутреннего города, спешно убранные и украшенные слугами. Полны до отказа гостиницы, трактиры для простолюдинов, там до утра не умолкает шум – постояльцы горланят песни или бранятся. Империя, а вместе с ней и столица беззаботно празднуют победу.

Дворец Халле был построен прадедом нынешнего императора вне стен внутреннего города, но в пределах внешних стен, так, что любой житель, когда во дворце собираются высшие, может под его стенами ждать решения, в том числе и судьбы собственной. Конечно, если его не отгонят прочь лучники императорской гвардии и алебардисты городской стражи. Но охрана у дворца стоит нечасто – император не слишком любит созывать Собрание, и площадь, в центре которой стоит дворец, обычно полупуста.

Халле красив, у него семь арок входа, украшенных скульптурами, три стрельчатых башенки на крыше и главная башня – высокая со шпилем, водяными часами и смотровой площадкой. Во дворце Собраний два этажа. На верхнем этаже архивы Империи – множество комнат, занятых стеллажами с книгами и свитками. Молва утверждает, есть там и укромные места, в которых можно не только побеседовать без лишних глаз и ушей, но и через незаметные отверстия в перекрытии держать на прицеле луков или арбалетов зал Собраний. Однако ни за одной из дверей книгохранилища нет ничего подобного.

На первом этаже – коридор, одна стена которого украшена рельефами, на другой пробиты окна, забранные матовыми стеклами так, что с площади не видно, что происходит внутри. На рельефах искусно представлены битвы и праздники – сцены славного прошлого Империи. Порой мастера выбирали и вовсе удивительные сюжеты. Аллегорическая добродетель поражает дракона греха. От щита святого Регинвальда отскакивают горящие стрелы, что мечут через крепостные стены осадившие столицу восточные еретики. На другом барельефе – толпа стонущих грешников, скованных цепью, шествует в ад. Безвестный мастер, быть может из озорства, сделал физиономии грешников необычайно живыми и выразительными, зрителю порой казалось, что он узнает в толпе унылых душ лицо своего соседа или задушевного врага.

Коридор на три четверти огибает фасад дворца, к четвертой стене, главному фасаду, примыкает зал Собраний – большая прямоугольная комната с высоким потолком, та самая, которую будто бы могут держать под прицелом невидимые лучники, преданные правителю. С одного конца зала на возвышении стоит кресло императора, по левую и правую руку – места для членов малого совета императора, или особо доверенных чиновников. В углу зала – писцы, которые, сменяя друг друга, скрипят перьями, заноса на тяжелые скрижали истории легкие слова государственной мудрости. Напротив рядами установлены дубовые скамьи – места для участников Собраний. Скамьи очень длинные и поэтому неподъемные – нелишняя предосторожность после того, как пятьдесят лет назад Гуго, барон фон Финстер³, выхватив из-под благородного афедрона Йоханна фон Вурмса короткую, весом всего в двести пятьдесят фунтов,

³ Finster – угрюмый, суровый (нем.).

скамью, с легкостью поднял ее, чтобы обрушить на не менее благородную голову Рихарда фон Верлеймдера <Der Verleumder – клеветник (нем.).>. Давно уже никто не помнит, что обсуждалось тогда, но подвиг барона Гуго до сих пор не забыт эбертальцами.

Сегодня мрачны и встревожены бароны. Заняты все скамьи, молчание повисло в зале. Ждут императора.

Боковая дверь открылась внезапно, и легкой для своих пятидесяти пяти лет походкой вошел Гизельгер. Ропот пробежал по рядам собравшихся. За Гизельгером последовали и заняли свои места генеральный казначей империи и куратор столичной миссии инквизиции. Кое-кто из сидящих в зале переглянулся – наследник не сопровождал императора. Не было ни советника Билвица, ни графа Рогендорфского. Император с достоинством сел. По бокам трона встали внимательные, молчаливые гвардейцы.

– Высокородные бароны империи! Мы военной силой очистили земли наши от опасности, угрожающей спокойствию подданных. На смену войне приходит мир, и мы собрали вас сегодня, чтобы выслушать перед тем, как принять важное решение.

Становилось душно, секретарь распахнул окно, выходящее на площадь. Холодный воздух хлынул в зал. Голос императора, потрясавший своды в зале Собраний, долетал до столпившегося на площади народа лишь невнятным гудением.

– Эй, добрые горожане, кто это там говорит?

– Главный казначей.

– Чего ему надо?

– Что может быть надо казначею? Новый налог, конечно! А сколько мешков монет господа зарыли в берег фробургского озера? В пещерах-то ничего путного не нашли! Одно говно там оказалось! Теперь мы за все расплатимся!

– Молчи, Тим! Твой длинный язык доведет тебя до беды!

– Эге! А вот и Марта пожаловала... Со своими наставлениями.

– Марта, а Марта, а правда, что у тебя...

– Бесстыдник поганый!

– Почему бесстыдник? Я еще ничего сказать не успел!

– Ах ты...

– Не напирать, быдло! Осади назад!

– Сержант, не толкайтесь! У меня грыжа и пятеро детей!

Раздался хохот. Толпа гудела, то придвигаясь к цепи солдат, то откатываясь назад, но сидящие в зале не слушали ее выкриков.

В Собрании говорил двухметровый гигант, барон фон Хиссельхофер, светились чистым огнем веры глаза на простодушном лице, однако шутить над великаном было небезопасно – когда дело доходило до копья и меча, в силе, ловкости и беспощадности ему не было равных по всей Империи.

– ... говорю, ваше величество, от имени всех владельцев земель, пострадавших от набегов. Те, что живут под землей, живут в аду – они прокляты Богом и отвержены Богом. Разбойник может стать честным человеком, а прелюбодей раскаяться. Но нельзя мириться с существованием тех, кто по природе своей принадлежит злу! В погубленных колдовством альвисов городах умерли все – включая невинных младенцев и дряхлых стариков. Чем, как не дьявольской природой, можно объяснить такую кровожадность? Ни один из наших пленных никогда не был возвращен за выкуп, хотя так делают даже степные варвары-язычники. Как поступили с пленными альвисы и не лежат ли до сих пор в подземельях кости растерзанных и пожраных жертв? Следует истребить этих существ до последнего – пусть это будет святым походом – во имя нашей веры, верности государю и рыцарской чести, которая обязывает заступаться за невинных.

– К чему собирать походы против тех, кто и так разбит, доблестный Хиссельхофер! Можно, скажем, объявить награду за истребление каждой дьявольской твари. Пусть любой – человек благородной крови или простолюдин – получит ее, если убьет альвиса. В доказательство он должен представить голову.

– Уши, доблестный Югинген! – крикнул кто-то с последнего ряда скамей. – Уши гораздо удобнее перевозить, считать и хранить! Клянусь святым Регинвальдом – у вас наверняка имеется заначка!

– Спокойствие, благородные бароны, сохраняйте спокойствие. Иначе будет вызвана стража, и нам придется закрыть высокое Собрание...

– Я согласен с фон Хиссельхофером, хотя всегда предпочитал богословским рассуждениям меч. Не знаю и знать не хочу, кто там кем проклят, но не намерен терпеть бесчинство: кражи, разбои, убийства в собственных землях! Если врага не добить сегодня, он вылезет из щелей завтра – и поднимет руку на наши владения, наши семьи и наших вассалов.

– А убытки от вреда, наносимого торговле и земледелию!

– А вам не кажется, Фрауэнбрайс, что честь вас должна бы волновать больше, чем убыль серебра?!

– Я никому не позволю задевать мою честь!

– Спокойствие, благородные бароны, иначе...

– Я хотел бы высказаться. Стоит ли марать мечи, вытаскивая из щелей остатки пещерных крыс? Они не опасны. Те, что еще живы, по-видимому, не поднимали оружия на Империю. Почему бы не предоставить их собственной судьбе?

– Разумно. Это сбережет серебро, предназначенное для выплаты наград. Пленных можно использовать в каменоломнях и на рудниках...

– А вы, сударь выскочка, генеральный казначей, не понимаете ни духа, ни буквы рыцарства! Есть милосердие без справедливости или справедливость без милосердия. При чем здесь экономия?!

– Позор! Позор! Труссы! Тварей ада следует истреблять, а не миловать, считая сбереженные монеты! Это измена!

– Вы сомневаетесь в моей смелости?

– Да, сомневаюсь! Выбирайте оружие! Судный поединок. Конным или пешим, на мечах или топорах!

– Я не позволю клеветать...

Шум нарастал. В боковые двери поспешно вбегала стража.

Кто-то пытался схватиться за меч, забыв, что по традиции оставил его у входа герольдам-хранителям. Возбуждение неведомым образом передалось за пределы Халле, на площадь. Из толпы простолюдинов доносились беспорядочные выкрики.

Граф Дитмар фон Рогендорф, явившийся наконец в сопровождении молчаливого слуги, не вмешивался в перепалку. Он избегал речей, не занял и места в окружении императора, на которое имел право. Как лучше поступить? Немедленно дать знак? Сумеет ли убийца сейчас приблизиться к Гизельгеру? А может быть, оставить опасный план, пока еще не поздно? Поздно, подумал он отрешенно, то, что начато, не остановить. Доверившись предводителю Отрицающих, теперь, как бы ни обернулись дела в Собрании, придется идти до конца.

Шум немного утих. Стража, разняв спорщиков, удалилась.

Дитмар рассеянно вслушивался в возобновившиеся речи.

– ...о природе и свойствах Alvis почти ничего не известно...

Пожилой ученый, по-видимому, призванный Собранием из Эбертальского университета, держался сухо и высокомерно.

– ...мы не можем утверждать, что природа Alvis человеческая, но равно не можем утверждать обратное... Однако, имея разрешение вскрыть тела, могли бы...

Дитмар с презрением пожал плечами. Впрочем, все к лучшему, подумал он. Император слабеет. Нет смысла откладывать неизбежное – пусть оно свершится.

Тем временем Собрание гудело озорными выкриками. Судя по насмешливым замечаниям, никто не воспринимал всерьез ученого мэтра.

– Тела врагов следует вскрывать мечом в бою!

– Насчет *этих* тел отменно расскажет городской палач!

...Что ж, подумал Дитмар, поворачиваясь к слуге, умереть в кровавой сумятице мятежа лучше, чем склонить голову под меч палача, украшенный поучительной надписью о вечном. Или получить в спину лезвие «рубинового» кинжала. Хотя, если император будет уничтожен – кто посмеет назвать происшедшее мятежом?

– Возвращайся домой, Андреас. Передашь управителю мой приказ – поднять на шпиле желтый вымпел...

Когда через четверть часа на шпиле ажурной башни дворца Рогендорфов взвился лоскут ткани, на него обратил внимание лишь один человек. Человек был не стар, но и не юн, не богат и не беден на вид, ничем не выделялся, серый и неприметный субъект со скользкой походкой и бесцветными глазами. Никто не следил, куда он идет, Впрочем, шел человек к площади Халле. Возле дворца путь ему преградила горланящая толпа, но человек продолжал идти к своей цели, казалось, люди расступаются перед ним, сами не замечая того – мелькнула смутная тень, и нет ее.

– Стоять! – острие алебарды уперлось в грудь прохожему.

– У меня дело к капитану Кунцу Лохнеру.

– Капитан внутри, в охране Халле. Тебе здесь делать нечего, убирайся.

– У меня письменный приказ для него.

– Покажи.

– Смотри.

Бесцветные глаза встретились с мгновенно расширившимися зрачками сержанта. Позже начальник охраны на площади искренне уверял, что видел приказ. Но он так и не смог вспомнить ни слова из свитка, ни лица незнакомца, стоявшего перед ним на истоптанном снегу.

Уходил короткий зимний день, красновато-золотые отблески ложились на лица собравшихся в зале.

– ...возразить. Карающая длань Империи поставила врага на колени. Я не вижу, с кем и зачем мы, бароны империи, можем воевать дальше. Но следует ли остановиться на этом? Нет! Раз было применено опасное колдовство, этим должен заняться тот, кто в нем разбирается. Пусть святые отцы возьмут в свои руки пленных и устроят трибунал. Мы же свое дело сделали.

В зале стало тихо. А этот оратор смел – до него мало у кого находилось желание давать советы миссиям инквизиции. Взгляды сидящих в зале были прикованы к Гизельгеру, который, склонившись к подошедшему по его знаку куратору столичной миссии святых отцов, что-то негромко говорил. Инквизитор отдал короткий приказ, и двое монахов внесли маленький, грубо сколоченный деревянный стол и ящик. Ящик водрузили на стол, инквизитор долго возился с ключом, пытаясь трепещущими руками попасть в скважину. Такое не часто увидишь – чтобы у святого отца дрожали пальцы. Наконец ящик распахнулся, откинулась крышка, упали скрепленные хитро устроенными скобами стенки. Перед собравшимися лежал шар размером с детскую голову. Сфера. Черная, тусклая, на ней не отсвечивали, теряясь в глубине, ни пламя свечи в руках монаха, ни пробивавшийся в окна огонь заката, охватившего уже полнеба.

Гизельгер встал. Встали бароны, вынужденные к этому поступком императора.

– Доблестные бароны, то, что вы видите перед собой, – это остатки предмета, погубившего десять тысяч моих подданных. Это – Сфера Маальфаса.

Молчание. Потом чей-то вздох.

– Сфера захвачена в бою благодаря личной доблести нашего наследника.

Зал взорвался восторженными криками. Переждав шум, Гизельгер добавил:

– Безопасности наших подданных она более не угрожает. Что касается альвисов, то я благодарю участников собрания за рвение во благо Империи. Мы получили весть, которая говорит в пользу того, что оные альвисы имеют человеческую природу и являются потомками подданных Империи, много лет назад ставших жертвой дьявольского наваждения, приведшего их в пустоты холмов. Мы поручим святой инквизиции внимательным образом расследовать это дело, виновные преступники будут отделены от невинных жертв... А пока – да разойдется Собрание до утра нового дня.

Медленно расходились бароны, одновременно и пораженные, и успокоенные неожиданной вестью. Встал и в сопровождении охраны покинул зал великий император. Усталый повелитель Церена уходил победителем.

У выхода на площадь к нему, едва пробился секретарь – обнажила клинки охрана.

– Государь, вас срочно хочет видеть наследник.

– Как, Михель? Разве Гаген не остался в Лангерташе? Где он?

– Ваше величество, наследник Гаген ждет вас в верхних покоях дворца.

Порой, когда весы истории колеблются, достаточно песчинки, брошенной в незримую чашу, замершую на нитях судьбы. Дальнозоркий властитель Церена, стоя на границе сумрака Халле и рваного света уходящего дня, так и не заметил, что зрачки секретаря расширены, а глаза странно неподвижны. Правитель заколебался – и повернул назад.

– Капитан Кунц, я возвращаюсь.

Лохнер заметил странное состояние секретаря, но лишь пожал плечами с истинно солдатским равнодушием к тонким материям – Михель уже уходил и не мог причинить вреда.

Гизельгер свернул в полугалерею, за ним последовал десяток гвардейцев. Сапоги солдат стучали, приглушенное эхо отскакивало от плит пола, низкого сводчатого потолка, угрюмо косились каменные фигуры.

– Проверить здесь все.

Трое телохранителей прошли вперед, за поворот, до самого тупика галереи, бесцеремонно разглядывая статуи святых и ныне покойных императоров Церена.

– Все чисто, капитан.

– Что прикажете, государь?

Властитель с досадой махнул рукой Купцу, приказывая остаться. Винтовая лестница наверх начиналась в потайной нише. Даже преданным из преданных не следует видеть, как открывается ход.

– Оставайтесь здесь, капитан. Охраняйте коридор. Любопытных разите на месте.

– Слушаюсь, мой император.

Гизельгер прошел вперед, в пустой, безопасный коридор. Уныло смотрели скованные грешники с барельефа. Скульптор дал волю сумрачному воображению – за свободный конец цепи ухватился сонм разнокалиберных демонов: голых, рогатых, с петушиными лапами и раздвоенными пенисами.

Император провел рукой по шершавому камню. Есть. Выкаченный глаз беса подался, утопая в уродливой глазнице. Унылые грешники съехали вместе с каменной плитой вперед и в сторону, открывая узкий лаз. Винтовая лестница уходила наверх, в сумрак секретных комнат. Гизельгер шагнул в нишу, дернул рычаг. Плита за его спиной заскрежетала, становясь на место...

Император поднимался быстро, с привычной ловкостью, без свечи или фонаря. На миг ему показалось, что выше, в сгустившейся темноте кто-то дышит. Пустое. Он устал. Сегодня был хороший день – сделано трудное дело. Истопившие свой пыл в бесконечных бессмысленных спорах бароны приняли весть спокойно. Сфера оказалась очень кстати, сын не обманул надежд. Сын хорош – он стал наконец мужчиной. А свою дочь Гизельгер найдет. Теперь буй-

ная знать легко согласится на все, что предложит им он, правитель и победитель. Остатками альвисов займутся отцы инквизиторы, а уж они сумеют даже среди тысяч уцелевших отыскать дочь императора. Прочих же альвисов... Пожалуй, их можно пощадить. Пусть хотя бы частично восстановится справедливость по отношению к людям, ставшим отверженными из-за роковой ошибки. Главари пойдут на костер – в назидание. Остальные пусть живут, они будут полезны – слуги, крестьяне, рабочие на рудниках... Еще будет время подумать об этом. Победитель может позволить себе милосердие.

Гизельгеру снова послышался шорох одежды. Он остановился, наверху кто-то едва слышно дышал. Сын? Но сын должен ждать его не на узкой лестнице, а выше, в комнате...

– Гаген?

Молчание. Император сделал еще один шаг.

Черное, невидимое в темноте тело упало сверху. Острая боль проколола левое плечо. Гизельгер инстинктом угадал направление удара и успел уклониться – иначе лезвие ножа вошло бы прямо в сердце. Тяжело дыша, двое сцепились на узкой винтовой лестнице. Один из них попытался вывернуть чужую вооруженную руку, другой – нанести удар. Противник уступал правителю Церена в силе, но оказался ловким и вертким, как кошка. Мокрые от крови пальцы императора скользили по коже врага. Тот вывернулся и нанес молниеносный удар, метя в живот. Гизельгер уклонился, нож невольно ткнул в бедро.

– Стража!

Громовой голос императора бесполезно гас в замкнутом плитой, тесном пространстве. Убийца бросился под ноги жертве, пытаясь сбить Гизельгера с ног. Это удалось, они покатались вместе, обдирая руки и лица о металл ступеней. Гизельгер обнял врага, чувствуя, как хрустят под могучими руками чужие ребра. Противник, изловчившись, высвободил руку и кольнул императора в шею – на полноценный удар не хватило времени. Церенский правитель наотмашь отшвырнул незнакомца к стене – и тут же ударил его сам – прямо в висок. Убийца мгновенно обмяк и осел на ступени.

Гизельгер подобрал брошенный нож, выпрямился и осмотрел рану на плече – лезвие прошло под кожей, сорвав лоскут плоти – пустяки. Царапина на шее оказалась болезненной, но неглубокой. Он постоял, привалившись к холодной стене, понимая, что по чистой случайности избежал гибели в тонко расставленной ловушке. Пора возвращаться.

Убийца лежал неподвижно, свернувшись клубком и прижавшись, как верный пес, к ногам императора. Гизельгер пнул тело, потом осторожно отступил – противник не двигался. Этим человеком займутся палачи. Нужно только снова позвать гвардейцев... Почему-то голос, обычно громовой, не слушался, Гизельгер мог лишь беззвучно шептать.

Он не чувствовал чрезмерной боли – только удивился, почему мгновенно намочила одежда на бедре. Кровь из незамеченной поначалу раны липко, горячо струилась по ноге, стекла в сапог. Он попытался спуститься по лестнице, но потерял равновесие, упал и грузно покатался вниз. Толстые стены вновь заглушили шум падения.

«Я могу умереть», – подумал император.

Кровь из бедра била фонтаном.

– Сын! Приди ко мне, сын...

Молчание.

Нельзя позволить себе умереть сейчас... Только не сейчас. Нужно еще многое сделать... Толстая каменная плита мертво-равнодушно перегораживала выход. Император Церена в отчаянии царапал камень. Пусто. Холодно. Боже мой, какой мучительный холод... Гизельгер попытался приподняться, рычаг, открывающий проход, был совсем рядом. Он с трудом встал на дрожащие колени, поднял руки – кончики пальцев дотронулись до металла рукояти. Слишком высоко. Он рванулся, разумом и волей преодолевая вернувшуюся боль – невидимая раскаленная игла насквозь пронзила шею и раненое плечо. Ржавое железо подавалось с трудом.

Правитель мешком повис на рычаге – немалый вес сделал свое дело, плита, сухо скрипнув, отъехала в сторону.

Это усилие исчерпало силы. Ни подняться, ни закричать он уже не смог. Агонизируя, император все еще боролся. Прежде могучие руки Гизельгера дрожали, скользили в его собственной крови, но он перевалился через порог и медленно пополз по коридору, оставляя за собою широкую алую полосу.

– Сын...

В закутке у потайной лестницы, под немymi взглядами каменных статуй, вместе с Гизельгером умирала прежняя Империя – та, которую он так любил. «Я победил, и я ухожу», – успел подумать император.

Когда удивленный длительным отсутствием императора капитан гвардии решился нарушить приказ и вошел в тупичок с потайной дверью, он увидел лежащего ничком мертвого Гизельгера. Капитан не сразу поверил, что на одежде лежащего и на полу пятна крови, а не вечерний свет, пробившийся сквозь мелкие красноватые стекла окна.

Никто не мог сказать, почему тайна лестницы в стене стала известна покушавшемуся. Допрашивать убийцу было слишком поздно – удар императора проломил ему висок.

Глава 19. Мятеж

Империя, 26 февраля 7000 года от Сотворения Мира

Весть об убийстве императора ошеломила жителей столицы. Немедленно потянулись прочь от стен города вереницы повозок. В смутное время бароны берегли от превратностей семьи, разъезжались и торговцы, для которых дни Собраний были подобием ярмарки. Империи сиротеют без повелителя. На следующий день после гибели Гизельгера Собрание владельцев открыл граф Рогендорф – смутно было в баронских душах. Слишком неожиданно и странно покинул этот мир покойный правитель. Правда, остались наследники, обычай – за старшего сына, но ведь есть и двое других. Завсегдатаи в харчевнях Эберталя шепотом, опасаясь доносчиков, передавали друг другу новости одна другой удивительнее. По некоторым слухам, наследник короны, показавшись один раз баронам, укрылся на севере, в замке Лангерташ, и больше не является на Собрание. Шептались, что на самом деле императора отравил граф Рогендорфский, чтобы захватить трон и самому править Империей. Поговаривали и о тайном заговоре альвисов, сгубивших повелителя колдовством. Передавали самую верную весть – жив Гизельгер и в скором времени прибудет в столицу с войском наемных уэстеров, чтобы жестоко расправиться с непокорными баронами. Так или иначе – неотвратимы смута и мятеж. Те, кто владел домом, магазином или складом, приценивались в скобяной лавке к замкам, а в оружейной – к топорам и арбалетам. Тому, кто не владел ничем, терять было нечего.

Зато приобрести он мог немало. По трущобам Эберталя ходили незнакомцы, имена свои называть не торопились, но обещали верные деньги, храброго вождя и полное прощение мелких грешков тем, кто выступит в нужное время на *нужной* стороне.

Неизвестно, сколько *нужных* могло бы дать предместье, но собраться успел мало кто – бедствие, ожидаемое всеми, как всегда, пришло внезапно.

Граф Рогендорфский смотрел из окна своего дворца на крыши внутреннего города – вид наполовину скрывал густой дым. Горело сразу несколько зданий. Около них сустились люди, казавшиеся на расстоянии ненастоящими – сустились подобно муравьям солдаты, мелькали иглы стрел, время от времени из окон, еще на охваченных пламенем, падала, хватаясь за грудь или горло, пронзенная иглой игрушечная фигурка. Дитмар вспомнил дьяволопоклонников и свой договор с ними и постарался отодвинуть на время неприятную мысль.

Вчера к нему явились десять баронов, все из древних родов, прославленных верной службой государям и отвагой в походах, давших святой церкви не одного мудрого епископа, а то и святого средней руки. Впрочем, мудрость предков не помешала потомкам оказаться отъявленными простаками. Они объявили, что он, Дитмар, отстранен от своих полномочий, временное управление Империей переходит в руки совета регентов. До тех пор, пока не станут ясны подлинные обстоятельства гибели покойного Гизельгера. Тогда на трон Империи взойдет и примерно покарает убийц отца один из сыновей императора, кто именно – решит Собрание. Дитмар равнодушно пожал плечами. Глупцы. Ни один из новоявленных регентов не должен живым покинуть этот дом – и в ход пошли клинки засевших там солдат, которые легко смели вооруженный эскорт баронов. Граф вспомнил свистящий в воздухе двуручный меч и залитое кровью лицо великана фон Хиссельхофера, когда тот пробивался сквозь ряды убийц и, единственный из десяти, сумел это сделать. Дитмар поморщился от неприятного воспоминания – отбивая удары растерявшихся солдат, Хиссельхофер выкрикивал: «Вызываю тебя на суд божий, Рогендорф, предатель и убийца!» Ну что ж, зато остальные не ушли. Хотя – жаль, Дитмар предпочел бы обойтись без пролития голубой крови.

Он позвал оруженосца и приказал готовить доспехи. Придется самому возглавить бой на улицах. Его друг, Гаген, трус – заперся в замке Лангерташ. Хотя принц не знает о причинах гибели Гизельгера, возможно, кое о чем догадывается. Может быть, стоило посвятить его

в план полностью, но мальчишка искренне любил отца, несмотря на их разногласия. Ему будет проще, если Дитмар возьмет все на себя, не отягощая совести друга, это сыграет свою роль потом, принц – благодарная натура настолько, насколько благодарность вообще свойственна рожденным от венценосцев.

Слуга помог графу облачиться в доспех, принесенный двумя помощниками на шесте – хауберт ниже колен, сделанный из роговых пластин, более легкий, чем стальной, и непроницаемый для оружия, кольчужные поножи, простой боевой шлем без геральдического символа на гребне. Перчатки из оленьей кожи с нашитыми на них пластинками надежно закрыли руки. Поверх доспеха – холщовый гамбизон и рыцарский пояс с мечом.

Во дворе собрались вооруженные люди – вассалы и наемники, улицы города встретили их дымом пожаров, звоном мечей и криками людей. Бой во внутренней части Эберталя подходил к концу. После убийства регентов мало кто решился противостоять всесильному графу. Перевес сторонников Рогендорфа, с учетом наемников, завербованных в нижнем городе, был слишком велик. Тот, кто обнажил оружие, побуждаемый дружбой с погибшими, горечью поражения, отчаянием и жадой мести – уже был убит или отступил в бессильной надежде на милосердие или хотя бы забывчивость победителя.

Отряд графа быстро миновал внутренний город, обычно тщательно охраняемые ворота в стене оказались распахнуты настежь. Караульный домик выглядел безжизненным, городская стража не вмешивалась в междуусобицу баронов. Гвардейцы императора тоже покинули город и собрались в замке Лангерташ, охраняя жизнь наследника. Дитмар беспрепятственно миновал ворота. Дерзкие и независимые жители Эберталя в прошлом не раз с луками и мечами в руках противились императорским эдиктам, их не пугала кровь на булыжниках мостовой, но сейчас бунтовала не чернь – костер мятежа разожгли знатнейшие. Внешний город затаился – окна и двери домов плотно закрыты, на улице ни души, куда-то исчезли даже кошки и собаки. Схватывалась изморозью на холодном февральском ветру броня, дыхание людей стыло в воздухе белым облачком, звенело оружие, гулко отдавался в узких улочках топот ног. Отряд быстро продвигался к площади дворца Халле. Там предстояло свершить главное – без чего нет окончательной победы, а Дитмар хорошо знал, с какой легкостью незавершенные победы оборачиваются поражениями. Во дворце Собраний во главе с бароном Хиссельхофером засели самые непокорные – фанатики, решившие сложить головы во имя преданности императору, набальзамированное тело которого уже пять дней как ожидает похорон в соборе Святого Иоанна. «Каждый сам выбирает свою судьбу, – подумал Дитмар, – безумцы последуют в рай за Гизельгером, а мы им в том поможем...»

Сейчас площадь Халле усеивали бочки, опрокинутые телеги, из которых раздраженные сопротивлением солдаты старались создать защиту против стрел, летящих из окон здания. В ответ тоже летели стрелы, в том числе, по перенятому у южных варваров обычаю, снабженные горячей паклей. Стены дворца, сложенные из камня, не могли загореться, но, видимо, несколько стрел попало в распахнутые окна второго этажа, оттуда обильно валил дым – горели столетиями накапливаемые архивы Империи. Тексты договоров с иноземцами и хартии о вольностях городов, императорские эдикты и описания иноземных обычаев, сделанные послами, – все развеивалось легким, кудрявым дымом. Несмотря на непереносимый жар от горящих свитков и едкую копоть, на втором этаже до сих пор оставались защитники. Казалось, их скорая капитуляция неминуема – отсутствие источников воды внутри дворца не оставляло ни малейшей надежды загасить занявшийся огнем архив.

– Может, предложим им сдаться, граф... – буркнул капитан наемников, – мне бы не хотелось класть моих ребят в штурме, если без этого можно обойтись. – И, расхохотавшись, добавил: – Чертовски не хочется платить вдовам отступное.

– Это излишне, Вильгельм. Как только архив разгорится как следует, эти сумасброды или задохнутся, или выйдут на площадь. Приготовьте луки.

– Как скажете, граф.

В распахнутом окне второго этажа показалась высокая, атлетического сложения фигура. Человек удерживал в поднятых руках пылающий ящик со свитками. Языки огня уже лизали его руки, навершие шлема, почти касались лица, но великан не обращал на них ни малейшего внимания – с силой размахнувшись, он метнул свою ношу в сторону осаждающих.

– Граф Рогендорфский, не прячься за шайку твоих наемных собак и сразись со мной, бесчестный предатель!

Рука Дитмара непроизвольно сжала рукоять меча – он узнал неистового Хиссельхофера.

– Капитан, видите того человека? Его нужно снять из лука.

– Слушаюсь, ваше сиятельство... Ну-ка, Отто, сбей верзилу в окне!

Пущенная солдатом стрела лишь царапнула плечевой щиток на доспехе.

– Да ему сам дьявол помогает, капитан!

– Или Бог.

Хиссельхофер не мог слышать слов, произнесенных на площади, но он в тот же миг выкрикнул:

– Бог на нашей стороне, подлец! Он видит правду!

Лицо гиганта под шлемом с откинутой личиной светилось пламенной верой. В других окнах стали появляться люди, раненные, обожженные, они выбрасывали на площадь ящики, металы тлеющие столы и скамьи. Взвилась туча стрел, несколько человек упало на площадь, пораженные в лицо или шею, но дело было сделано – перед фасадом здания постепенно гасла груда тлеющей бумаги и дерева, развеялся дым. По-видимому, не приходилось больше надеяться, что пожар прикончит защитников дворца.

– Готовьте людей к штурму, Вильгельм.

У защитников Халле кончились стрелы. Солдаты графа безбоязненно вышли на открытое место. Откуда-то появилась крепкая скамья – на таких сидят гости в кабаках предместья. Шестеро наемников, укрывшись под аркой входа, раскачивали этот импровизированный таран на руках, ударяя в запертую изнутри дверь, прочная дубовая дверь содрогалась, но упорно держалась. Солдаты, для которых не нашлось места под входными арками, отошли в сторону, опасаясь получить удар столон или ящиком, которые защитники продолжали сбрасывать из окон второго этажа. Дверь в очередной раз содрогнулась – и рухнула. Солдаты бросили скамью и устремились внутрь, на ходу обнажая мечи, к их счастью, у поспешно собравшихся в здании баронов не оказалось копий, иначе выставленные вперед стальные жала отняли бы жизнь у изрядного числа штурмующих. Во дворце Халле оставалось не более двух десятков человек – слишком мало для обороны просторного зала Собраний. Враги графа отступили, заняв лестницу, ведущую на второй этаж, к полусторевшим архивам. Эта лестница, пробитая в толстой стене, была узкой, низко нависал полукруглый каменный потолок, в таком коридоре, устроенном наподобие проходов в стенах башен, один человек с легкостью мог задерживать целый отряд неприятеля – пока не устанет рука и воина-одиночку не найдет удар меча. За всю историю Империи враг так ни разу и не вошел в стены Эберталя, сегодня впервые лестница использовалась по назначению, оправдав затраченные на ее сооружение усилия: мебель для второго этажа пришлось в свое время изготовить прямо в архиве – массивные шкафы и столы не пропустил бы узкий коридор. Сейчас проход загораживал кто-то из оборонявшихся – железный визиер шлема закрывал его лицо почти полностью.

– Давай, Отто!

Лучший солдат наемников шагнул вперед. Скрестились мечи, лезвия по обычаю были заточены не острее, чем топор лесоруба, поэтому Отто, придерживая свой клинок рукою в латной рукавице, ловко использовал его для блоков. Теснота мешала размашистым рубящим ударам, а колющим – тяжелые доспехи фехтовальщиков.

– Прикончи его, Отто!

Наемник сделал вид, будто направляет свой меч в щит противника, но, слегка изменив движение, ударил по ноге, рыцарь, захрипев от боли, завалился на спину. Через него тут же перепрыгнул следующий из нападавших.

Бой на лестнице длился около часа. Защитники Халле стояли насмерть, отчаяние и ненависть придавали им силы. Нападавшим пришлось полить кровью каждую ступень. За это время погибло пятеро непокорных баронов и полтора десятка наемников графа Дитмара, в том числе и силач Отто, собственноручно зарубивший двоих. Когда граф Рогендорфский перешагнул последнюю ступень очищенной солдатами лестницы, путь ему преградил едва державшийся на ногах барон Хиссельхофер. Его лицо было обожжено, бровь рассечена, кровь заливала щеку.

– Поединок... Суд Божий...

«Всевышний и святые покровители, – подумал Дитмар, – наверное, этот человек потащится за мною и в ад».

– Вы надоели мне, любезный. Я не хотел вашей крови, но теперь пусть она прольется, несчастный глупец.

Граф выхватил меч и, не тратя времени, нанес удар, враг отразил его с неожиданной силой, лезвие меча Хиссельхофера полоснуло по груди Дитмара, но Рогендорфа спас непробиваемый, обшитый рогом хауберт. Однако от удара Дитмар пошатнулся – силач барон держал тяжелый меч: слабо заточенный, предназначенный для рубящих ударов. У Дитмара в руке был легкий острый эсток, который он придерживал второй рукою ниже гарды. Противники закружились по комнате – Хиссельхофер, истекающий кровью, из последних сил, яростно наносил удары, метя врагу в ноги, грудь, голову, граф, уклоняясь и вскользь парируя, выбирал момент, чтобы нанести точный укол, который отправит врага к праотцам. В дверях комнаты толпились нетерпеливые наемники, жадно всматриваясь в каждое движение противников.

За три часа до вышеописанных событий, в замке Лангерташ, наследный принц Гаген стоял у любимого некогда Гизельгером окна, выходящего к морю. Кричали чайки, набегала и отступала волна из живого зеленого стекла. Вот так все кончается, подумал он. Не увидеть больше отца, не решить своего старого спора и не стать им друзьями, как прежде.

Гаген вспомнил, как поморщился отец, когда узнал, что сын отпустил, разоружив, воинов-альвисов, выживших после угасания Сферы Маальфаса. Головы двух мертвых женщин и одного мужчины капитан конников привез повелителю в мешке. Теперь Гаген знал, кто такие альвисы. Знание пришло в свою очередь, но, как морская вода сквозь пальцы, ушли силы. Бесконечно далеким казался тот юноша, который у горящего дома в Нусбауме клялся себе, что такое не повторится в *его* Империи. Теперь Империя воистину его, но горит не деревенский дом – целые кварталы Эбертала. Он с болью подумал о том, о чем шептались слуги, открыто говорили солдаты гвардии – отец убит по приказу графа Рогендорфского. Гаген должен прямо спросить об этом друга. И тот открыто посмотрит ему в лицо и ответит – это клевета. Но спросить мешал страх – а вдруг друг не сможет посмотреть ему в лицо или, еще хуже, посмотрит прямо же в лицо и скажет: это правда. Тогда жизнь Гагена превратится в череду сменяющих друг друга нестерпимого стыда и постыдного страха...

Сзади кто-то почтительно кашлянул. Капитан Лохнер.

– Что тебе, Кунц?

– Мой принц, какие будут приказы по замку?

– Никаких. Может быть, что-то происходило?

– Да нет, ничего. Была тут одна веселая история утром.

– Что такое?

– Сумасшедший старик забрел к воротам, вроде монаха или священника, незнатный, сутана драная. Говорил, что желает видеть принца, твердил что-то насчет исповеди. Мы его прогнали. Ребята хохотали и хотели намять старику бока, но я не позволил. Наверное, святой жизни человек, да только разумом стал некрепок от праведности.

– погоди, Кунц, что он сказал, вспомни точно!

– Да вроде сказал – передайте принцу, пусть вспомнит об исповеди в церкви Святого Регинвальда, он весь от страха трясся, мало что понять можно было.

– Как его звали? Вспомни, это важно!

– А имя свое назвал – отец Гилберт... Мой принц, я могу идти? Мне пора проверить посты...

– погоди, Кунц. Я передумал. Приказы по замку будут. Собирай гвардию, пусть вооружатся, возьмут лучших лошадей и запас стрел. Пригласи сюда императорского писца и отца-инквизитора. Мы поедем в *мою* столицу.

Великан Хиссельхофер согнулся от боли, держась левой рукой за правое предплечье, только что пронзенное мечом. Сквозь прорванную кольчугу и сжатые пальцы медленно проступали темно-вишневые капли. В следующее мгновение он перехватил рукоять падающего меча левой рукой и нанес противнику сокрушительный удар навершием рукояти прямо в лицо. Из тонкого, породистого носа Дитмара хлынула кровь, стеклянно захрустели осколки двух передних зубов. Ярость захлестнула Рогендорфа.

– Ах ты мерзавец! Подыхаешь, но огрызаешься! Ты не заслуживаешь легкой смерти. Солдаты, – обратился к наемникам граф, – возьмите его и прикончите как пожелаете. Только не слишком быстро.

Кто-то из вассалов Дитмара пытался возражать – его без лишних уговоров оттеснили в сторону. Полдесятка выживших защитников Халле – покрытые ранами и обезоруженные – молча с ужасом наблюдали за происходящим.

Внезапно дверь на лестницу распахнулась.

– Что здесь происходит, граф? – перед убийцей императора стоял полноватый юноша с мягким лицом и задумчивыми карими глазами.

Мальчик осмелел-таки, подумал Дитмар, захотел все увидеть сам. Вот она, минута торжества...

– Мой повелитель. Ваше величество, *император*. Победа у вас в руках. А это – мятежные бароны, поднявшие руку на божественное право власти. Они заслужили свою участь.

– Поднявший руку на божественное право власти заслуживает самой суровой участи, Дитмар... Капитан, арестуйте графа Рогендорфского за государственную измену и мятеж. И этих людей задержите тоже. Каждый будет выслушан. Суд императора – справедлив и беспристрастен.

Кунц Лохнер с подчеркнутой готовностью отсалютовал *императору*. Остолбеневшего Дитмара окружили, капитан вырвал меч из руки вельможи. Солдаты императорской гвардии все прибывали и прибывали, подавляя сопротивление, заполняя разгромленный и залитый кровью дворец Собраний...

Глава 20. Возвращение

Империя, 15 марта 7000 года от Сотворения Мира

Алиенора фон Виттенштайн, по общему мнению, чудом спасаясь из мрачных альвиссианских подземелий, возвращалась в свои владения в сопровождении солдат – охрану при ней благосклонно оставил сам император.

Очнувшись после лихорадки в доме бургомистра и немного придя в себя, она узнала, что император Гизельгер внезапно и странно скончался в Эбертале, а на троне империи теперь молодой император Гаген – едва ли старше самой Норы. Однако Эберталь и Лангерташ были далеко, новых распоряжений не поступало, и солдаты, проотдыхавшие во Фробурге почти два месяца, были готовы сопровождать девушку. Бургомистр, внешне выказывавший гостю всяческое почтение, в душе был рад избавиться от предполагаемой любовницы покойного Гизельгера.

Первые дни ослабевшая от лихорадки девушка ехала в закрытом экипаже, запряженном четверкой лошадей. Экипаж трясло и качало на ухабах, мягкие подушки внутри не спасали, колеса вязли в мягкой земле, и, как только Нора смогла, она пересела на верховую лошадь. Она так и скакала – одна в окружении императорских гвардейцев.

Стояла ранняя весна, замерзшая земля оттаяла. Девушка с удивлением рассматривала встречающиеся временами следы недавних разрушений: пожарища на месте крестьянских домов, трупы павших лошадей на обочине. На добротной каменной виселице близ небольшого городка качалось несколько тел. Казненные оказались не в лохмотьях воров, а в солдатской одежде. Над ними кружила стая растрепанных ворон.

Отряд уходил на север, останавливаясь на ночлег близ придорожных гостиниц, впрочем, ни одна гостиница и не сумела бы вместить всех.

Нора не хотела больше думать о том, что с нею приключилось, душа и разум отторгали прошлый ужас. Ни к чему помнить о мрачной тайне Сферы Маальфаса, о высокой и опасной чести тайно беседовать с великим императором Гизельгером или о мертвой Дауре на руках у Такхая. Алиенора и так знала, что лишь чудо спасло ее от казни. Оставалось единственное желание – вернуться домой. Кончилась неделя неторопливого пути, показались знакомые места – и Нора с удивлением, как что-то давно забытое, рассматривала холмы и лес. Зима в этом году в землях Виттенштайнов была теплее, чем на западе, в Эбертале, и лишь кое-где между кочками лежал тонкий слой снега. По утрам похрустывал под копытами ледок на лужах.

На десятый день стал виден шпиль замка – на нем не было родового флага Виттенштайнов. Отряд остановился. Мост через ров оказался поднятым, вход – наглухо закрытым. Меж зубцами мелькали шлемы солдат. Алиенора, прищипорив лошадь, выехала вперед и, остановившись на открытом месте, обратила лицо в сторону стены.

– Я Алиенора фон Виттенштайн, дочь барона Виттенштайна – откройте ворота.

На стене произошло движение, один из солдат подошел к бойнице между зубцами и всмотрелся во всадницу. Нора узнала старого сержанта отцовского гарнизона, родом из уэстеров.

– Простите, миледи, но мы не можем открыть ворот, – сказал старик, до сих пор сохранивший в своей речи западный выговор. – Мы вас не знаем. Наш барон мертв, а молодой хозяин в отъезде.

– Отец умер?! Как это случилось?!

– Он был убит на собрании в Эбертале. Простите, миледи, сейчас вам следует отойти от арки, у нас приказ никого не пускать.

– Разве ты не помнишь меня, Уилл?!

– Мое старое зрение не так остро, миледи, как ваше. А еще я вижу отряд чужих солдат.

– Уилл, разве ты не помнишь, как тайком от моих родителей учил меня прыгать на лошади через зеленую изгородь? Я тогда упала и поцарапалась, но никому не сказала про тебя... А еще ты достал из голубятни моего котенка... Посмотри на мое лицо, я Нора! Я вернулась домой. Пусть солдаты останутся за воротами, нопусти меня. Нам нужно поговорить.

Сержант задумался на минуту, потом махнул рукой.

Упал подъемный мост, отворились ворота, девушка в одиночестве въехала под арку входа. Во дворе слонялись незнакомые солдаты, Уилл спешил ей навстречу.

– Я узнал вас, маленькая госпожа. Все были уверены, что вы умерли. Пойдемте в дом, нужно отдохнуть с дороги, люди рады будут услужить вам.

– Пошли кого-нибудь из слуг, Уилл, сказать моей охране, что я отпускаю их. Путь окончен. А кто такой «молодой хозяин»?

– Барон Элеран, госпожа. После того, как объявили о вашей смерти, а господина барона убили в Эбертале, он заявил о своих правах на ваши земли. Никто не стал спорить, все равно прежних хозяев не осталось.

– Теперь все изменится, Уилл. Когда придет Элеран?

– Вечером, маленькая госпожа, он уезжал в Шарфенберг.

Нора взбежала по ступеням, все было так знакомо и уже незнакомо, казалось, дом ее детства стал совсем маленьким. Служанки сустились вокруг, каждая старалась угодить, кто-то грел воду, готовили еду, глаза женщин светились радостью и обожанием, они как будто ненароком пытались дотронуться до края платья баронессы, наверное, хотели убедиться в реальности вернувшейся хозяйки.

К вечеру отдохнувшая, умытая и переодетая Алиенора сидела у окна, с нетерпением дожидаясь возвращения Элерана. Он вошел внезапно, остановился посреди комнаты, внимательно всматриваясь в ее лицо, потом сказал как-то отстраненно и грустно:

– А это действительно ты... Я думал – самозванка.

Нора, уже шагнувшая ему навстречу, резко остановилась.

– В чем дело, Элеран? Что случилось?

– Нам надо поговорить, Нора. Случилось много всего, и многое изменилось. Кстати, прими мои соболезнования. Твой отец был несколько твердолюб, недостаточно гибок, но всегда оставался честным рыцарем.

Нора поразила равнодушно-пренебрежительному тону Шарфенберга – и осеклась на полуслове. Элеран твердо посмотрел ей прямо в глаза, но тут же отвернулся, где-то под коркой его равнодушия тлела искорка тревоги. Неясное опасение заставило девушку промолчать.

– Это была просто стычка на собрании баронов. Твоему отцу не повезло – встал не на ту сторону. Он умер быстро, в бою. Это хорошая смерть.

– Где тело отца? Я хочу увидеть его.

– Тело погребли в Эбертале. Поверь мне, все было сделано наилучшим образом.

Нора, выпрямившись, отвернулась к окну – на дворе муравьями сустились солдаты. Почему-то ей хотелось, чтобы Элеран не заметил ее слез. Она обернулась, когда ресницы уже высохли. Шарфенберг – что удивительно – сидел, терпеливо ожидая развязки дочерних переживаний. Девушка изумилась – на поясе Элерана висел меч. Оказывается, он так и вошел в ее комнату с мечом, словно она была низкороджденной служанкой. Нора, забывшись, с интересом рассматривала бледный, точеный профиль жениха. Шарфенберг неуловимо переменялся – в нем сейчас было нечто от дорогой, но потерянной монеты, которая прошла через множество цепких рук.

– Что еще?

– Нам нужно объясниться...

Он резко встал, почти отшвырнув в сторону кресло.

– Не будем медлить, это ни к чему. Сразу скажу – я сожалею и прошу прощения, что не смог тебя защитить. Возможно, если следовать канонам, я должен был умереть там, в холмах, со стрелой между ребрами, кровью на губах и небом в глазах – как поют в песнях.

– Я не обвиняю тебя за то, что ты не умер.

Элеран махнул рукой, отрезая прошлое.

– Оставь. Женское мнение в таких делах мало что значит. Я осудил собственную слабость и найду способ восстановить свою честь, эта война – не последняя в Церене. В сущности, я о другом... Между нами все кончено.

– Что ты хочешь сказать?

– После всего, что произошло, наш брак не может состояться.

Нора почти с жалостью посмотрела на Шарфенберга – в нем определенно что-то поблекло. Огонек тревоги мерцал в уголках красивых глаз, в углах рта залегли жесткие угловатые складки.

– Но я не гоню тебя, Элеран.

Шарфенберг остановился резко, словно запнувшись, и ошеломленно воззрился на невесту.

– Святой гром! Я вовсе не это имел в виду! Я хочу сказать, что женщина, репутация которой настолько испорчена, не может быть моей женой!

Кровь бросилась Норе в лицо – ее щеки по цвету почти сравнялись с волосами.

– Значит, я недостойна быть женой мессира Шарфенберга, который так гнал жеребца, что бросил невесту на поле боя?

Элеран заломил брови, довольно убедительно демонстрируя тоску.

– Что делать, краса земли и неба! Не я же выдуман эти условности. В конце концов, я не желаю, чтобы будущая баронесса Шарфенберг имела на чести хоть малюсенькое, совсем малюсенькое, пусть даже воображаемое пятнышко.

Нора хладнокровно отметила, что ни кричать, ни плакать ей почему-то совершенно не хочется, и...

– Ну что ж, нашу помолвку можешь считать расторгнутой по обоюдному согласию.

Элеран подавился концом фразы и уставился на наследницу Виттенштайнов с неожиданным интересом, будто впервые увидел рыжую деву.

– Я охотно проведу с тобою какое-то время, пока ты не придешь в себя после пережитого, разумеется, мы расстанемся не сегодня.

– Я в здравом уме и в твоём обществе не нуждаюсь. Я ничуть не сомневаюсь, что ты немедленно уберешь из гарнизона моего наследственного замка своих солдат, а из моих деревень – своих управляющих.

Элеран помедлил, колеблясь.

– Конечно.

Нора высокомерно кивнула и повернулась к окну, давая понять, что разговор окончен. Элеран молчал у нее за спиной, под его широкими шагами чуть потрескивали доски пола. По дыханию было слышно, как он остановился. Горячие пальцы коснулись ее руки.

– Послушай, не думай обо мне плохо. Мне больно и очень жаль.

Он помедлил и сильно сдвинул сначала ее ладонь, потом – руку чуть повыше локтя. Виттенштайн вздрогнула и развернулась, вырываясь.

– Оставь.

– Я люблю тебя... Я схожу с ума при мысли, что мы расстаемся... Подожди...

Глаза Шарфенберга сделались тусклыми. Он не столько отвел, сколько оттащил девушку от окна. Уклониться от объятий Элерана помешал с одной стороны – стол, с другой – стена. Нора взвизгнула, почувствовав, как хрустнули тонкие косточки ребер.

– Не вырывайся... Пстой. Тихо, тихо, не надо кричать. Тебе ведь уже все равно, так почему бы...

– Ах ты...

Последующую фразу на языке альвисов Элеран не понял, ее точно разящий смысл не добрался до затуманенного страстью разума героя. Будь по-иному, мнение Шарфенберга на предмет испорченности Норы получило бы самые веские подтверждения. Зато в следующее мгновение его ошеломила полновесная, звонкая пощечина, полученная от руки дочери Виттенштайнов.

Элеран отпрыгнул к стене, держась за полыхающую костром щеку. Нора бросилась к окну, распахнула оправленный свинцом переплет.

– Уилл! Уилл!

Старый солдат задрал покрытую шлемом голову, с удивлением разглядывая яростную гримаску хозяйки.

– Чем могу служить, госпожа?

– Поднимись ко мне, Уилл. Мессир Шарфенберг хочет с тобой побеседовать.

– Слушаюсь, миледи.

Шарфенберг уже чуть успокоился, взял со стола плащ, поправил пояс с мечом.

– Не трудись звать лакеев, Нора. Я уйду. Прощай. Мне и в самом деле очень жаль.

Нора промолчала, хладнокровно рассматривая высокомерного Элерана. Красивый абрис лица несколько портили красные пятна от ее пальцев.

Помрачневший барон, чуть помедлив, ждал ответа. Не дождавшись, почтительно поклонился, повернулся и, задумчиво потирая щеку, вышел из комнаты.

Нора с озорством выглянула в распахнутое окно. Солдаты гарнизона пересмеивались во дворе, провожая дерзкими взглядами гордо выпрямленную спину Шарфенберга. Уилл с победным видом крутил сивый ус...

Вечер прошел спокойно, Нора поискала в своей душе печаль по разрушенному прошлому, но не находила ничего, напротив, ей было легко и спокойно. Только жаль отца. Виттенштайн взяла со специального поставца искусно переписанную книгу – любимую книгу матери, открыла случайную страницу:

Я десять стран и сто дорог,
Родной переступив порог,
С мечом прошел, но, возвратясь,
Надеждам прежним посмеюсь,
За подвиги не жду наград —
Тому, что жив, безмерно рад.

Рядом, на том же поставце, блестел золотом увесистый том ученого ромея кира Бореуса «История Аморийской династии». Нора протянула руку к переплету, но так и не тронула его. Династии различны, да вот государи – все они одинаковы, с горечью подумала она.

Девушка легла спать, задернув полог кровати, но не в собственной старой комнате, а в комнате старого барона Виттенштайна, в которой испокон веков отходили ко сну грозные хозяева замка, а на стенах висели их прославленные клинки.

Под утро ее разбудил шум, топот ног по деревянным доскам коридора, крики женщин, лязг металла. Нора резко поднялась и удивилась, увидев над собой вместо привычного потолка пещеры – полог кровати, а вместо света масляной лампы – предутренний свет чуть занимавшейся весенней зари.

Она в одной рубашке подбежала к окну и выглянула во двор.

На плитах двора там и сям блестел иней позднего заморозка. Топча его, кучками и один на один, рубились солдаты. Звенели, скрещиваясь, мечи, гулко разносились хриплые выкрики. Кое-где на пятнах снега и камнях уже корчились раненые или лежали неподвижные тела, алела кровь. У части солдат на доспехах красовалась эмблема ее отца, у других – Элерана.

Алиенора видела, как Уилл, в последней, отчаянной попытке спастись, рванулся к подъемному мосту и дернул ручку – загремела освобожденная цепь. Мост опустился, но несколько длинных стрел тут же пригвоздили старого сержанта к створке полуоткрытых ворот.

Сердце Норы замерло на мгновение, а потом забилося, как пойманный зайчонок. По коридору стучали сапоги, шаги удалялись в сторону ее старой комнаты – той, в которой она не ночевала. Девушка подбежала к стене и попыталась снять один из мечей, кажется, это был клинок ее деда, меч-полуторник. Сил Алиеноры хватило на то, чтобы снять оружие со стены и, немного приподняв его двумя руками, неловко помахать. Она не умела драться, женщины Церена не должны сражаться, их удел хранить род...

Мгновенно уставшие руки ослабели, меч упал на ковер, она нагнулась его поднять, да так и замерла на месте. На пороге комнаты стоял Элеран, он держал в руках почти такой же меч, бледное лицо дергал тик, глаза зло сузились.

– Ты думала, что я просто так уйду и оставляю тебе лучшие владения в округе, ты! Ты, шлюха, нелюдь, альвисовский подменыш! – кричал он, сам наполовину веря в сказанное. Потом шагнул ближе, примеряясь ударить мечом.

Женщина отпрыгнула в сторону – меч со свистом прошел мимо, задев рыжую прядь. Элеран по-солдатски выругался и шагнул следом.

– Стой.

Нора отбежала так, чтобы между нею и противником оказался стол. Элеран нанес колющий удар, но не дотянулся до слишком проворной жертвы.

– Стой, тварь.

– Ты предатель!

Элеран лишь усмехнулся.

– Я – разумный человек. То, чем ты стала, мне не понадобится.

Шарфенберг рубанул проскользнувшую мимо Нору, но вместо этого попал по крышке стола. Ценное дерево треснуло и оцетинилось свежими щепками. Нора не верила своим ушам – изысканный Элеран сыпал непристойной бранью – похоже, он попросту задался целью вывести жертву из равновесия.

– Твой проклятой души отец был так же глуп, как ты, но ты еще и потаскуха, моя звезда. Он умер, но ты будешь умирать интереснее.

Нора, задыхаясь и с трудом сохраняя остатки самообладания, с ужасом следила за полубезумным лицом Элерана.

Так они и кружили по наполовину разгромленной комнате. Шарфенбергу мешала мебель и привычка рубиться с атакующим, а не убегающим врагом. Девушка понимала, что не сможет уворачиваться вечно. После очередного выпада она отпрянула, запнулась о меч деда, валявшийся под ногами, и рухнула на колени.

Элеран замахнулся – и не ударил. Он стоял над нею, медля – то ли стеснялся задуманного, то ли наслаждался, оттягивая момент расправы.

– Шлюха.

Нора вдруг некстати припомнила слова матери: «Благородные дамы не должны сражаться. Их дело – хранить род».

– Ты будешь последней в своем роду, тварь! – словно подслушав ее мысли, процедил Элеран, метя ударить по склоненной шее девушки.

«Их дело – хранить род».

Нора осторожно подняла полуторник с ковра и ткнула им в сторону врага. Удар получился неумелым, но совершенно неожиданным, и этого оказалось достаточно.

Острая сталь легко вошла торжествующему Элерану в незащищенный живот. Струя алой крови из перебитой артерии ударила фонтаном.

Липкая влага хлынула ей на руки, на рубашку, капли брызнули прямо в лицо...

Никогда уже она не будет чувствовать себя такой чистой, как прежде. Алиенора неловко поднялась с колен, обтерла грязные руки, накинула платье, потом опять и опять, до боли терла ладони и не могла остановиться. Волоча за собой тяжелый меч, прошла к выходу мимо мертвого Элерана. На его ставшем беззащитным лице застыло растерянное, мальчишески-обиженное выражение.

Замковый двор заполняли солдаты имперской гвардии. Они врывались через ворота – те, что в самый момент гибели открыл старый Уилл.

«Так вот почему он опустил мост. Он вовсе не пытался бежать. Он хотел спасти меня», – запоздало поняла Нора.

К ней, вытирая на ходу меч, подошел командир гвардейцев.

– Простите, но мы послушались отданного от вашего имени приказа, госпожа. Мы не ушли, потому что опасались за вашу жизнь и не доверяли им.

Имперцы подавляли последнее сопротивление во дворе. Тех, кто складывал оружие, отводили в сторону, прочих добивали без пощады.

И Нора ответила:

– Это плохо – нарушать приказы, капитан. Но все равно – вы сделали правильно и... спасибо вам.

Прошли последние холода хмурой, неприветливой, затянувшейся весны. Империя приходила в себя после потрясений. Бароны, уцелевшие после мятежа, признали наследника Гагена императором. Одним из первых указов новый император отменил ритуал Жребия. Вторым – объявил амнистию тем из Отрицающих, которые прекратят сатанинские ритуалы и добровольно сдадутся правосудию. Таких, впрочем, оказалось немного.

Альвисы, а среди них выжил только каждый четвертый, лишились вождей, павших на южной равнине, и были признаны полноправными подданными Церена. В том числе имеющими право лично обращаться к императору с просьбами, приближаясь к нему. А как часто они умели использовать это право – кто станет считать?

В первые дни доброго, солнечного мая, после внимательного (два месяца) следствия и милосердного (всего один день) суда, на главной площади Эберталя был казнен граф Дитмар. Главному вельможе государства деликатно предложили принять яд, но он отказался, не стал и просить нового императора о помиловании. Сам, обычным для него легким шагом, прошел путь до последней ступени эшафота и не показывал признаков страха до самого конца – пока под мечом палача не пала голова величайшего авантюриста Империи.

Верные были награждены. Неверные – наказаны. Начинались годы нового правления.

Глава 21. Шарфенбергская охота

Империя, май 7010 года от Сотворения Мира

В один из ясных весенних дней на дороге, уходящей от ворот Эберталя на восток, появились двое. Худощавый русоволосый всадник лет тридцати шести нередко останавливал смиренную лошадку и, прищулив холодные светлые глаза, высматривал что-то в отдалении. Впрочем, дорога оставалась спокойной. За десять лет, что правил Империей Гаген I, прославляемый при дворе в качестве Справедливого, а в народе прозванный Капеллан-Придира, путешествовать стало куда безопаснее. Надолго ли – кто знает? Но если небеса посылают мир, благоразумно насладиться миром.

– Господин Людвиг!

Оклик прервал размышления путешественника, и тот прищипнул лошадь, догоняя спутника. Людвиг фон Фирхоф, ученый-путешественник, ехал не один. Голос подал слуга, нанятый позавчера в придорожном трактире, – крепкий туповатый малый с круглым лицом и белесыми коровьими ресницами. Однако первое впечатление часто обманчиво. Хайни Ладер был хитер, как крыса, под дугами выгоревших бровей прятались близко посаженные острые глазки. Его кожаную куртку покрывали нашитые стальные пластины, остаток отсеченного когда-то левого уха уродовал бугристый шрам. Проводник Людвига в большей степени походил на солдата, чем на слугу. Да, собственно, он и был когда-то наемником в армии Гизельгера.

– Не отставайте, хозяин! Мало ли что...

К разумным советам стоит прислушаться. Всадник поторопился, помянув в душе про себя прежнего императора.

Тот был велик – это да. Зато жизнь его земная кончилась плохо. Правителя, нажившего сонмище врагов, закололи прямо во дворце Собраний. Двадцатилетний Людвиг, тогда еще студент-богослов, хорошо запомнил дым над крышами и бешеный звон мечей в руках солдат, пробивавшихся ко дворцу Халле.

Позже, когда погас огонь, рассеялся дым и успокоились умы, головы мятежных баронов слетели на плахе. Тогда же смирили силой оружия и вернули в лоно церкви бродяг-альвисов. А затем новый государь понемногу, не торопясь, дал святой инквизиции ту власть, которой она сейчас и обладает. Многогранно зло в этом мире...

Копыта лошадей стучали по хорошо утоптанной дороге, с обеих ее сторон протянулись невысокие заросли орешника с едва проклюнувшимися листочками, в кустах пронзительно кричала птица. Постепенно кусты вдоль дороги сменились просторными полями, сельские дома под солнцем казались яркими игрушками, почти у линии горизонта, на одиноко стоявшем холме, едва виднелось какое-то укрепленное строение, замок или маленький город.

– Далеко отсюда до Фробурга, Хайни?

– Еще день пути к югу, если идти напрямую, тропами. Но там не пройдет повозка. Три дня, если ехать дорогой.

– Ты знаешь эти места?

– Воевал здесь, когда добивали альвисов, господин Людвиг.

– Любопытно, Хайни. Так, значит, ты участвовал в святом походе?

– Выходит, да.

– Ого! Сражался с малефиками?

– Я человек маленький, господин. Верую. Куда пошлют – иду. Прикажет император – воюю. А больше ничего не знаю. Чтобы объяснить, на то капеллан есть.

– Разумно, друг мой. А ты сам встречался когда-нибудь с кознями дьявола?

– У моего барона до того, как я... В общем, до того, как я в солдаты от него подался, был меч с особой рукоятью. Там в навершии камень блестящий, круглый. В том камне жил

собственный демон господина барона. Отчего и не было ему равных в удаче. Слышал, потом господина барона убили случайно на турнире, и его демон вместе с мечом и большой-пребольшой удачей, стало быть, другому достался...

Наемник с удивлением повернул голову в сторону богослова. Людвиг уткнулся в воротник. Плечи нанимателя странным образом тряслись, казалось, он пытался подавить внезапную икоту.

– Хайни, подай мне флягу из сумки...

– Держите.

Поля вокруг снова сменились оврагами и холмами, там, где не было холмов, стоял сплошной стеной лес.

– К вечеру доберемся...

– Ты был тут?

– Проезжал как-то через эти места, а так, чтобы жить здесь – нет, не жил. Плохие это земли, господин Людвиг. Сплошь лес, холмы. На востоке горы.

Стволы елей подступили к самой дороге.

– Слышите?

До всадников доносился отдаленный вой. Выли, разноголосо взлаивая, собаки. Шум постепенно приближался. К нему примешивались звуки охотничьего рожка.

Раздвинулись придорожные кусты, и под ноги лошадям метнулась рыжая тень – облезлая лиса прокатилась меховым клубком, перемахнула дорогу и вновь скрылась в еловых зарослях. За нею, окружая, вылетели борзые. Испуганная лошадь фон Фирхофа встала на дыбы, он с трудом удержался в седле. Вожак своры отпрянул в сторону, едва не попав под копыта. Остальные псы слегка замешкались, линияло-рыжий мех ускользнувшей добычи мелькнул уже в отдалении.

Хайни Ладер, пунцовый от смущения и ярости, разразился витиеватой бранью. Вслед за псами на дорогу выбралась кавалькада охотников, первый из них, молодой мужчина в красном кафтане, шапочке с пером и с охотничьим арбалетом у седла, придержал лошадь. Уголок рта у него дергался от ярости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.